

СЦЕНИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЗАИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ИНСЦЕНИРОВКУ

ХРЕСТОМАТИЯ

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Самарский государственный институт культуры»

Сценическая трансформация прозаического произведения в инсценировку

Хрестоматия

Автор-составитель

И.И. Добросолец

Самара 2025

УДК [792.021+82-3][076.6]

ББК [85.33+83]я7

Печатается по решению
редакционно-издательского совета института

Рецензенты:

Петров В.В., профессор Самарского государственного института культуры;

Адиякова М.К., заместитель директора по воспитательной работе МБОУ ДО «ПДШИ», руководитель Народного театра «Муравей-НИК», заслуженный работник культуры РФ

Сценическая трансформация прозаического произведения в инсценировку: хрестоматия / автор-составитель И.И. Добросолец; Самарский государственный институт культуры. – Самара, 2025. – 146 с.

Хрестоматия рассматривает учебно-практические технологии процесса инсценирования прозы и режиссерские приемы воплощения инсценировки на сцене. Хрестоматия включает тексты инсценировок, написанных в разные годы и реализованных в учебном процессе со студентами СГИК.

Предназначено для студентов, обучающихся по направлению подготовки 51.03.02 Народная художественная культура, профилю «Руководство любительским театром», руководителей любительских театров, а также может быть использовано в обучении магистров по направлению подготовки 51.03.02 Народная художественная культура, профилю «Режиссура любительского театра».

УДК [792.021+82-3][076.6]

ББК [85.33+83]я7

© Добросолец И.И., 2025
© Составление. СГИК, 2025

Содержание

Введение	4
1. Северные сказы Бориса Шергина	8
Добросолец И.И. Дунька, Пронька и Варвара Ивановна <i>(Композиция по сказам Б. Шергина)</i>	11
2. Композиция инсценировки и композиция спектакля	27
Бригаднов А.Е., Добросолец И.И. От Эсхила до Брехта, или Галопом по Европам <i>(Театрализованные лекции за 5 уроков на языке оригинала)</i>	30
3. Специфические особенности работы режиссера над музыкальным спектаклем в театре	36
Митрофанов Д.Ю., Добросолец И.И. Закон джунглей <i>(Инсценированные главы рассказов «Маугли» Книги джунглей Р. Киплинга)</i>	40
4. Инсценизация как форма перевода прозы в спектакль	63
Добросолец И.И. Кролики и удавы <i>(Инсценировка философской сказки Ф. Искандера)</i>	65
5. Инсценирование прозы в контексте современных тенденций театрального искусства	106
Добросолец И.И. Живи и помни <i>(Инсценировка по повести В. Распутина «Живи и помни»)</i>	108
Заключение	144
Список литературы	145

Введение

Хрестоматия посвящена инсценированию прозаического литературного произведения. Одним из важнейших профессиональных навыков режиссера любительского театра является умение создавать инсценировки письменно и владение практическим переводом прозы или поэтического материала на язык театра.

Учитывая особенности состава своего коллектива, специфику его творческих возможностей, руководитель любительского театра не всегда может выбрать пьесу, которая бы гарантировала успешное распределение ролей и удовлетворяла эстетические запросы коллектива. Поэтому инсценировки имеют гораздо более широкие возможности для реализации творческих амбиций и границы художественного диапазона в процессе формирования репертуарной политики любительского театра.

Цель хрестоматии – на практических примерах показать способы сценической трансформации литературного произведения в инсценировку.

Реализация данной цели определяет следующие задачи:

- исследование разработки и внедрения методик сценического перевода литературного произведения в инсценировку на образцах текстов, адаптированных в практических постановках в Учебном театре СГИК;
- формирование чуткости к сценическим выразительным средствам и способам их отбора;
- овладение навыками реализации событийной, действенной основы прозы в процессе ее инсценизации.

Важнейшим разделом драматической инсценизации является режиссерская аналитическая работа над первоисточником. Под анализом рассказа подразумевается изучение трансформации повествования в театральном процессе, а не изучение рассказов действующих лиц. Форма изложения фактов в системе театрального представления есть повествование, или другими словами, наррация. Наррация – это ситуация нарративного (повествовательного) дискурса, это *рассказанная* история, повествование о прошедших событиях, описание тех или иных фактов. Повествование осуществляется чаще всего вербальным

способом, но иногда и при помощи визуальных образов, пластических композиций, мизансцен, жестов и т. д. Важным этапом в разборе литературного произведения является изучение текстового материала. Анализ текста происходит не только на уровне слов, которые произносят персонажи, но и в сфере психологической и семантической структуры, выявляющей определенные параметры сущности персонажа. С психологической точки зрения «анализ текста» сводится к изучению речи персонажей как отражения внутреннего мира, его характерных и индивидуальных черт.

Чаще всего театр ассоциируется с конфликтно-действенным процессом, чем с рассказом повествователя. Рассказ повествователя в театре является частным случаем в системе сценического действия. Изучение собственно рассказа должно происходить в театре на двух уровнях: на *нарративном* и *дискурсивном*. Повествование может осуществляться:

- подражанием лиц;
- иллюзией;
- отчуждением;
- эпичностью.

Нарративная инстанция – это не всегда персонаж. Это может быть письмо, транспарант, газета, радио, голос за сценой, предмет и т. д.

Сущность и назначение инсценировки в том, чтобы передать замысел автора через систему сценических образов, поскольку театр по своей природе представляет гораздо больше внешних, зрелищных выразительных средств, чем литература. Цель инсценировщика добиться, чтобы литературное произведение стало сценическим, но при этом сохранило бы в своем театральном эквиваленте мысль, стиль и жанр автора, то есть его художественно-смысловую уникальность.

Способы перевода прозы в драматическое произведение, следующие:

- ввод в инсценировку чтеца, рассказчика, «человека от театра», который повествует о ходе событий, осуществляет связки между сценами, комментирует действие по ходу сцены, усиливая общее эмоциональное впечатление и т. д.;
- *демультипликация* – когда один исполнитель играет двух персонажей;
- *синкретизм (раздвоение)* – когда два-три исполнителя играют одну роль;
- *коллективный рассказ*.

Едва ли можно предложить готовый рецепт создания инсценировки. Методов работы над ней довольно много. Каждый автор, каждый режиссер ищет свой путь, свой творческий метод переноса литературного материала или каких-то рассказанных событий на сцену. Но существуют непреложные принципы создания инсценировки: верность авторскому замыслу, подчинение одной идее, конкретной теме, конфликту, контраст, сочинение зрелищных фрагментов, адекватных авторскому стилю нарративных эпизодов прозы.

В данной хрестоматии в качестве примера размещены две сценические композиции и три инсценировки разных жанров. Эти инсценировки были написаны в разное время, некоторые являются чисто авторскими, некоторые написаны в соавторстве со студентами разных выпусков.

Первая композиция состоит из сказов Б. Шергина и посвящена специфике работы над фольклорным материалом.

Вторая композиция состоит из отрывков пяти пьес – шедевров мирового театра: Эсхил «Прометей прикованный», У. Шекспир «Сон в летнюю ночь», Ж.Б. Мольер «Тартюф», К. Гольдони «Трактирщица», Б. Брехт «Трехгрошовая опера». Композиция решалась в форме пяти уроков в жанре театрализованной лекции «Галопом по Европам» и несла культурно-просветительские функции. В композиции не указаны конкретные отрывки из пьес. Любой руководитель может выбрать любой отрывок, отталкиваясь от исполнителей своего коллектива.

Третья инсценировка была написана по мотивам книги джунглей Р. Киплинга «Маугли» и воплощалась как музыкальный спектакль.

Четвертая инсценировка написана по философской сказке Ф. Искандера «Кролики и удавы» и реализовывалась на сцене как притча в двух действиях с прологом и эпилогом.

Пятая инсценировка по повести В. Распутина «Живи и помни» решалась в жанре драматического сказа.

Перед каждым текстом даны краткие методические указания по работе инсценировщика над первоисточником с учетом специфики определенного вида литературного материала. Перед тем как начать реализовывать инсценировку, режиссеру необходимо сосредоточиться на детальном изучении исходного литературного материала и творческого кредо автора, глубоко, подробно разборе достоинств и недостатков инсценируемого материала.

Анализ инсценируемого произведения может состоять из следующих этапов:

1. Определение темы произведения, ее актуальности и современности.

2. Определение идеи произведения. Описание характера мировоззрения автора.

3. Раскрытие конфликта, реализуемого в сквозном действии. Выявление действия и контрдействия.

4. Анализ произведения по элементам сюжета (экспозиция, завязка, развитие действия до кульминации, кульминация, развитие действия до развязки, развязка, финал).

5. Определение фабулы произведения.

6. Выявление основных событий и взаимоотношений героев инсценировки, занятых в этих событиях.

7. Поиск сценической атмосферы, в которой живут и взаимодействуют герои произведения.

Все инсценировки в свое время были реализованы в учебных аудиториях и на сцене Учебного театра Самарского государственного института культуры. Данная хрестоматия адресована студентам, обучающимся по направлению подготовки 51.03.02 Народная художественная культура, профилю «Руководство любительским театром», магистрам, обучающимся по направлению подготовки 51.03.02 Народная художественная культура, профилю «Режиссура любительского театра», а также может использоваться руководителями любительских театров.

1. Северные сказы Бориса Шергина

Погружение в мир автора, в мир идей и образов того или иного писателя является основной сквозной целью инсценировщика. Присвоить авторский замысел в контексте сценического языка и соотнести его с современностью – ведущая задача режиссера. Воспитывать у участников коллектива и исполнителей любовь к содержанию первоисточника, интерес к теме, верность сюжету, композиции, стилю автора, видение выразительных средств и вкус к художественным достоинствам автора – всё это является каждодневной заботой постановщика инсценировки.

Приходит момент в обучении, когда исполнитель начинает работать не по формуле «Я» в предлагаемых обстоятельствах, а по принципу «Я» в предлагаемых обстоятельствах **автора**. В этот переходный момент очень хорошо брать в репертуар работу над сказками, сказами, сказаниями. Это могут быть сказки различных народов мира. При инсценировании сказов нередко используют метод группового рассказа.

В данной хрестоматии приводится пример инсценирования трех северных сказов Бориса Шергина: «Варвара Ивановна», «Умная Дуня», «Пронька Грязной».

Родина Бориса Шергина – Русский Север. В дни юности писателя, а родился он в 1893 году, то есть на рубеже XX века, берега Белого моря еще называли «страной чудес». Русский Север – это вековые леса, зыбкие мшистые болота. Север Руси укрылся от опустошительных набегов монгольских орд, до него еще не добрался современный уклад жизни. Обиход поморов украшали волшебнo-причудливые одежды северян, величавые дома и храмы, расписные сани, дуги, прялки, коньки крыш. Больше всего увлекало сердца жителей этого края изустное искусство местных сказителей.

Но наступает время, когда начинает забываться народное искусство и Борис Шергин, стремясь заинтересовать читателя в своих переработках, расцветчивает переложения былин, баллад и легенд, чтобы обратить читателя к классическим записям былин. Шергин

понимает, что народ на этот момент никогда не слышал настоящего фольклорного творчества. А оно всегда исполнялось изустно, под напев и аккомпанемент гуслей, с рождающимися на лету импровизациям. Он старается сделать сюжеты живыми, расширяет их или сжимает. Иногда рассказчик в его сказах комментирует то или иное событие. Борис Шергин освобождает от лишних наслоений этнографические записи, предания и сказки. Особый успех Шергина ждал при обращении к сказам, когда читатели погружались в рисуемый рассказчиком мир. Особенность устной интонации *сказывания* формируется из образной живости местных слов, неповторимых интонационных красок. Ощущается даже тембр голоса и его нюансы, присущие только поморской народной речи. В этом и заключается главная прелесть сказов Шергина. В них присутствует *беседная речь*, оригинальные речевые обороты. Бесконечно богат и речевой словарь, при этом чисто русский. Шергин сохранил уникальные особенности северной речи, и в этом заразительность, сценичность и ценность его стиля. Много лет свои рассказы Борис Шергин носил только устно. И по мере того как рассказ у него, по его выражению, «укатывался, улаживался», он выносил его на сцену. Его самым искренним стремлением было донести языком поморов рассказ до слушателя. Северные рассказчики не «играют», они преподносят рассказ без жестов. И трагические, и лирические места передают одной только модуляцией речи.

Работая над таким самобытным, своеобразным автором, мы решили использовать традиции и принципы театра представления. М.М. Буткевич в своей книге «К игровому театру» отмечает позиции, над которыми нужно работать в стиле театра представления.

1. Игра и театр на практике всегда существовали нераздельно. Одно и другое просто не может жить друг без друга.
2. Функция игры тесно связана с юмором. Прививать юмор нужно со школьной скамьи. Поэтому в спектакле могут быть использованы игровые юмористические моменты.
3. В театре представления надо искусственно подчеркивать сценические приемы выявления, надо пояснять, показывать их ради большей наглядности. Словом, нужна известная доля театральности. В минуты публичного творчества важно не то, как переживает сам артист, а важно то, что чувствует смотрящий его зритель.
4. Театр по самой своей природе условен, сцена слишком бедна средствами, для того чтобы давать иллюзию настоящей жизни.

Театр должен создавать условности. Условность изображает внутренний образ и страсти пьесы, условность этого направления должна быть духовно содержательной.

5. Артистам искусства представления предстоит создать наилучшую для сцены художественную форму, объясняющую процесс, переживаемый артистом. С этого момента работа артиста как бы переходит из плоскости жизни в плоскость условностей театра и сцены.
6. Создав в воображении наилучшую форму для сценической передачи внутреннего образа и страстей роли, артист старается воплотить ее внешними, телесными сценическими средствами. Став скульптором своей мечты, артист лепит из себя самого наилучшую форму, красиво воплощающую когда-то пережитые внутренний образ и страсти роли. Внешний образ роли, то есть грим, костюм, типичные привычки, манеры, походка, голос роли, также сначала создается в воображении артиста, а уж потом переносится им на себя самого, как модель на полотно картины.

Итак, первая половина творческой работы в стиле театра представления отдана процессу переживания роли на репетициях, а вторая – процессу ее выражения (игры) на сцене. Искусство представления требует не только разнообразия, но и совершенства, чтобы оставаться искусством, в противном случае оно может превратиться в простое ремесло.

Дунька, Пронька и Варвара Ивановна

Композиция по сказам Б. Шергина.
Скоморошьи сказы в одном действии

Пролог

В центре сцены стоят две ширмы, справа прислонена дверь к кулисе, дверь оформлена цветными заплатками. Под веселую, оживленную музыку вбегают 7 скоморохов. Трое скоморохов изображают тройку лошадей, остальные наездники. Вместо дуги над «лошадьми» скрученное полотно, похожее на лоскутное одеяло. Скоморохи бегут через зрительный зал на сцену. Один из скоморохов вывозит из центра между ширмами сундук на колесиках, который тоже оформлен заплатками. Другие скоморохи завешивают ширмы лоскутным одеялом. Двое скоморохов, которые будут играть Саню и Дуню, выбегают из-за ширм с рамой и встают за сундуком, изображая портрет. Остальные садятся на авансцену на пол. Из сундука вылезает скоморох, который будет играть кота. Кот вылезает из сундука, потягивается, садится на сундук, начинает сказ.

Умная Дуня

Кот. Были Саня и Дуня, брат и сестра.

Саня. Саня в городе работал.

Дуня. Дуня дома хозяйничала, в деревне.

Кот. Вот она от брата записку получила:

Саня дает записку Дуне, Дуня повертела бумагу так и сяк, читать не сумела, отдает коту, кот читает.

Кот. «Завтра приеду домой на побывку».

Саня. Воооот. *(Уходит вместе с рамой.)*

Дуня. Чем буду братца угощать?.. Ах, братец котлеты любит! *(Сгоняет с сундука кота, достает из сундука тарелку, а на тарелке большая котлета (она сделана из поролона, в дальнейшем весь реквизит и бутафория сделаны из раскрашенного поролона). Ставит котлету на сундук.)*

Дуня. Ох, забыла: братец уксус любит! *(Убегает за ширмы.)*

Кот пристраивается и готов уже съесть котлету.

Дуня. Ох, котлета сгорит!

Выбегает из-за ширмы. Отгоняет кота от котлеты. Отдает ее сидящим скоморохам.

Дуня. Ох, забыла кран завернуть, уксус выбежит! *(Убегает за ширму.)*

Ах, меня братец забранит: сырость развела!

В это время скоморохи вместе с котом «съедают котлету». Кот вылизывается после сытного обеда. Дуня кричит за сценой: «Ох, кошка котлету съест!» Забегает Дуня, видит, что котлеты нет. За шкуру поднимает кота, отталкивает его в сторону. Он с мяуканьем отпрыгивает.

Кот. Кот давно котлету съел.

Дуня. Что же делать. *(Садится на сундук.)* Нет ни уксуса, ни котлеты.

Кот. А брат приехал веселый, не стал браниться.

Заходит Саня, в руках у него веером пачка бумажных денег.

Саня. Дуня, я поеду на завод насчет железа, крышу крыть. А деньги вот, в сундук кладу. *(Открывает сундук, кладет в него деньги.)*

Дуня. Деньги бывают золотые и серебряные, а тут бумажки пестрые.

Саня. Ладно, не толкуй.

Брат ушел, Дуня села у окна покрасоваться.

Скоморох (Горшечник). Мимо горшечник едет.

Звучит музыка. Под нее скоморохи делают этюд приезда горшечника.

Горшечник. Эй, красавица, горшков не надо ли?

Дуня. Надо, только денег настоящих нет, а все бумажки пестрые.

Горшечник. Покажи!

Она деньги из сундука вынула, показывает.

Скоморох 1. Деньги как деньги:

Скоморох 2. Рублевки.

Скоморох 3. Трешницы.

Скоморох 4. Пятишницы.

Скоморох 5. Горшечник видит – девка глупая.

Горшечник. Ладно, деньги мои, посуда твоя.

Звучит музыка. Скоморохи танцуют с горшками. В конце танца Дуня садится на сундук, вокруг неё скоморохи с горшками из поролон. Заходит Саня.

Саня. Дуня, это что?

Дуня. Посуда.

Саня. Где взяла?

Дуня. Купила.

Саня. Где деньги взяла?

Дуня. Я не деньги, я твои бумажки пестрые отдала.

Саня. Авдотьа, ты меня разорила! Опять надо в город на заработки идти. И ты со мной пойдешь. Собирайся.

Дуня подходит к двери и взваливает ее на себя.

Саня. Куда ты с дверью-то?

Дуня. А может, в чистом поле будем ночевать. Я без двери боюсь.

Брат идет, и Дунюшка за ним пыхтит, дверь прет. Кот встает на сундук и изображает «дерево». Скоморохи начинают свистеть, изображая ветер, подвывать.

Скоморох 1. Вечер.

Скоморох 2. Темень.

Скоморох 3. На перекрестке сосна матерая. *(Показывает на дерево.)*

Саня. Залезем на эту сосну, ночь пересидим на сучьях. Безопасно будет.

Саня залез на сундук обнял сосну, и Дунюшка на сундук дверь примостила и легла на неё.

Скоморох 4. А давишний горшечник домой едет мимо этой сосны.

Горшечник. Эх, я неладно сделал, глупую девку обманул. Надо ее деньги сосчитать.

Залез под «сосну». Скоморохи подхватили деньги. Звучит музыка. Этюд «Сон Дуни».

Скоморох 5. Рубль...

Скоморох 1. Три рубля...

Скоморох 2. Девять...

Скоморох 3. Двенадцать...

Скоморох 4. Двадцать...

Скоморох 5. Дунюшка сквозь сон слышит этот счет.

Скоморох 1. На край двери привалилась, чтобы поглядеть.

Скоморох 2. Дверь перевернулась, Дунюшка и полетела, загремела с дверью вниз.

Все с визгом разбегаются и разбрасывают деньги. Брат с «сосны слез», видит – деньги лежат.

Саня. Дуня! Мои деньги! Все до копеечки целы. Ну, Дуня, пойдем домой хозяйствовать. Нет нужды в город идти.

Варвара Ивановна

Звучит музыка «сонная». Исполнители под одеялом храпят, подвывают, вскрикивают, как при страшном сне. Наступает утро, просыпается один из скоморохов, разыскивает под одеялом исполнителя на роль Якуньки, находит, будит его.

Скоморох 1. У Якуньки (поднимает Якуньку) была супруга Варвара Ивановна (поднимает исполнительницу роли Варвары Ивановны. Варвара Ивановна посмотрела на исполнителя, он ей не понравился, она подняла другого исполнителя).

Скоморох 1. У Якуньки была супруга Варвара Ивановна.

Якунька. И каждой день ему за год казался. Вот она кака была зазуба, вот кака пагуба. Варвара Ивановна, спи!

Варвара Ивановна. Она всю ночь жить буде, глаза пучить. А ежели сказать:

Якунька. Варвара Ивановна, сегодня ночью затменье предвешшают. Посидите и нас разбудите.

Варвара Ивановна. Дак она трои сутки спать будет, хоть в три трубы трубы.

Якунька. Варя, испекла бы пирожка.

Варвара Ивановна. Не стоишь, вор, пирогов.

Все встают. Варвара Ивановна из одеяла «месит» тесто.

Якунька. Варя, напрасно стряпню затевашь, муку переводишь...

Варвара Ивановна. Она три ведра напекет: Ешь, тиран! Чтобы к завтраю съедено было! (Кидает лоскутное одеяло верх. Его ловят скоморохи и держат так, чтобы это было похоже на стол, накрытый скатертью.)

Якунька. Варя, сходим сегодня к тетеньке в гости?

Варвара Ивановна. Нет, к здакой моське не пойдем.

Стол со скатертью опускают.

Якунька. Сегодня сватья на именины звала. Я сказал – не придем.

Варвара Ивановна. Нет, хам, придем. Собирайся!

Стол со скатертью поднимают. Этюд «Застолье». Все достают сделанные из поролона стаканы и бутылки.

Варвара Ивановна. Якунька, это чья там толстомяса-та девка в углу?

Якунька. Это хозяйская дочь. Правда, красавица?

Варвара Ивановна. А по-моему, морда. Оттого и пирогов мало, что она всю муку на свой нос испудрила.

Якунька. Варя, позволь познакомить. Вот наш почтеннейший начальник.

Варвара Ивановна. Почтеннейший?.. А по виду дак жулик, казнокрад.
Скоморох 2. Тут хозяйка зачнет положенье спасать, пирогом строптиву гостью отвлекает: Варвара Ивановна, отведайте пирожка, все хвалят.

Варвара Ивановна. Все хвалят, а я плюю в твой пирог.

Скоморохи перестилают одеяло дорогой, поперек сцены.

Скоморох 2. И к Варваре кто придет, тоже хорошего мало.

Скоморох 3. Который человек обрадуется угощению, тот ни фи́га не получит, а кто ломаться будет, того до смерти запотчует.

Скоморох 4. Мода пришла – стали бабы платьишки носить ребячьи.

Этюд «Дефиле».

Варвара Ивановна. Варвара наросьне ниже пят сарафанов нашла.

Скоморох 4. Всю грязь с улицы домой приташшит.

Якунька. Вот кака Варвара Ивановна была: хуже керосина.

Скоморох 5. Она и рожалась, дак поперек ехала. *(Ее закутывают в одеяло, она плачет как ребенок.)*

Якунька. Муж из-за такого поведения сильно расстраивался. Ах ты... проваль тебя возьми! Запехать разве мне ей на службу. Может, шелкова бы стала?

Скоморохи собирают одеяло, садятся в полукруг, вышивают.

Варвара Ивановна. Вот наша Варвара Ивановна на работу попала. Ежели праздник и все закрыто *(скоморохи закрываются одеялом)*, дак Варвара в те дни черным ходом в учрежденье залезет и одна до ночи сидит, служит, пишет да считает.

Скоморох 1. Варвара Ивановна, эта вся будет спешна неделя. Пожалуйста, без опозданиев...

Варвара Ивановна. Дак Варвара всю эту неделю назло дома лежит. Настанет праздник какой, Варвара одна в учрежденьи работу ломит.

Якунька. Муж дак за тысячу верст рад бы от этой Варвары уехать, из пушки бы ей рад застрелить.

Все укрываются одеялом. Один скоморох встает за одеяло.

Скоморох 2. Оногды идет он со службы, а домой неохота. И видит: дядьки на бочке за город едут.

Якунька. Хорошо б и мне перед смертью на лоно природы. Дяденька, подвези!

Скоморох 3. За папиросу вывезли и Якуньку за город.

Скоморох 4. Стали навоз в яму сваливать.

Скоморох 5. Яма страшна, глубока.

Якунька. В эту бы яму мою бы Варвару Ивановну!

Скоморох 1. Яма смородинным кустьем обросла.

Якунька. Это Якуня тоже на ус намотал. Домой явился. Варя! Варенька!!!

(Вылезла Варя.) Хотя ноне и лето, ты, Варвара, за город ни шагу!

Варвара Ивановна. Завтра же с утра отправимся! И ты, мучитель, со мной.

Скоморох 2. Утром бредут за город. Варвара Ивановна, чтоб не по-мужневу было, задью пятится.

Якунька. К ямы подошли, к смородиннику. Мои ягоды!

Варвара Ивановна. Нет, холуй, мой! Лучче и не подступайся!

Скоморох 3. Замахалась, скочила в куст, оступилась и ухнула в яму.

Якунька. Якунька прослезился и бросил следом три пачки папирос: Прости, дорогая! Затем домой воротился. Никто его не ругат, никто его не страмит. Самоварчик наставил, сидит, радуется: Вот кака жисть пошла приятная! *(Якунька прилег на одеяло. Отдыхает.)*

Скоморох 4. Однако соседи вскоре заудивлялись, почему из Варвариной квартиры ни крику, ни драки не слышать.

Скоморох 5. Донесли в участок, что не на кирпич ли даму пережгли, боле не орет. Начальник вызвал Якуньку:

Скоморох 1. *От лица Начальника.* Где супруга?

Якуня. Дачу искать уехала.

Скоморох 1 *(от лица Начальника).* Смотри у меня!

Якунька. Якунька до полусмерти напугался: Лучче побегу я добывать свою Варварку.

Скоморох 2. С веревкой полетел к ямы. Припал, слушат... Писк, визг слышать... А вот и Варин голосок...

Скоморох 3. Слов не понять, только можно разобрать, что произношение матерное.

Якунька. Якунька конец размотал. Начал удить: Эй, Варвара! Имай веревку! Вылезай!

Звучит музыка.

Скоморох 4. Удит и чует, что дернуло. Конец высбирал, а в петле кто-то боязкой сидит, не боле фунта.

Якунька. Якунька дрогнул, хотел эту бедулину обратно тряхнуть, а она и проплакала:

Митроб. Дяденька, не рой меня к Варвары! Благодетель, пожалей!

Якунька. Вы из каких будете?

Митроб. Я Митроба, по-деревенски Икота. Мы этта в грезной ямы хранились, митробы, иппузории. Свадьбы рядили, сами собой плодились. И вдруг эта Варвара на нас сверху пала, всех притоптала, передала. Папиросу жорет, я с табаку угорела. О, кака беда! Хуже сулемы эта Варвара Ивановна, хуже карболовой кислоты!

Якунька. Ах да Варвара! Ну и Варвара! А все-таки по причине начальства приходится доставать.

Митроб. Якуня, плюнь на их на всех! Порхнем лучче от этого страха в Москву.

Якунька. Что делать-то будем?

Митроб. Там делов, дак не утянешь на баржи. За спасение моей жисти от Варвары я тебя наделю капиталом. Я Митроба и пойду вселяться по утробам. За меня дохтура примуцца, а я их буду поругивать, да тебя ждать. Ты в дом, я из дому.

Якунька. Идет! Отвяжись, худая жизнь, привяжись, хорошая!

Звучит музыка. Этюд «Дорога в Москву».

Скоморох 5. Митроба завезалась в шелково кашне, на последни деньги билет купила, да в Москву и прикатили.

Скоморох 1. На постоялый двор зашли, сели чай пить.

Скоморох 2. Икота в блюдце побулькалась, заразговаривала:

Митроб. По городу ле в киятры ходить, у меня платье не обиходно, да и на Варвару боюсь нарвацца. Лучче без прогулов присмотрю себе завтра барыну понарядне да в ей и зайду.

Якунька. Как зайдешь-то?

Митроб. Ротом. С пылью ле с едой.

Якунька. А мне что велишь?

Митроб. Ты в газету объяви, что горазен выживать икоты, ломоты, грыжу, дрип.

Скоморох 3. Утром Якунька в редакцию полетел.

Митроб. Митроба в окне сидит, будто бы любитесь уличным движением.

Скоморох 4. Мимо дама идет, красива, полна, в мехах. Идет и виноград немый чавкат. Митроба на виноград села, барына ей и съела.

Исполнители иллюстрируют, то о чем рассказывают.

Скоморох 4. И зачало у барыни в животе урчать, петть, ходить, разговаривать.

Скоморох 5. Еиной муж схватил газету, каки есть дохтора? И читает:

Якунька. Проездом из Америки. Утробны, внутренни, икоты, щипоты, черев-ны болезни выживаю.

Скоморох 1. Полетели по адресу.

Якунька. Условия такая. Вылечу – сто рублей. Не вылечу – больной платы просит. Наложил на себя для проформы шлею с медью.

Скоморох 2. Приехали. Икотка барыниным голосом заговорила:

Митроб. Здравствуй, Якунюшка! Вот как я! Все тебя ждала. Да вот как я! Лише звонок, думаю, не Якуня ли! Вот как я!

Якунька. Ладно, ладно! Уваливай отсель!

Митроб. Икота выскочила в виде мыша, только ей и видели.

Скоморох 4. Больна развеселилась, кофею запросила. Американского дохтура благодарят, сто рублей выносят.

Скоморох 3. Теперь пошла нажива у Якуньки. Чуть где задичают, икотой заговорят, сейчас по него летят.

Этюд «Лечебное дело».

Скоморох 5. У Якуни пальтов накуплено боле двадцати,

Скоморох 1. Сапогов хромовых, катанцей, самоваров, хомутов, отюгов бывает пятнадцать.

Скоморох 2. Бедну Митробу на дому в дом, из души в душу гонит, деньги хапат.

Скоморох 3. Дачу стеклянну строить зачал, думал – и век так будет.

Скоморох 4. Однако на сем свете всему конец живет. Окончилась и эта легка нажива.

Этюд «Боксерский ринг».

Якунька. Уж, верно, к осени было. Разлетелся Якунька одну дамочку лечить,

Митроб. Находилась более, нагулялась!.. Пристала вся!

Якунька. Ты меня в Москву сбила! А кто тебя от Варвары спас?

Митроб. Ну, черт с тобой! Этта ешше хватай, наживайся! А далеша! Я присмотрела себе подходяшшу особу, в благотворительном комитете председателыу. В ей зайду, подоле посижу. Ты меня не ходи гонять. А то я тебя, знахаря-шарлатана, под суд подведу.

Якунька. Ну, дак извод с тобой, боле не приду. Не дотро-ну тебя, чертовку!

Скоморох 5. Получил последню сотенку, тем пока и закончил свою врачебную прахтику.

Митроб. А Икотка в председательшу внедрилась.

Скоморох 1. Эта дамочка была така бойка, така выдумка, на собраньях всех становит. Резво говорит – часа по два, по три рот не запирает.

Митроб. Вот эдак она слово взела, рот пошире открыла, Митроба ей туда и сиганула.

Скоморох 1. Даму зарозбирало, бумагами, чернильницами зачала на людей свистать.

Скоморох 2. Увезли домой, спешно узнают, кто по эким болезням.

Скоморох 3. В справочном бюро натакали на Якуньку.

Якунька. Хоть к ераплану меня привяжите – нейду!

Скоморох 4. Забегали по больницам, по тертухам, по знахарикам. Собрали на консилиум главную профессуру.

Этюд «Консилиум профессоров».

Скоморох 5. Науке известны такие факты. Есь подлы люди. Наведут, дак в час свернет. В данном случае напушшено от девки или от бабы от беззубой. Назначаю больной десеть баен окатывать с оружейного замка.

Скоморох 1. И я все знаю скрозь. По-моему, у их в утробы лиситер возрос. Пушшай бы больна селедку-другую съела да сутки бы не попила, он бы сам вышел. Лиситер полдела выжить.

Скоморох 2. Третий профессор воздержался: Мы спину понимаю, спину ежели тереть. А че-рев, утробы тоись, в тонкось не знам. Вот бабка Па-лага, дак хоть с торокана младень – и то на девицу доказать может.

Скоморох 3. Ну, они, значит, судят да редят, в пятки колотят, в перси жмут, в бани парят, а больна прихворнула пушше.

Скоморох 4. Знакомы советуют: Нет уж, вам без американского дохтура не сняцца.

Все. К Якуньки цела делегация отправилась: Нас к вам натакали. Хоть двести, хоть триста дадите, а без вас не воротимсе.

Якунька. От вот каких денег я отказываюсь!.. Сам без прахтики живу, в изьян упал. Ваш случай серьезной, нать всесторонне обдумать.

Скоморох 5. Удалился во свой кабинет, стал на голову и думал два часа тридцать семь минут. Тогда объявил:

Якунька. Через печать обратитесь к слободному населению завтра о полден собраться под окнами у недомогающей личности. И только я из окна рукой махну, чтобы все зрели не по-хорошему: Варвара Ивановна пришла! Варвара Ивановна пришла.

Скоморох 1. Эту публикацию грамотной прочитал неграмотному, и в указанной улицы столько народу набежало, дак трамваи стали.

Скоморох 2. Не только гуляющие, а и занятой персонал в толпе получился. Также бабы с детьми, бабы-молочницы, учащиеся, инвалиды, дворники.

Скоморох 3. Все стоят и взирают на окна.

Якунька. Якунька подкатил в карете, в новых катанцах, шлея с медью. Его проводят к больной. Вынимат трубку, слушат...

Митроба. Зачем пришел, собачья твоя совесть?! Мало я для тебя, для хамлета, старалась? Убери струмент, лучше не вяжись со мной!

Якунька. Тише ты! Я прибежал, тебя, холеру, жалеючи. Варвара приехала. Тебя ишшет!

Митроба. Я боюсь, боюсь!.. Где она, Варвара-та?

Якунька. Якунька раму толкнул, рукой махнул: Она вон где!

Скоморох 4 (*остальные все хлопают и топают*). Как только на улице этот знак увидали, сейчас на-тобили загудели, трамваи забрякали, молочницы в бидоны, дворники в лопаты ударили, и вся собравшаяся масса открыли рот и грянули:

Все. Варвара Иванна пришла! Варвара Иванна пришла! Икота из барыни как пробка вылетела:

Митроба. Я-то куды?

Якунька. Ты, лупи обратно в яму. Варвара туда боле не придет!

Митроба. Народ думают – пулей около стрелили, а это Митроба на родину срочно удалилась.

Варвара Ивановна. Ну, там Варваре опять в лапы попала.

Якунька. А Якунька, делега, умница, снова, значит,

Все. Заработал на табачишко...

Все разбегаются.

Пронька Грязной

Звучит музыка. Под музыку танцуют три скомороха. Если исполнители скоморохов девочки, можно им из поролона сделать усы.

Скоморох (старший брат). Было три брата, три американа, и сидели они за морем. Старшой прошел все науки и нажил больши капиталы.

Старший брат. Пока сила да здоровье позволят, охота мне белой свет посмотреть и себя показать. Домой не вернусь, покамест славы не добуду.

Средний и младший брат. На кого ты нас оставляешь, на кого ты нас покидаешь?! Мы ростом-то велики, а умом-то мы малы. Уж мы лягем да не вовремя, уж мы встанем да не во пору!

Старший брат. Разорвало бы вас, как жалобно сказываете... Вот вам тысячу золотых на разживу.

Молодцы деньги приняли, благодарно стукнули лбом в половицу и сказали:

Средний брат. Дорогой брат и благодетель! Ежели не секрет, в каку ты державу прависсе?

Старший брат. Надумано у меня в российскийски города. *(На лоскутном одеяле показывает как на карте.)*

Младший брат. Дорогой брат и благодетель! И нам в Америки не антиресно. Тоже охота счастье испытать. Возьми нас с собой.

Старший брат. Россия страна обширна. Хотите – поезжайте, хотите – нет.
Звучит музыка, братья едут. Во время танца выходят под музыку в раме из под картины «Царская семья»: царь и три дочери. Старший брат садится на край сцены, наблюдает за братьями.

Средний брат. Вслед за старшим братом приезжают эти молоды американы в Питербурх.

Младший брат. Сидят в гостиницы, головы ломают, на како бы дело напуститься. Увидали на столе календарь.

Царь. В календаре на картины царь написан с дочерями.

Братья. Эти дочери пондравились. Давай посватаимся у царя! Вдруг да наше счастье. *(Берут под руки с краю стоящих дочек.)*

Старшая дочь. А царские дочки были самовольны и самондравны.

Средняя дочь. Кажна по четыре кукиша показала.

Старшая дочь. Мы в женихах-то, как в навозе, роемся. Князьев да принцов отсылай. На фига нам твои американы, шваль такая!

Младшая дочь отдает раму Царю, подзывает к себе братьев.

Младшая дочь. Не хотят ли на нашей рыжей кобылы посвататься? Она согласна.

Братья. Так эта любовь до времени кончилась.

Сели на край сцены.

Старший брат. Теперь пойдет речь за старшим братом. Он тоже посиживат на квартиры, рассуждат сам с собой: Годы мои далеко, голова седа, детей, жены нету, денег не пропить, не происть. Нать диковину выкинуть всему свету на удивление.

Все скоморохи встают со своих мест, снимают лоскутное одеяло с ширм и встают по периметру всего одеяла, чтобы потом с ним работать как с неким парашютом.

Скоморох 1. В торговой день от скуки он пошел на толкучку и видит...

Этюд «Толкучка». Догонялки с использованием одеяла.

Пронька. Молодой парень ходит следом и глаз не спустат.

Старший брат. Что надо?

Пронька. Очень лестно на иностранной державы человека полюбоваться. Костюм на вас первый сорт-с...

Старший брат. Верно, нравятся богатые люди?

Пронька. Бедны никому не нравятся.

Старший брат. Имя ваше как?

Пронька. Пронькой ругают.

Старший брат. Увидел я, мистер Пронька, велику в тебе жадность к деньгам и надумал держать с тобой пари. Я, американский гражданин, строю на главном при-шпехте магазин, набиваю его разноличными товарами и передаю тебе в пользование. Торгуй, розживайся, капиталы оборачивай, пропивай, проедай... За это ты, мистер Пронька, пятнадцать лет не должен мыться, стричься, бриться, сморкаться, чесаться, утираться, ни белья, ни одежды переменять. Мои доверенны будут твои торговли книги проверять и тебя наблюдать. Ежели за эти пятнадцать лет хоть однажды рукавом утрессе, лишаю тебя всего нажитого и выбрасываю тебя босого на улицу. Ежели же вытерпишь, через пятнадцать лет хоть во ста миллионах будь, все твое бесповоротно. Далее, как ученой человек, буду я про тебя книги писать и фотографом снимать. Вот, мистер Пронька, подумайте!

Пронька. Живой живое и думает. Согласен.

Старший брат. К нотариусу сходили, бумаги сделали, подписи, печати. Дело, значит, не шутово.

Скоморох 1. Вот наш счастливец заторговал.

Этюд. Звучит рэп в фольклорной обработке. Проньке из-за лоскутного одеяла, которое скоморохами натягивается вертикально, кидают узлы. Пронька их ловит и складывает в одну кучу. Скоморохи читают текст в стиле рэпа.

Скоморохи. Пошли дни за днями, месяцы за месяцами...

Первы-то годы Пронька спал по два, по три часа.

Товары получают, товары отпус-кат – из кожи рвется,

Все. Торгуует. 0-0-0-0.

В пять годов он под себя дом каменной –

Все. Железна крыша, железна крыша.

К десяти годам в каждом губернском городе Пронькин магазин...

В каждой деревне лавка.

Старший брат. Наблюдение за выполнением американин доверил двум своим братьям, несчастным от любви, узнавши, что они не при деле, да не при месте.

Выходит один из скоморохов, выносит из поролона сделанный страшный парик, одевает его на Проньку.

Пронька. День за днем, год за годом зарос Пронька, аки зверь, аки чудо морское. Лицо, руки – чернее башмаков, грива на голове метлой, бородишша сваялась, лохмотья висят. Летом дождик попадат на голову – то и мытье.

Скоморох 1. Год за годом хлебошшится в грязи, только и порадуется, что над деньгами.

Скоморох 2. А денег – всей конторой считают.

Скоморох 3. Стал Пронька именитым купцом.

Скоморох 4. Ездит на рысаках. Как навозну кучу, повезут по городу.

Скоморох 5. Однако этой куче ото всех почет и уважение. *(Все кланяются, забирают узлы.)* Все у ней в долгу.

Скоморохи уходят. Выходит Царь.

Царь. Сам осударь тысячами назаймовал. К двенадцати-то годам у Проньки на царя полна шкатулка кабальных записей. Вот каку силу мужичонко забрал!

Пронька. Только своего американина наш капиталист боится. Все терпит.

Старший брат. Американин его помесечно аппаратом снимат во всяких видах, измеряют, во сколько слоев грязи наросло, вшей вычислят, каждогодно насчет Проньки сочиненье издават. В американских тимато-графах стали шевелюшших Пронек показывать. Ну, экой бы славы не все рады.

Средний и младшие братья его измеряют, исследуют.

Пронька. Год за годом, скоро и сроку конец.

Средний брат. И ни разу Пронька с копыл не сбился, ни разу братья-наблюдатели на него слова не нанесли.

Царь. Тут соседни державы на царя войной погрозили. Надо крепостям ремонт, надо ерапланы клеить, выпускать удушливы газы. А казна порозна. Одолжите полдесятка миллиончиков.

Пронька. Неет.

Царь. Ты что, сопля пропашша, куражиссе? Как хошь, давай денег!

Пронька. Никак не могу, ваше величие! Вы и так в долгу, что в море: ни дна, ни берегов.

Царь. Хошь, я тебя, бандита, енералом пожалую?

Пронька. Даже в графы нам и то не завлекательно. А коли до самого дела, дозвольте с вами породниться и вашу дочь супругою назвать.

Царь. Что ты, овин толстой! Что ты, вшива биржа! Да поглядись-ко ты в зеркало...

Пронька. В зеркало мы о святках смотряли, и вышло, что воля ваша, царская, а большая наша, купецкая.

Царь. Ты меня не заганивай в тоску, сопля пропашша!.. А у меня девки-то три, котора нать?

Пронька. Каку пожалуете.

Царь. Тогда хоть патрет сресуй увеличенной с твоей рожи. Я покажу, бывает, котора и обзарится. Только имей в виду – в теперешно время нету настоящего художника. Наресуют, дак блевать и кинет.

В это время два брата рисуют в раме воображаемый портрет. Отдают раму Проньке.

Пронька. За мастером дело не стало. В три упряга окончено в красках и приличной раме. Пронька со страху прослезился: Сатаной меня написали... Знают, как сироту избидеть... Уж и каждой-то меня устрасится, уж и всяко-то меня убоится!..

Царь. Царь на портрет взглянул, оробел, старших девок кличет:

Выходят две дочери.

Царь. Вот, дорогие дочери! Есть у меня про вас жених. Конечно, по внешности так себе, аригинальный старичок, зато коммерсант богатеюшшой.

Старшая дочь. Старша глаза взвела на картину, с испугу в подпечек полезла. Папа ей кочергой добывал и ухватом – все напрасно.

Средняя дочь. Друга дочка сперва тоже заревела, дале сграбилась за раму да с размаху родителю на голову и надела...

Одевает раму на Царя. Убегает.

Царь. Младша дочь явилась, папаша сидит в картины и головой из дыры наворачиват: Вот, дорогая дочь, сватается денежный субъект. Не гляди, что грезишша да волосишша, он тебя оба-жать будет нельзя как лучче...

Младшая дочь. Плевать я хотела, что там обажать, да уважать! Ты мне справку подай, в каких он капиталах, кака недвижимость и что в бумагах!..

Уходят. Из-под ширмы и лоскутного одеяла, которое к тому времени весело на ширмах, вылезает старшая сестра, из-за ширмы выходит средняя с чемоданом.

Старшая дочь. Сестрича, голубушка, татка-то одичал, за облизьяна за шорснатого замуж притугинива-а-ат! Убе-жим-ко во болота во дыбучи, а мы схоронимся в леса да во дремучи!

Средняя дочь. В дыру тебя с лесом! Мы в Америку дунем. Черт ли навозного лаптя лизать, когда нас американы дожидаются.

Старшая дочь. Ох, чужедальня та сторонушка, Она слезами поливана, Горьким горем огорожена...

Средняя дочь. Реви, реви, корова косая! Вот уже таткин об-лизьян обнимать придет.

Старшая дочь. О, не надо, не надо!

Средняя дочь. Не надо, дак выволакивай чемоданы, завязывай уборы да сарафаны! А я фрелину к тем понаведаться сгоняю.

Средний брат. Два брата, два американа рады такому повороту. Ночью подали к воротам грузовик, чемоданы и обеих девок погрузили да и были таковы.

Младший брат. Дале и повенчались и в Америку срядились на радостях. Мужья рады дома женами похвастаться. Жены рады, что от Проньки ушли.

Вышел царь машет им вслед.

Царь. Царь как узнал, что дочери к американам упороли, только для приличия поматерялся, про себя-то доволен, что на свадьбу изьяниться не нать.

Пронька. Тут Пронькины пятнадцать годов на извод пришли. У него мыло просто и душисто пудами закуплено, мочалок, веников, дресвы возами наготовлено. Везде по комнатам рукомошники медны, мраморны умывальники, а также до потолка сундуков с костюмами зимними, летними, осенними, весенними и прочих сезонов. В последний нонешний денечек является Пронька к своему американину.

Старший брат. Опять к нотариусу сходили, все договоры разорвали, по закону ни во что положили и любезно распростились.

Пронька. Пронька, что птичка, на волю выпорхнул.

Царь. Радость за радостью – царь объявляет о дочкинском согласии. Поторговались, срядились.

Пронька. Итак, через полмесяца свадьба. В венчальной день публика увидит неожиданной сюрприз.

Этюд «Баня», звучит музыка.

Скоморох 1. На друго утро он снял под себя городски бани на две недели и пригласил двенадцать человек баншиков и двенадцать паликмахтеров.

Скоморох 2. И вот бани топятся, вода кипит, аки гром гремит, баншики в банны шайки, в медны тазы позванивают. Паликмахтеры в ножницы побрякивают.

Скоморох 3. Неделю Проньку стригли садовыми ножницами, скоблили скобелем, шоркали дресвой и песком терли.

Скоморох 4. Неделю травили шшолоком, прокатывали мылами семи сортов, полоскали, брили, чесали, гладили, завивали, душили, помадили.

Меняется тема музыки. Этюд «Баня» заканчивается.

Скоморох 5. В венчальной день двенадцать портных наложили царскому жениху трахмальны манишки, подали костюм последней парижской моды, лаковы шшиблеты и прочее.

Скоморох 1. И как показался экой жентельмен на публику, дак никто буквально не узнал.

Скоморох 2. А узнали, дак не поверили.

Скоморохи резко поднимают лоскутное одеяло шатром, под которым находился Пронька, он в рапиде выплывает на первый план. Пластический этюд «Драка из-за Проньки» (в рапиде). В драке побеждает Младшая дочь.

Скоморох 3. Он явился, как написаной, бравой, толстой, красной, очень завлекательной.

Младшая дочь. Царевна одночасно экого кавалера залюбила. До того все козой глядела, а тут приветлива сделалась, говорунья.

Скоморох 4. Свадьба была – семь ден табуном плясали, лапишшами хлопали, пока в нижней этаж не провалились, дак ишшо там заканчивали.

Танец. Звучит музыка. Скоморохи выстраиваются в «Тройку» как в начале и ускакивают со сцены.

Конец.

2. Композиция инсценировки и композиция спектакля

Одним из важнейших этапов работы над переводом прозаического текста на язык театра является работа над композицией самой инсценировки и, как следствие, композицией всего спектакля. Композиция может стать основой замысла спектакля, если режиссер изберет такой прием как доминирующий.

Композиция (от лат. *compositio* – составление, соединение) – это выразительный компонент, присущий всем видам искусств. Композиция художественного произведения – это закономерности соотношения частей. «Драматургическая композиция может быть определена как способ, с помощью которого упорядочивается драматическое произведение (в частности текст), как организация действия в пространстве и во времени» [10, с. 88].

Композиция в драме зависит от принципа построения и развития действия, а действие от типа конфликта и его природы. Композиция в прозе зависит от принципа организации и распределения литературного текста между персонажами, от соотношения фабулы и сюжета. Поэтому и составление, и соединение событий есть выражение общего действенного процесса. События же должны быть сложены так, «чтобы с перестановкой или изъятием одной из частей менялось бы и расстраивалось целое, ибо то присутствие или отсутствие чего незаметно, не есть часть целого» [1, с. 301]. Так действует механизм закона «исключения события», который необходимо применять в анализе пьесы при выделении событий и отделении их от фактов. Если исключаемое меняет сюжет всей пьесы – это событие; если нет – это факт, который затрагивает действие персонажа или нескольких персонажей внутри события, но не сюжета всей пьесы.

Задача раскрытия, развития и разрешения основного конфликта выполняется на данном этапе с помощью композиции. Поэтому если рассматривать конфликт как столкновение характеров то, «композиция – это реализация конфликтов в драматическом действии, которое в свою очередь реализуется в языке» [8, с. 35]. В плоскости поэтики композиция – это закон построения уровней смысла в художествен-

ном произведении. «Композиция позволяет восприятию идти от части к целому и, наоборот, от одного уровня смысла к другому, от первичных значений и смыслов к некоему обобщению, обобщенному содержанию» [9, с. 89]. В своей работе режиссер применяет дополнительные структурные принципы, которые зависят от воплощения инсценировки на сцене, от сценографии, от организации зрительного зала и возможностей сценической площадки, открытости или закрытости постановки и многого другого.

Построение композиции любого художественного произведения подчиняется следующим законам:

- 1) целостность;
- 2) взаимосвязь и соподчиненность;
- 3) соразмерность;
- 4) контрастность;
- 5) единство содержания и формы;
- 6) типизация и обобщение;
- 7) жанровая идентификация.

По классификации событий, определяющих фабулу пьесы, мы выделим несколько видов композиций: линейная (хроникальная), обратная (ретроспективная), кольцевая, детективная, коллажная, парадоксальная, монтажная.

Этап соединения всего того, что было найдено и закреплено в процессе репетиций, придумано и привнесено режиссером, мы называем сценической композицией, ибо спектакль для режиссера является своего рода авторским сочинением. Главная задача режиссера – привести к сценическому единству многообразие тех средств, которые он обнаружил, утвердил и обосновал в реализации своего замысла.

Композиция спектакля – это овеществленный ритм, это атмосфера, которую создал режиссер через триаду: жанр, способ существования и среду. Это реализация решения спектакля, то есть использование всего комплекса раздражителей, применяемых режиссером. Это нахождение идеального соотношения условного и безусловного.

Поскольку театр – искусство пространственно-временное, для режиссера большое значение имеет категория времени. И здесь нужно умело сочетать восприятие реального времени с иллюзорным временем, точно соотносить развитие событий, эпизодов во времени и пространстве. Режиссер должен зримо себе представить композицию, рисунок своего будущего спектакля. Ему надо осознать соотношение частей спектакля: экспозиции, завязки, развития действия до кульминации, кульминацию всего спектакля, развязку и финал.

«Композиция спектакля – форма существования замысла, выраженная через соотношение частей и целого» [4, с. 32]. Если целое – это спектакль, то часть спектакля – это акт, событие, эпизод. Режиссер должен донести до зрителя мысль, которая заложена в содержании пьесы (инсценировки) и в спектакле, через выделение самого главного, самого существенного в композиции спектакля. Для выделения самого главного режиссер может использовать различные режиссерские приемы, акценты, выразительные средства, о которых пойдет речь ниже.

Структурно театральное зрелище – спектакль – создается режиссером постепенно, в процессе репетиций, но параллельно с этой практикой у него зреет план соединения отдельных частей в общее целое. Режиссера заботит гармония текстового и пластического формовыражения, сочетание декорационного, музыкального и пластического рядов, синтез живой и не живой актерской плоти с психологическим содержанием пьесы.

Занимаясь композицией спектакля, режиссер должен:

- 1) думать об акцентах и находках в будущем спектакле;
- 2) искать правду чувств, действий и поступков персонажей;
- 3) устанавливать связи между всеми событиями и характерами;
- 4) находить опорные мизансцены;
- 5) заботиться об ансамблевости всех участников спектакля.

И все это с одной целью – добиться создания полнокровного художественного образа спектакля, отчасти через его композиционное решение.

Итак, подводя итог, можно отметить следующее: композиция спектакля является одним из кардинальных выразительных средств режиссера, которое помогает привести к сценическому единству многообразию других средств, применяемых режиссером в реализации своего замысла. Работая над композицией инсценировки, тем самым режиссер работает над режиссерским решением будущего спектакля.

В хрестоматии мы приводим в качестве примера два вида композиции – композиция из трех сказов одного автора, в данном случае Б. Шергина, и композиция из отрывков разных западноевропейских пьес на языке оригинала, объединенных одной формой – «театрализованных уроков по истории театра».

От Эсхила до Брехта, или Галопом по Европам

Театрализованные лекции за 5 уроков на языке оригинала

На авансцене по краям слева и справа стоят два гримировальных столика со стульями. Композиция начинается с отрывка из трагедии Эсхила «Прометей прикованный». После окончания отрывка закрывается белый занавес, на сцене остаются 2 актера. Они начинают переодеваться в современную одежду и общаться между собой и со зрителем.

На занавесе-экране высвечивается надпись «Урок 1»

Актер 1. Древняя Греция... Санкционированные митинги, шествия, именуемые Великие Дионисии...

Актер 2. Незабываемые встречи с вакханками, сатирами и кентаврами...

Актер 1. Одним из величайших подвигов свободных эллинов было создание

Вместе. Театрального искусства.

Актер 2. Хор еще не вышел на оркестру (сценическое пространство).

На занавесе-экране высвечивается «схема Древнегреческого театра».

Актер 2. Протагонист

Актер 1. (2-й актер)

Актер 2. Скрывается за сценой, но у фимелы

Актер 1. (Жертвенника)

Актер 2. Уже высится фигура корифея

Актер 1. (1-го актера, драматурга, режиссера).

Актер 2. Это он, обращаясь к многотысячному амфитеатру, рассказывает миф, положенный в основу трагедии...

Актер 1. Так что же на оркестре

Актер 2. На оркестре

Вместе. ПРОЛОГ.

Актер 1. Толпа благоговейно внимлет рассказу корифея, потому что в мифах выражены ее верования, ее нравственные и общественные убеждения. Греческие мифы были почвой, из которой произрастала драматическая поэзия эллинов: и Прометей, и царь Эдип, и Медея сперва были созданы народной фантазией, а затем уже стали героями знаменитых трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида.

Актер 2. А это вы о трагедии «Прометей прикованный», в которой нам посчастливилось участвовать.

Актер 1. А вы имели удовольствие ее видеть!

На экране высвечиваются по очереди картинки-иллюстрации «Прометей прикованного» и «Геракла».

Актер 2. История эта про хитросделанного умника, который делил бычье мясо так, что мякоть из окорока доставалась бедным, а богатым суповой набор. Разгневанные богачи, приближенные к тогдашнему монарху Зевсу, пожаловались на энтузиаста и предложили на заседании тогдашней государственной думы, под названием народное собрание, повысить тариф на содержание огня или попросту отключить его у бедняков, считая их не достойными поглощать вареную и жареную пищу. Прометей спер этот огонь и тайком принес людям. За это Зевс вводит санкции и приковывает Прометей к столбу на востоке и насылает секретного сотрудника под псевдонимом «орел» выклёвывать его печень. Только через много веков герой спортивного телосложения, который чистил Авгиевы конюшни...

Актер 1. Геракл!

Актер 2. Именно. Он убьёт этого орла и освободит Прометей.

Актер 1. В начале мира, когда старшие боги, Титаны, боролись с младшими богами, Олимпийцами, он знал, что силою Олимпийцев не взять, и предложил помочь Титанам хитростью; но те, надменно полагаясь на свою силу, отказались, и тогда Прометей, видя их обречённость, перешёл на сторону Олимпийцев и помог им одержать победу. Поэтому расправа Зевса со своим бывшим другом и союзником стала казаться ещё более жестокой.

На занавесе-экране высвечивается «Урок 2», потом появляется «портрет Шекспира».

Актер 2. А вы знаете кто это?

- Уильям Шекспир!

Актер 1. Эпоха Возрождения... Англия... Исследователи приписывают сыну стратфордского торговца беспрецедентный объем активного лексикона – 20-25 тысяч слов. К тому же Шекспир ввел в английский язык около 3200 новых слов.

Актер 2. А я размышляю о том, что эти и не только эти данные уже много веков заставляют сомневаться: а был ли Шекспир?

Актер 1. В каком это смысле?

Актер 2. Я не могу понять природу уникама нашего Уильяма, а как простой человек – сын торговца и заурядный актер мог знать, например, столько слов? А не был ли он кем-то другим? Может быть, он был родовит?

Актер 1. Да, брось ты, аристократы не имели право заниматься театром.

Актер 2. А существует такая версия, что это было коллективное творчество, этакий литературный кружок «Шекспир» – целая компания, скрывшаяся за именем актера театра «Глобус» и устроившая самую великую мистификацию в истории?..

На экране высвечивается здание театра «Глобус».

Актер 1. Ты себя сам-то слышишь... Какие мистификации?

Актер 2. Ну хотя бы тот факт, что в шекспировском театре все женские роли играли мужчины.

Актер 1. У Виктюка женские роли тоже играют мужчины.

Актер 2. Для нас это исключение!!! А в то время женщина-актриса имела бы пониженную социальную ответственность...

Актер 1. По-другому не могло и быть, актеры тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо.

Актер 2. И все-таки, Шекспир – миф. На самом деле мы ничего не знаем, кроме великих пьес. А знаем ли пьесы?

Открывается занавес-экран. Показывается отрывок из комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь». После отрывка занавес-экран закрывается, высвечивается надпись «Урок 3», затем высвечивается портрет французской певицы Мари Лафоре. Выходит девушка, исполняющая песню-пародию Мари Лафоре на французском языке. Во время песни идет перевод, в котором рассказывается сюжет Тартюфа:

Актер 2. Поблагодарим дорогую Мари Лафоре за этот прекрасный, восхитительный, статичный номер. Спасибо! Ее история из жизни напомнила мне сюжет комедии Мольера «Тартюф».

Актер 1. Очень трогательная, странная, причудливая девушка, как стиль барокко, но для француженки все-таки ближе классицизм.

Актер 2. Для тебя все-таки ближе занудство.

Актер 1. Я бы попросил! Хорошая девушка, но костюм слишком вычурный для француженки, как во французском театре эпохи барокко. Он не соответствует эпохе представляемых пьес, которые в основном писались на античные и исторические сюжеты.

Актер 2. И не только.

Актер 1. Во французском театре главенствовал классицизм. Для него были характерны: декламация, статуарные позы, величественные жесты. И никакого бытового поведения.

Актер 2. Герои должны выглядеть красиво и благородно. Именно в театре классицизма актер приобретает новый статус: он начинает ассоциироваться с чем-то возвышенным, недоступным.

На экране высвечивается портрет Мольера.

Актер 1. Но только не в мольеровском «Блистательном театре». Хоть сам Мольер мечтал играть в трагедиях, но судьба распорядилась иначе. Мольер прославился в веках как драматург, который возвысил низкий жанр комедии.

Актер 2. Посмотрим... Посмотрим...

Показывается отрывок из пьесы Ж.Б. Мольера «Тартюф». По окончании отрывка закрывается занавес-экран и высвечивается надпись «Урок 4». Выходит Актер 2 без маски под музыку из к/ф «Труфальдино из Бергамо» (начало) синхробробуфонада. Выходит Актер 1 в маске, пугает Актера 2.

Актер 2. Вы что, мой друг, сошли с ума?

На сцене я солирую!

Актер 1. Роль ваша нудна и пряма,

А я импровизирую!

Актер 2. А что на голове у вас?

Какая провокация!

Век масок умер. И сейчас

Я против консервации.

Актер 1. Ах, консервация? Отнюдь.

Скорей импровизация.

Вы как Гольдони. Просто жуть!

Не жизнь – реинкарнация.

Актер 2. А вы как Гоцци. Вам плевать

На речь литературную.

И дураки могли б писать

И сказки, но халтурные.

Актер 1. Халтура? (в зал) Бредит или врёт, (Актер 2 дрожит.)

Дрожит, как лист осиновый.

В веках остались «Турандот»,

«Любовь к трём апельсинам»! Вы...

Актер 2. Прошу всё это прекратить!

Гольдони с Гоцци умерли,

Актер 1. Но нам ведь надо как-то жить

Мы кое-что придумали:

Актер 1. В маленьком трактире,

Актер 2. Явно не в квартире

Вместе. Заправляла всем Мирандолина.

Актер 1. Все о ней мечтали,

Актер 2. Все её желали,

Вместе. Но в неё влюбился

Только лишь один

Жено-, жено-, жено-

Ненависто

Грубо, грубо, грубо

Обращенто

Но потом, потом,

В один моменто

Комплименто, сантименто, сокроменто.

Открывается занавес и показывается отрывок из пьесы К. Гольдони «Трактирщица». По окончании занавес-экран закрывается высвечивается надпись «Урок 5».

Актер 2 (выходит и поет песню на мелодию из «Трехгрошовой оперы»):

У акулы зубы-клинья:

Все торчат как напоказ.

А у Мэкки только ножик,

Да и тот укрыт от глаз.

Актер 1 перекрывает музыку жестом таперу.

Актер 1. Прекратите!!! Брехтовскую «Трехгрошовую оперу» с ее известнейшими зонгами играет весь мир.

На занавесе-экране высвечивается портрет Б. Брехта.

Актер 2. Мир, в котором правят шантаж, коррупция, грабеж, фарисейство...

Актер 1. Что??? Где вы такое видели?

Актер 2. Где? Везде! И у нас в том числе. (Обращаясь в зал) Вы думаете пьеса не «про нас»? Сегодня, когда пьеса стала точно «про нас», ее актуальность даже может показаться недостатком.

Актер 1. В чем ее актуальность?! История написана в 1928 году по сюжету пьесы века восемнадцатого «Опера нищих». С того времени много что поменялось.

На занавесе-экране высвечивается афиша спектакля «Трехгрошовая опера».

Актер 2. Да... Поменялось. Бандиты теперь называются бизнесменами, проститутки – менеджерами широкого профиля, а нищие – основная масса жителей нашей великой державы. Кстати автор упомянутой вами «Оперы нищих» Джон Гей. Поменялась форма, содержание прежнее.

Актер 1. Ну да, ну да... Эпический театр – новая форма театра, рожденная Брехтом. В сотрудничестве с композитором Куртом Вайлем он создает свою бессмертную «Трехгрошовую оперу», которая приносит авторам невероятную известность сначала в Германии.

Актер 2. А потом и в Европе.

Актер 1. Брехт вводит зонги – это скрытый комментарий автора, один из движителей брехтовской драматургии и впоследствии его излюбленный прием. В данном случае зонги исполняются с музыкальным сопровождением (муз. акцент). Спасибо!

Актер 2. А еще в эпическом театре для него очень важно отчуждение в отношениях актера и исполняемого им персонажа. Между ними должна сохраняться известная дистанция. Но ее не должно быть между актером и зрителем. И не надо притворяться! Мы только рассказываем.

Актер 1. Ну наконец, пошел... за кулисы. А Мекки Нож, главарь Лондонской шайки воров и убийц, пошел в публичный дом, где его благополучно продают проститутки... Ай да Брехт...

Звучит мелодия зонга.

У кого-то будут слезы,

У кого-то дикий смех.

Банды, деньги и курьезы –

Актуален Бертольд Брехт *(уходит)*.

Открывается занавес-экран, показывается отрывок из пьесы Б. Брехта «Трехгрошовая опера».

3. Специфические особенности работы режиссера над музыкальным спектаклем в театре

В любительском театре руководители коллективов все чаще обращают свой взор к постановкам музыкальных спектаклей, но в отличие от профессиональных театров им приходится работать не с композиторами, которые пишут авторскую музыку к конкретным драматическим произведениям, а заниматься отбором музыки к своим спектаклям.

Подбирая музыкальный материал, режиссер должен руководствоваться следующими принципами:

- по возможности избегать использования популярных музыкальных произведений, поскольку они вызывают у зрителей стереотипные реакции-ассоциации, предусмотреть которые практически невозможно. Но иногда можно использовать музыкальные хиты, если это характеризует образ персонажа и выражает его вкусы и пристрастия;
- прибегать к контрастному использованию музыкальных тем, поскольку эмоциональное воздействие в таком случае значительно сильнее;
- стремиться к стилевому единству музыкального материала.

Существуют определенные требования к такому подбору, и эти требования диктуют следующую организационную работу режиссера:

1) работа над режиссерским замыслом музыкального оформления спектакля;

2) подбор музыкальных тем спектакля или (если есть возможность) работа с композитором над сочинением оригинальной музыки к спектаклю;

3) репетиционный период (репетиции вокальных партий и пластических музыкальных номеров спектакля, ввод их в драматическую структуру спектакля);

4) музыкальное сопровождение спектакля (создание музыкальной партитуры спектакля и ввод ее в структуру всего спектакля).

Шумы, звуки, музыка помогают создать атмосферу спектакля. А ритм, темп, тональность, яркость музыки помогают создать темпо-

ритм всего спектакля и роли. Музыка спектакля подсказывает мизансценирование спектакля, пластическую, тональную и голосовую выразительность актера. Музыка может служить для указания места действия и времени, его смены и характеристики, а также для расстановки режиссерских смысловых акцентов, обострения предлагаемых обстоятельств и укрупнения сценических событий, эмоционального наполнения сцены, окраски отношения персонажа к событиям сквозного действия. Музыка подчас создает ассоциативные аллюзии и напоминания о тех или иных явлениях в жизни человека, может создавать различные эффекты, побуждающие зрителя к переживаниям.

При всем при этом музыка должна входить в действие как естественный и необходимый элемент, помогать раскрытию идеи пьесы, оттенять образы действующих лиц. Режиссер должен начинать искать музыкальное решение только после того, как продуманы основные ходы в драматургии инсценировки.

В партитуре спектакля может быть использована условная, сюжетная музыка, музыка «от театра», бытовая и психологическая. Свой замысел музыкального оформления режиссер строит в основном на включении в спектакль условной музыки, так как сюжетная может быть задана авторскими ремарками. Вместе с тем режиссер может изменить и сюжетную музыку. Различаются четыре основных вида театральной музыки: *иллюстративная* (музыка, подобранная или специально написанная, которая сопровождает спектакль, служит фоном, передает ощущение эпохи), *органическая* (написанная для конкретного спектакля, оригинальная, такая музыка отражает идею спектакля), *контрастная* (название говорит само за себя – музыка, которая звучит в конфликте с действием, эмоциями персонажа, событиями и т. д.) и *условно-психологическая* (опасная для применения в театре, поскольку зачастую служит иллюстрацией чувств и эмоций персонажа, звучит в унисон, поэтому прибегать к ней режиссер должен с известной долей осторожности).

На основании своего замысла режиссер составляет план музыкального оформления, в котором он указывает те места в пьесе, где предполагает ввести музыку с указанием музыкальных тем, помогающих раскрыть характер персонажа, смысловую нагрузку. Если режиссер решил использовать оригинальную музыку, то перед ним встает вопрос, какого композитора пригласить для написания музыки. При выборе того или иного композитора режиссер руководствуется своим замыслом, учитывая особенности музыкального решения постановки.

Актер, который работает и создает образ в музыкальном спектакле (мюзикл, музыкальная комедия, водевиль) должен быть синтетическим актером, который владеет не только сценической речью, но и имеет вокально-голосовые данные, владеет пластикой тела. К.С. Станиславский, работая в Оперной студии, требовал от студийцев «соответствия драматического и вокально-музыкального искусства». Далее он пишет: «Если не ввести в драму некоторых основ музыкального и вокального искусств, мы, драматические актеры, не двинемся вперед, не поймем магических тайн слова, жеста, ритма, фонетики» [6, с. 215].

Исполняя вокальные номера (сольные, дуэтные, ансамблевые), драматический актер должен прежде всего показать не только свои какие-то вокальные данные, а в песне донести и рассказать историю. Песня должна быть продолжением действия и развитием конфликта пьесы. Главная задача, которая стоит перед режиссером и актером – это органичное внедрение вокальных и пластических номеров в драматическую канву спектакля, где одно вытекает из другого и является естественным продолжением действенной структуры спектакля. Также режиссер, работая над постановкой музыкального спектакля, должен до мелочей продумать сценографию спектакля, в которой будут существовать актеры. От сценографии будет зависеть пластический рисунок спектакля.

Замысел сценографии спектакля возникает из анализа конкретных предлагаемых обстоятельств действия – это исторически сложившийся жизненный уклад, который отражается как на внутренней жизни, так и на внешнем поведении человека и помогает построить непрерывную линию сквозного действия в соответствии с конфликтом. Конкретность, являясь источником однородных пластических средств, обеспечивает стилевое единство пластической композиции спектакля, т. е. формирует его пластический стиль. Однако однородность не есть однообразие, одинаковость. Приспособления должны быть разными, пластические характеристики персонажей, мизансцены тоже должны быть поданы в развитии.

Стиль пластической композиции спектакля складывается в результате отбора пластических средств по признаку их однородности; однородность свойственна средствам, имеющим общее происхождение из одного источника; им является весь комплекс конкретных образных представлений о предлагаемых обстоятельствах действия, сложившийся в процессе создания режиссерского замысла.

Соответственно стиль спектакля зависит от творческой индивидуальности его постановщика.

Мы знаем, что в системе К.С. Станиславского действие как выразительное средство актера должно быть подлинным, а поскольку внутреннее и внешнее действие не существуют отдельно, то внешнее действие не может быть условным, неподлинным. Тогда как быть с подлинностью действия, если, к примеру, декорационное оформление спектакля условно-метафорическое, как в нашем спектакле «Закон джунглей» по мотивам рассказов Р. Кипплинга «Маугли»? Ведь шесть баннеров, на которых изображены «городские джунгли», висят вертикально на разных планах сценической площадки, воспринимаются зрителем как разные и вполне конкретные предметы только потому, что актеры действуют с этими баннерами как с подлинными предметами. Условность же пластической композиции спектакля, определяющая его жанр, состоит в отборе средств по заданным условиям жанра, потому что не каждое подлинное действие по своей внешней форме соответствует избранному для композиции спектакля художественному приему. Пластическое решение жанра спектакля реализуется количественным и качественным отбором выразительных средств.

Таким образом, мы приходим к убеждению, что в процессе работы над музыкальным спектаклем необходимо такое режиссерское решение, в котором будут активно и обоснованно использоваться специфические особенности этого вида театра, и они же обеспечат адекватность концепции постановщика замыслу автора первоисточника.

Д.Ю. Митрофанов, И.И. Добросолец

Закон джунглей

Инсценированные главы рассказов «Маугли»

Книги джунглей Р. Киплинга.

Музыкальная притча в одном действии

Действующие лица

Маугли – маленький.

Маугли – большой.

Акела.

Шер-Хан.

Табаки.

Отец Волк.

Ракша.

Багира.

Балу.

Волчата.

Бандар-логи.

Каа.

Пролог «Как страх пришёл в джунгли»

Пластическая композиция.

Песнь волков о законе.

ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ (THE LAW OF THE JUNGLE)

Вот вам Джунглей Закон – и Он незыблем, как небосвод.

Волк живёт, куда Его блюдёт; Волк, нарушив Закон, умрёт.

Как лиана сплетён, вьётся Закон, в обе стороны вырастая:

Сила Стаи в том, что живёт Волком, сила Волка – родная Стая.

Мойся от носа и до хвоста, пей с глуби, но не со дна.

Помни, что ночь для охоты дана, не забывай: день для сна.

Оставь подбирать за Тигром шакалу и иже с ним.

Волк чужого не ищет, Волк довольствуется своим!

Тигр, Пантера, Медведь – князья; с ними – мир на века!

Не тревожь Слона, не дразни Кабана в зарослях тростника!

Ежели Стае твоей с чужой не разойтись никак,

Не горячись, в драку не рвись – жди, как решит Вожак.

С Волком из стаи своей дерись в сторонке. А то пойдёт:
Ввяжется третий – и те, и эти, – и начался разброд.
В своём логове ты владыка – права ворваться нет
У Чужака, даже у Вожака, – не смеет и сам Совет.
В своём логове ты владыка – если надёжно оно.
Если же нет, шлет известье Совет: жить в нём запрещено!
Если убьёшь до полуночи, на всю чашу об этом не вой.
Другой олень прошмыгнёт, как тень, – чем насытится Волк другой?
Убивай для себя и семьи своей: если голоден, то – убей!
Но не смей убивать, чтобы злобу унять, и – НЕ СМЕЙ УБИВАТЬ ЛЮДЕЙ!
Если из лап у того, кто слаб, вырвешь законный кусок –
Право блюда – малых щадя – оставь и ему чуток.
Добыча Стаи во власти Стаи. Там ешь её, где лежит.
Насыться вволю, но стащишь долю – будешь за то убит.
Добыча Волка во власти Волка. Пускай, если хочешь, сгниёт –
Ведь без разрешенья из угощенья ни крохи никто не возьмёт.
Есть обычай, согласно которому годовалых Волчат
Каждый, кто сыт, подкормить спешит – пусть вдосталь они едят.
Право кормящей Волчицы – у одногодков своих
Брать, ни разу не встретив отказа, долю добычи их.
Право женатого Волка – добычу искать одному.
Подвластен Совету, он помнит про это, но больше уже – никому.
Вожак должен быть разумен, опытен и силен.
Там, где Закон не оговорен, приказ Вожака – Закон.
Вот вам Закон великий, звероликий Закон,
Четвероногий – и многий, и многий, – Он должен быть СОБЛЮДЁН!

Человеческий детеныш

На сцену выходит Отец Волк (подтягивается).

Отец Волк. Уф! Пора мне идти на охоту.

Табаки. Желаю тебе удачи, о Глава Волков! Удачи и крепких, белых зубов твоим благородным детям. Пусть они никогда не забывают, что на свете есть голодные!

Отец Волк. Войди же и посмотри, только в пещере нет ничего съедобного.

Табаки. Для волка – нет, но для такого скромного создания, как я, даже обглоданная кость – великолепный пир. Что такое мы, Джидур лог – племя шакалов – чтобы выбирать и пробовать? *(грызет кость)*. Прими великую благодарность за прекрасное угощение. Какие

красавцы, благородные дети! Какие у них большие глаза! А ещё такие юные. Впрочем, что я? Мне следовало помнить, что королевские дети с первого дня своей жизни – взрослые *(пауза)*. Шер-Хан переменял место охоты. Он сказал мне, что всю следующую луну будет охотиться в этих горах.

Отец Волк. Он не имеет на это права. По Закону джунглей он не имеет права без предупреждения менять место охоты. Он распугает всю дичь на десять миль, а мне... мне предстоит охотиться эти два дня.

Ракша. Недаром мать Шер-Хана назвала его Лунгри, хромым. Он хромает со дня рождения и потому всегда убивал только домашний скот. В деревне Венгунга сердятся на него, а теперь пришёл сюда, чтобы раздражать «наших людей». Они обещают джунгли, когда он убежит, и нам с детьми придётся спасаться от подожжённой ими травы. Действительно, мы можем поблагодарить Шер-Хана.

Табаки. Передать ему вашу благодарность?

Отец Волк. Прочь! Прочь; ступай охотиться со своим господином. Достаточно неприятностей наговорил нам ты.

Табаки. Я уйду. Слышите, в чащах рычит Шер-Хан? Я мог бы даже и не говорить вам о нём.

Отец Волк. Глупец. Он начинает работу с таким шумом! Неужели он думает, что наши олени похожи на его откормленных быков?

Ракша. Тсс! Сегодня он охотится не на оленя и не на быка. Его дичь – человек.

Отец Волк. Человек! Фу! Неужели в болотах мало водяных жуков и лягушек, чтобы он ещё ел человека, да ещё в наших местах.

Ракша *(наблюдая за Шер-Ханом)*. Он промахнулся. Что там?

Отец Волк. У этого глупца так мало смысла, что он прыгнул на костёр дровосека и обжёг себе лапы. С ним и Табаки.

Ракша. А кто поднимается по откосу? Приготовься!

Отец Волк. Человек, детёныш человека! Смотри.

Ракша. Так это человеческий детёныш. Я никогда не видала их. Дай-ка его сюда.

Отец Волк осторожно положил его между своими детёнышами.

Ракша. Какой маленький! Совсем голенький! И какой смелый. *(Ребёнок расталкивал волчат, чтобы подобраться поближе к её тёплой шкуре.)* Ай, да он кормится вместе с остальными! Вот так человеческий детёныш! Ну, скажи-ка: была ли когда-нибудь в мире волчица, которая могла похвастаться тем, что между её волчатами живёт человеческий детёныш?

Отец Волк. Я слышал, что такие вещи случались, только не в нашей стае и не в наши дни. На нём совсем нет шерсти, и я мог бы убить его одним толчком лапы. Но взгляни: он смотрит и не боится.

Вошёл Шер-Хан и Табаки.

Табаки. Мой господин, мой господин, он вошёл сюда!

Отец Волк. Шер-Хан оказывает нам великую честь. Что угодно Шер-Хану?

Шер-Хан. Сюда вошёл детёныш человека. Его родители убежали. Отдай мне его.

Отец Волк. Волки – свободный народ. Они слушаются вожака стаи, а не какого-нибудь полосатого поедателя домашнего скота. Человеческий детёныш наш; мы убьём его, если захотим.

Шер-Хан. Вы захотите, вы не пожелаете! Что это за разговоры? Клянусь убитым мной быком, я не буду стоять, нюхая вашу собачью будку и прося того, что мне принадлежит по праву. Это говорю я, Шер-Хан.

Ракша. Ты говоришь, а отвечаю я, Ракша. Человеческий детёныш мой, хромуля! Да, мой. Его не убьют! Он будет жить, бегать вместе со стаей, охотиться со стаей и, в конце концов, убьёт тебя, преследователь маленьких голых детёнышей, поедатель лягушек и рыб! Да, он убьёт тебя! А теперь убирайся или, клянусь убитым мной самбхуром (я не ем палого скота), ты, обожжённое животное, отправишься к своей матери, хромя хуже, чем в день твоего рождения! Уходи!

Шер-Хан. Каждая собака лает у себя во дворе! Увидим, что скажет сама стая об этом нежничаньи с приёмшем из человеческого племени! Он мой и, в конце концов, попадётся мне в зубы, говорю вам, о вы, пушистохвостые воры!

Отец Волк. В этом отношении Шер-Хан прав. Человеческого детёныша надо показать стае. Скажи, ты все ещё хочешь оставить его у себя?

Ракша. Хочу ли? Он бесшёрстый, голодный, пришёл ночью, совсем один, а между тем не боялся. Смотри: он оттолкнул одного из моих детей! Этот хромой злодей убил бы его и убежал в Венгунга; к нам пришли бы люди и в отместку разрушили бы все наши логовища. Оставляю ли я его у себя? Ну, конечно. Лежи, лежи, лягушечка, о ты, Маугли... Да, да, я назову тебя Маугли – лягушка... и когда-нибудь ты будешь охотиться на Шер-Хана, как он охотился на тебя.

Отец Волк. Но что скажет наша стая?

Первый совет стаи

Танец совета.

Акела. Вы знаете Закон, вы знаете Закон! Хорошенько смотрите, о волки! Смотрите, хорошенько смотрите, о волки! Смотрите хорошенько!

Шер-Хан. Детёныш мой. Отдайте его мне. Зачем Свободному Народу детёныш человека?

Акела. Смотрите хорошенько, о волки. Разве Свободному Народу есть дело до чьих-либо заявлений, кроме постановлений Свободного Народа? Хорошенько смотрите.

Волчата. Что делать Свободному Народу с детёнышем человека?

Акела. Кто за этого детёныша? Кто из Свободного Народа высказывается за его вступление в стаю?

Балу. Человеческий детёныш?.. Человеческий детёныш? Я высказываюсь за него. В нём нет ничего дурного. Я не обладаю даром слова, но говорю правду. Пусть он бегаёт вместе со стаей; примите его вместе с остальными. Я буду учить его!

Акела. Нам нужен ещё голос. Балу высказался, а ведь он учитель наших молодых волков. Кто, кроме Балу, подаст голос за человеческого детёныша?

Багира. О Акела, и ты, Свободный Народ, я не имею права голоса в ваших собраниях, но Закон джунглей говорит, что в случае сомнений, возникших относительно нового детёныша, сомнений, не касающихся охоты, его жизнь можно купить за известную цену. И Закон не определяет, кто может и кто не может заплатить за сохранение его жизни. Правильно ли я говорю?

Волчата. Правильно, правильно, слушайте Багиру. – Детёныша можно купить за известную цену. – Так говорит Закон.

Багира. Я знаю, что не имею здесь права голоса, а потому прошу у вас позволения говорить.

Волчата. Говори.

Багира. Позорно убить безволосого детёныша. Кроме того, он может вам пригодиться, когда вырастет. Балу говорил в его пользу, а если вы согласитесь принять человеческого детёныша, я к словам Балу прибавлю только что убитого мной молодого и очень жирного быка, который лежит меньше чем в полумиле отсюда. Трудно ли принять решение?

Волчата. Стоит ли рассуждать? Он умрёт от зимних дождей; солнце сожжёт его! Какой вред может принести нам безволосая лягушка? Пусть себе бегаёт со стаей. А где бык, Багира? Примем детёныша!

Акела. Смотрите хорошенько, смотрите хорошенько, о волки!

В темноте все ещё раздавалось ворчание Шер-Хана.

Багира. Да, да, реви хорошенько себе в усы, придёт время, когда человеческий детёныш заставит твой голос звучать другим образом. Это будет так, или я ничего не знаю о людях.

Акела. Вы хорошо сделали! Люди и их щенята очень умны. Со временем он сделается нашим помощником.

Багира. Конечно, он сделается твоим помощником в тяжёлую минуту; ведь никто не может надеяться вечно водить стаю.

Акела (*говорит Отцу Волку*). Уведи его и воспитай в правилах Свободного Народа.

Прошло время.

ПЕСНЬ МАЛЕНЬКОГО ОХОТНИКА

Видишь? Мор-Павлин трепещет, раскричались обезьяны,

Чиль кружит тревожно на больших крылах,

И неясные мелькают в полумраке Джунглей тени –

Это Страх, Охотник-крошка, это Страх!

По прогалине скользнуло как бы смутное виденье,

И пронёсся шепот в сумрачных кустах;

А на лбу вспотевшем капли, и дрожат твои колени –

Это Страх, Охотник-крошка, это Страх!

Месяц, вставши над горою, серебрит седые скалы,

Звери, хвост поджавши, прячутся в лесах,

Вслед тебе несутся вздохи, и листок крошится вялый

Это Страх, Охотник-крошка, это Страх!

На колени! За тетиву! И спускай проворно стрелы,

В тьму коварную стреми копья размах.

Но рука бессильно виснет, но душа оцепенела –

Это Страх, Охотник-крошка, это Страх!

А когда в сиянье молний буря валит ствол и колос

И разверзлись хляби в темных небесах,

Все громовые раскаты покрывает жуткий голос –

Это Страх, Охотник-крошка, это Страх!

Валуны, как щепки, пляшут в волнах бурного потока,

Пятна молнии дрожат на лепестках,

В горле сушь, и сердце бедное колотится жестоко –

Это Страх, Охотник-крошка, это Страх!

Балу. Человеческий детёныш и есть человеческий детёныш, а потому он должен знать весь Закон джунглей.

Багира. Но подумай, какой он маленький. Как все эти слова могут умещаться в его маленькой голове?

Балу. Разве в джунглях есть что-нибудь настолько маленькое, чтобы звери его не трогали? Нет. Вот потому-то я и учу детёныша, потому-то я и бью его, правда, очень нежно, когда он забывает мои слова.

Багира. Нежно! Что ты знаешь о нежности, Железные Лапы? Сегодня у него все лицо разбито из-за твоей... нежности. Гр!

Балу. Пусть лучше я, любящий детёныша, покрою его ссадинами с головы до ног, чем он, по невежеству, попадёт в беду. Теперь я учу его Великим Словам Джунглей, которые послужат для него защитой среди населения – птиц, змей и всех существ, охотящихся на четырех ногах, помимо его собственной стаи. Если только детёныш запомнит слова, он получит возможность требовать покровительства от всех созданий, живущих в джунглях. Разве ради этого не стоило слегка побить его?

Багира. Пожалуй, только смотри, не убей детёныша. Он же не древесный пень для оттачивания твоих тупых когтей. Но, что это за Великие Слова? Конечно, гораздо вероятнее, что я окажу кому-нибудь помощь, нежели попрошу её. А всё же мне хотелось бы узнать эти слова.

Балу. Я позову Маугли, и он скажет их тебе... если захочет. Иди сюда, Маленький Брат!

Маугли. У меня в голове шумит, как в дупле с пчелиным роем. Я пришёл для тебя, Багира, а совсем не для тебя, жирный, старый Балу.

Балу. Мне это все равно. В таком случае, скажи Багире Великие Слова Джунглей, которым я учил тебя сегодня.

Маугли. Великие Слова какого народа? В джунглях много наречий, я знаю их все.

Балу. Ты знаешь далеко не все. Видишь, о Багира, они никогда не благодарят своего учителя. Ни один волчонок не возвращался, чтобы поблагодарить старого Балу за его уроки. Ну, ты, великий учёный, скажи Слова Народа Охотников.

Маугли. Мы одной крови, вы и я!

Балу. Хорошо. Теперь Великие Слова Птиц.

Маугли. Мы одной крови, вы и я! *(свистит)*.

Багира. Теперь Слова змей.

Маугли. Мы одной крови, вы и я! *(шипит)*.

- Балу.** Так, так; из-за этого стоило получить несколько синяков. Когда-нибудь ты вспомнишь меня. Ему некого бояться.
- Багира.** Кроме его собственного племени. *(Обращается к Маугли)* Пожалей мои ребра, Маленький Брат. Что это за танцы взад и вперёд?
- Маугли** *(небольшая шаловливая потасовка с Багирой)*. Таким образом, у меня будет собственная стая, и я стану весь день водить их между ветвями.
- Бакгира.** Это ещё что за новое безумие, маленький сновидец?
- Маугли.** И я буду бросать ветки и грязь в старого Балу! Они обещали мне это. А?
- Балу.** Вуф. Маугли, ты разговаривал с Бандар-логом, с Обезьяньим Народом? Ты был с серыми обезьянами, с существами без Закона, с поедателями всякой дряни. Это великий позор.
- Маугли.** Когда Балу ударил меня по голове, я убежал; с деревьев соскочили серые обезьяны и пожалели меня. Никому больше не было до меня дела.
- Балу.** Жалость Обезьяньего Народа! Молчание горного потока! Прохлада летнего солнца! А что дальше, человеческий детёныш?
- Маугли.** Потом... Потом обезьяны дали мне орехов и разных вкусных вещей и... и... отнесли меня на вершины деревьев, а там сказали, что по крови я их брат, что я отличаюсь от обезьян только отсутствием хвоста и что со временем я сделаюсь их вожаком.
- Багира.** У них не бывает вожаков. Они лгут и всегда лгали.
- Маугли.** Они обходились со мной очень ласково и звали меня опять к ним. Почему меня никогда не водили к Обезьяньему Народу? Серые обезьяны стоят, как я, на задних лапах, не дерутся жёсткими лапами, а играют целый день. Пустите меня на деревья. Злой Балу, пусти меня наверх. Я опять поиграю с ними.
- Балу.** Послушай, детёныш человека! Я учил тебя Закону джунглей, касающемуся всего нашего населения за исключением Обезьяньего Народа, живущего среди ветвей. У них нет закона. Обезьяны – отверженные. У них нет собственного наречия; они пользуются украденными словами, которые подслушивают, когда подглядывают за нами, прячась в ветвях. У них не наши обычаи. Они живут без вожаков. У них нет памяти. Они хвастаются, болтают, уверяют, будто они великий народ, готовый совершать великие дела в джунглях, но падает орех, им делается смешно, и они всё

забывают. Мы, жители джунглей, не имеем с ними дела; не пьём там, где пьют обезьяны; не двигаемся по их дорогам; не охотимся там, где они охотятся; не умираем, где умирают они. Слыхал ли ты, чтобы я когда-нибудь до сегодняшнего дня говорил о Бандар-логе?

Маугли (*шёпотом*). Нет.

Балу. Народ джунглей изгнал их из своей памяти и не берёт в рот их мяса. Обезьян очень много; они злы, грязны, не имеют стыда, и если у них есть какое-нибудь определённое желание, то именно стремление, чтобы в джунглях заметили их. Но мы не обращаем на них внимания, даже когда они бросают нам на голову грязь и орехи. (*Едва медведь договорил, как с деревьев посыпался град орехов и обломков веток; послышался кашель, вой; и там, наверху, между тонкими ветвями, почувствовались гневные прыжки.*) Для населения джунглей обезьяны – народ отверженный. Помни это.

Багира. Отверженный, тем не менее, мне кажется, ты, Балу, должен был предупредить его.

Балу. Предупредить? Я? Мог ли я угадать, что он станет возиться с такой грязью? Бандар-лог! Фу!

Похищение Маугли

Бандар-логи. Она заметила нас? Багира заметила нас! Все население джунглей восхищается нашей ловкостью и нашей хитростью!

Багира и Балу не догнали бандар-логов.

Багира. Почему ты не предостерег человеческого детёныша? Стоило бить его до полусмерти, если ты не предупреждал его!

Балу. Скорее, скорее! Мы... Мы ещё можем нагнать их.

Багира. Таким-то шагом? Этот бег не утомил бы даже раненой коровы. Учитель Закона, избиватель детёнышей, если ты прокачаешься так с милую, ты лопнешь. Садись и думай. Придумай план. Незачем гнаться. Если мы слишком близко подойдём к ним, они ещё, пожалуй, бросят его.

Балу. Эррула! Ву! Если обезьянам надоело тащить детёныша, они уже бросили его. Кто может верить Бандар-логу? Брось мёртвых нетопырей на мою голову! Дай мне глотать почерневшие кости! Катай меня в сотах диких пчёл, чтобы они до смерти искусали меня, и похорони моё тело вместе с гиеной, потому что я самый несчастный медведь в мире! Эррулала! Вахуа! О, Маугли, Маугли! Зачем я ломал тебе голову, а не предостерег тебя от Обезьяньего

Народа? Может быть, я выбил из его ума заданный ему на сегодня урок, и он останется в джунглях один, позабыв Великие Слова!

Багира. Во всяком случае, некоторое время тому назад он правильно сказал мне их. Балу, у тебя нет ни памяти, ни чувства собственного достоинства. Что подумали бы джунгли, если бы я, чёрная пантера, свернулась, как дикобраз Икки, и принялась выть?

Балу. Какое мне дело до того, что обо мне думают в джунглях? Может быть, он уже умер.

Багира. Если только обезьяны не бросят его ради потехи или не убьют из лени, я не опасаясь за человеческого детёныша. Он умен, хорошо обучен, главное же, все в джунглях боятся его глаз. Однако (и это очень дурно) он во власти Бандар-лога, а это племя не страшится никого из нас, так как оно живёт на деревьях.

Балу. Как я глуп! О, толстый, бурый, вырывающий корни, дурак! Правду говорит дикий слон Хати: «На каждого свой страх». Бандар-лог боится питона скал Каа. Он не хуже их поднимается на деревья и ночью крадёт молодых обезьян. При звуке его имени, хотя бы произнесённом шёпотом, у них холодеют хвосты. Идём к Каа.

Багира. Ну что он сделает для нас? Он безногий, значит не принадлежит к нашему племени, и у него такие дурные глаза. Он очень стар и очень хитёр, главное же, постоянно голоден. Насытившийся Каа спит целый месяц. Может быть, питон и теперь спит, но даже если и не спит, так он, пожалуй, сам захочет убить для себя козу.

Балу. В таком случае мы с тобой, старая охотница, заставим его послушаться нас. *(Подходят к Каа, который грелся на лунном свете.)* Он ещё не ел. Осторожнее, Багира. После перемены кожи он подслеповат и спешит наносить удары. Хорошей охоты!

Каа. Хорошей охоты всем нам. Ого, Балу, что ты здесь делаешь? Хорошей охоты, Багира! По крайней мере, одному из нас нужна пища. Слышно ли что-нибудь о дичи поблизости? Нет ли молодого оленёнка или хотя бы молодого козла? Внутри меня пусто, как в сухом колодце.

Балу. Мы охотимся.

Каа. Позвольте мне отправиться с вами. Одной добычей больше или меньше, не важно для тебя, Багира, или для тебя, Балу. Мне же приходится несколько дней подряд караулить на лесной тропинке или целую ночь подниматься то на одно, то на другое дерево ради возможности поймать молодую обезьяну. Пшшшш! Теперь уже не такие ветки как во времена моей юности. Все погнившие, сухие!

Балу. Может быть, это зависит от твоей тяжести.

Каа. Да, я длинен, достаточно длинен. Однако молодые деревья действительно хрупки, ломки. Недавно на охоте я чуть не упал; да, чуть не упал, скользя вниз и не обвив достаточно крепко хвостом дерево; этот шум разбудил обезьян, и они стали бранить меня самыми скверными словами.

Багира (как бы вспоминая). Безногий, жёлтый дождевой червь!

Каа. Сссс! Они называли меня так?

Багира. Во время прошлой луны обезьяны кричали нам что-то в этом роде, но ведь мы не замечаем их. Пусть они говорят, что им угодно, даже будто ты потерял все зубы и боишься каждого существа крупнее козлёнка, так как (Бандар-лог совершенно бессовестное племя!) тебя устрашают рога козла.

Каа. Обезьяны переменили место своей стоянки. Когда сегодня я выполз на солнце, до меня донеслось их гуканье в вершинах деревьев.

Балу. Теперь мы идём вслед за Бандар-логом.

Каа. Без сомнения, немаловажное обстоятельство заставляет двоих таких охотников – вожаков у себя в джунглях – идти по следу Бандар-лога.

Балу. В сущности, я просто старый, порой очень неумный, преподаватель Закона сионийским волчатам, а Багира...

Багира. Багира и есть Багира. Вот в чем дело, Каа. Эти воры орехов и подбиратели пальмовых листьев украли нашего человеческого детёныша, о котором ты, вероятно, слышал.

Каа. Икки (длинные иглы на его спине делают это существо самонадеянным) болтал, будто человек был принят в волчью стаю, но я не поверил ему. Икки вечно повторяет то, о чём он слышал вполуха, и повторяет очень плохо.

Балу. Но он сказал правду. Никогда в мире не было такого человеческого детёныша. Он самый лучший, самый умный, самый смелый из человеческих детёнышей; это мой ученик, который прославит имя Балу во всех джунглях; кроме того, я... мы... любим его, Каа.

Каа. Тсс! Тсс! Я тоже когда-то знал, что значит любовь. Я мог бы рассказать вам историю, которую...

Багира. Которую мы хорошо оценим, только когда, сытые, будем отдыхать в светлую ночь, слушая тебя. Теперь же наш человеческий детёныш в руках Бандар-лога, а мы знаем, что Обезьяний Народ боится одного Каа.

Каа. Они боятся одного меня. И вполне основательно. Глупые, болтающие тщеславные создания, тщеславные, глупые, болтающие –

вот каковы эти обезьяны! Но человеческому существу плохо в их руках. Им надоедают подобранные ими орехи, и они швыряют их на землю. Они шесть часов таскают ветку, намереваясь с её помощью совершить великие дела, потом ломают её пополам. Нельзя позавидовать этому человеческому существу. И обезьяны назвали меня жёлтой рыбой? Ведь так?

Багира. Червём, червём, дождевым червяком, и говорили про тебя ещё многое, что мне стыдно повторять.

Каа. Следует научить обезьян хорошо отзываться об их господине. Эээ-ссш! Поможем им собрать их блуждающие воспоминания. Ну а куда убежали они с детёнышем?

Балу. Это известно только джунглям. Кажется, в сторону заката солнца. Мы думали, что ты знаешь, Каа.

Каа. Я? Каким образом? Я беру их, когда они попадают на моей дороге, но не охочусь на Бандар-лога или на лягушек, или на зеленую пену в водяных ямах.

Балу. Я побегу, как можно быстрее.

Багира. Мы не можем ждать тебя. Спешите за нами, Балу. Нам с Каа придётся спешить.

Каа. Есть у меня ноги или нет их, я не отстану от тебя, Багира, несмотря на все твои четыре лапы.

Багира. Клянусь сломанным замком, освободившим меня, ты двигаешься быстро.

Каа. Я голоден. Кроме того, они назвали меня пятнистой лягушкой.

Багира. Червём, дождевым червём, да ещё жёлтым.

Каа. Это одно и то же. Вперёд!

ПЕСНЯ БАНДАР-ЛОГОВ

Длинной гирляндой порою ночной
Мчимся мы между землей и луной.
Ты не завидуешь нашим прыжкам,
Скачущим лентам и лишним рукам?
Ты не мечтал, чтоб твой хвост, как тугой
Лук Купидона, был выгнут дугой?
Злишься напрасно ты, Брат! Ерунда!
С гибким хвостом и беда не беда!
Мы поднимаем немислимый шум.
Головы наши распухли от дум!
Тысячи дел перед нами встают –
Мы их кончаем за пару минут.

Ах, как мудры мы! Ах, как хороши!
Все, что умеем, творим от души.
Всеми забыты мы, Брат? Ерунда!
С гибким хвостом и беда не беда!
Если до нас донесутся слова
Аиста, мыши, пчелы или льва,
Шкур или перьев – мы их различим,
Тут же подхватим и быстро кричим!
Браво! Брависсимо! Ну-ка опять!
Мы, словно люди, умеем болтать!
Мы не притворщики, Брат. Ерунда!
С гибким хвостом и беда не беда!
Светит для нас обезьянья звезда!
Скорее рядами сомкнемся,
Лавиной сквозь лес пронесемся,
Как гроздь бананов качаясь на ветках,
Взлетая по гладким стволам.
Для всех мы отбросы, так что же!
Мы корчим ужасные рожи!
Напрасно смеетесь! Мы скачем по пальмам
Навстречу великим делам!

Бандар-лог. Оставайся здесь, мы скоро придём играть с тобой, если Ядовитый Народ оставит тебя в живых.

Каа и Багира у логова обезьян

Каа. Я отправлюсь к западной стене и быстро спущусь; покатаая местность поможет мне. Обезьяны не кинутся сотнями на «мою» спину, но...

Багира. Я знаю. Жаль, что здесь Балу нет; но сделаем все возможное. Когда облако закроет луну, я поднимусь на террасу. По-видимому, они о чём-то советуются по поводу мальчика.

Каа. Удачной охоты!

Битва с Бандар-логами

Багира бросается в драку с обезьянами, Каа с другой стороны обходит.

Обезьяны (*заметив Багиру*). Она тут одна! Убьём её! Убьём!

Балу. Багира, я здесь! Я лезу! Я тороплюсь! Эхвора! Камни выкатываются из-под моих ступней. Погоди ты, о бесчестный Бандар-лог!

Багира. Мы одной крови, ты и я.

Обезьяны. Каа! Это Каа! Бегите! Бегите!

Багира. Вытащите человеческого детёныша из этой ловушки. Я ничего больше не в силах сделать. Возьмём его и уйдём. Обезьяны могут возобновить нападение.

Каа. Они не двинутся, пока я не прикажу им. Стойте так; тиш-ш-ше! Я не мог взобраться раньше, но, кажется, ты меня звала?

Багира. Я... я... может быть, закричала что-нибудь во время боя. Ты ранен, Балу?

Балу. Я не уверен, что обезьяны не разорвали меня на части, сделав из моей шкуры сотню медвежат. Вуф! Мне больно. Каа, мы, Багира и я, обязаны тебе нашим спасением!

Каа. Неважно. Где человек?

Маугли. Здесь, в ловушке; я не могу вылезти!

Над его головой изгибалась часть сломанного купола.

Балу. Ты ранен?

Маугли. Мне грустно, я голоден и сильно ушибся; но, мои друзья, они ужасно измучили вас; вы в крови!

Багира. В крови не одни мы!

Балу. Это ничего, всё ничего, только бы ты был цел, о моя гордость, лучшая лягушечка в мире.

Багира. Об этом мы поговорим позже. Но с нами Каа; мы обязаны ему победой, а ты – сохранением жизни. Поблагодари его согласно нашим обычаям, Маугли.

Каа. Так это человек? У него очень нежная кожа и нельзя сказать, чтобы он совсем не походил на обезьян. Берегись, человек! Смотри, чтобы после перемены кожи я в сумерки не принял тебя за кого-нибудь из Бандар-лога.

Маугли. Мы одной крови, ты и я. Сегодня ты дал мне жизнь. Моя добыча всегда будет твоей, когда ты почувствуешь голод, о Каа.

Каа. Благодарю тебя, Маленький Брат. А кого может убивать такой храбрый охотник? Спрашиваю это, чтобы идти за тобой, когда в следующий раз ты отправишься на ловлю.

Маугли. Я никого не убиваю, так как ещё слишком мал; но я загоняю оленей для тех, кому они могут пригодиться. Когда ты почувствуешь, что у тебя внутри пусто, явись ко мне и посмотри, говорю ли я правду. У меня есть некоторая ловкость в них, он поднял свои руки, и если ты когда-нибудь попадёшься в ловушку, я отплачу тебе

добром за добро. С сегодняшнего вечера я в долгу перед тобой, перед Багирой и Балю. Удачной охоты всем вам, мои владыки.

Балю *(проворчал)*. Хорошо сказано!

Каа. Храброе сердце и вежливый язык. Ты должен далеко пойти в джунглях, человек. Теперь же поскорее уходи отсюда вместе со своими друзьями. Уйди и засни; луна садится, и тебе нехорошо видеть то, что произойдёт здесь. *(Каа бандар-логам)* Луна заходит, достаточно ли света, чтобы видеть?

Со стен пронёсся стон, похожий на звук ветров в вершинах деревьев.

Бандар-логи. Мы видим, о Каа.

Каа. Хорошо. Теперь начинается танец, танец голода Каа. Сидите и смотрите. Бандар-логи, может ли кто-нибудь из вас без моего приказа пошевелить рукой или ногой? Отвечайте.

Бандар-логи. Без твоего приказанья мы не можем шевельнуть ни ногой, ни рукой, о Каа.

Каа. Хорошо. Сделайте один шаг ко мне.

Ряды обезьян беспомощно колыхнулись вперёд. Танец смерти Каа и бандар-логов. Вместе с ними, как деревянные, шагнули Балю и Багира.

Каа. Ближе. И все снова подвинулись.

Маугли положил свои руки на Балю и на Багиру, чтобы увести их, и два больших зверя вздрогнули, точно внезапно разбуженные ото сна.

Багира. Не снимай руки с моего плеча. Держи меня, не то я вернусь к Каа. Ах!

Маугли. Да ведь старый Каа просто делает круги на пыльной земле. Уйдём!

Все трое проскользнули через пролом в стене и очутились в джунглях.

Балю. Вуф. Никогда больше я не возьму Каа в союзники.

Багира. Он знает больше нас. Ещё немножко, и я кинулась бы к нему в пасть.

Балю. Многие пройдут по этой дороге раньше нового восхода луны. Он хорошо поохотится сегодня... по-своему...

Маугли. Но что же все это значит? Пока не стемнело я видел только большую змею, которая делала какие-то глупые фигуры и круги. И у Каа весь нос разбит! Хо! Хо!

Багира. Маугли, его нос разбит по твоей милости, так же как мои уши, бока и лапы, шея и плечи Балуги искуваны из-за тебя же. Много дней ни Балуги, ни Багира не будут в состоянии и с удовольствием охотиться.

Балуги. Не беда, с нами опять человеческий детёныш!

Багира. Это правда, но вместо того, чтобы поохотиться, мы дорого заплатили за него – ранами, шерстью (у меня выщипана половина меха на спине) и, наконец, честью. Помни, Маугли, я – чёрная пантера, была вынуждена просить защиты у Каа, и мы с Балуги стали глупы, как маленькие птички, при виде этой пляски голода. Вот, человеческий детёныш, что произошло из-за твоих игр с Бандар-логом.

Маугли. Правда, все это правда. Я дрянной человеческий детёныш и теперь чувствую, как во мне тоскует желудок.

Багира. Мф! Что говорит Закон джунглей, Балуги?

Балуги. Печаль не избавляет от наказания. Только помни, Багира, он очень маленький.

Уходит.

Багира. Я не забуду этого, но он был причиной беды и его нужно побить. Маугли, ты можешь что-нибудь сказать?

Маугли. Ничего, я виноват. Балуги и ты ранены. Справедливо наказать меня.

Багира раз шесть любовно ударила его, с точки зрения пантеры очень легко; эти толчки вряд ли разбудили бы её детёныша, но для семилетнего мальчика они были жестокими побоями, и в годы Маугли каждый мог бы пожелать избежать их. Когда все было окончено, мальчик чихнул и, не говоря ни слова, поднялся на ноги.

Последний урок от Багиры

Багира и Маугли вдвоём, на фоне звездного неба.

Багира. Теперь прыгай ко мне на спину, Маленький Брат, мы отправимся домой. Одна из прелестей Закона джунглей состоит в том, что наказание уничтожает старые счёты; все оканчивается, и никто не хмурится.

Маугли. Нет, Багира ты должна посмотреть на эту добычу удачной охоты!

Он показал ей анкас.

Багира. Откуда это у тебя?

Маугли. Я взял его там, в пещере у Белой Кобры, она сказала, что эта вещь может убить всех людей моего города. Что же в сущности хотела сказать белая кобра?

Багира. Я родилась в клетке королевского зверинца в Удейпуре, я долго жила среди людей, и, конечно, мне известно кое-что о человеке. Очень многие люди охотно убили бы трижды в одну ночь, чтобы получить вот этот красный камень. У тебя есть другой враг и когда-нибудь Шер-Хан захочет убить тебя.

Маугли. У меня стая, у меня и ты, и хотя Балу ленив, он может в мою защиту нанести лапой несколько ударов. Чего мне бояться?

Багира. Маленький Брат, сколько раз я говорила тебе, что Шер-Хан твой враг?

Маугли. Столько, сколько орехов на этой пальме. Что же из этого? Мне хочется спать, Багира, а у Шер-Хана такой же длинный хвост и такой же громкий голос, как у Мао, павлина.

Багира. Теперь не время спать. Это знает Балу, знаю я, знает стая, знают даже глупые-глупые олени. Табаки тоже говорил об этом тебе.

Маугли. Хо, хо! Недавно ко мне пришёл Табаки и стал грубо уверять меня, что я бесщёрстный человеческий детёныш, incapable даже вырывать из земли дикие трюфели, а я схватил шакала за хвост, два раза качнул и ударил о пальму, чтобы научить его вежливости.

Багира. И глупо сделал; правда, Табаки любит мутить, однако он мог сказать тебе многое, близко касающееся тебя. Открой глаза, Маленький Брат, Шер-Хан не решается убить тебя в джунглях, но помни: Акела очень стар; вскоре наступит день, когда он окажется не в силах убить оленя, и тогда Одинокий Волк перестанет быть вожаком стаи. Многие из волков, которые осматривали тебя, когда ты впервые был приведён в Совет, тоже состарились, а молодёжь верит Шер-Хану и думает, что человеческому детёнышу не место среди нас. Скоро ты сделаешься взрослым человеком.

Маугли. А разве человек не имеет права охотиться со своими братьями? Я здесь родился. Я повинуюсь Закону джунглей, и в нашей стае не найдётся ни одного волка, из лап которого я не вынимал бы заноз. Они, конечно, мои братья.

Багира. Маленький Братец, пощупай рукой мою шею под нижней челюстью.

Маугли протянул свою сильную руку, нащупал маленькое бесщёрстное пространство.

Никто в джунглях не знает, что я, Багира, ношу на себе этот след... след ошейника, а между тем, Маленький Брат, я родилась среди людей, среди людей умерла и моя мать, в клетках королевского дворца в Удейпуре. Вот почему я заплатила за тебя Совету, когда ты был маленьким голым детёнышем. Да, да, я тоже родилась среди людей, а не в джунглях. Я сидела за железными брусьями, и меня кормили, просовывая между ними железную чашку; наконец, раз ночью я почувствовала, что я, Багира, пантера, а не людская игрушка, одним ударом лапы сломала глупый замок и ушла. Благодаря моему знанию людских обычаев я в джунглях стала ужаснее Шер-Хана. Правда это?

Маугли. Да, все в джунглях боятся Багиры, все, кроме Маугли.

Багира. О, ты детёныш человека! И как я вернулась в мои джунгли, так и ты, в конце концов, должен вернуться к людям, к людям – твоим братьям... если тебя раньше не убьют в Совете.

Маугли. Но за что же, за что могут меня убить?

Багира. Посмотри на меня.

Маугли взглянул ей прямо в глаза; пантера выдержала только половину минуты, потом отвернулась.

Здесь можно вместо монолога сочинить арию Багиры.

Вот почему даже я не могу смотреть тебе в глаза, хотя родилась среди людей и люблю тебя, Маленький Брат. Другие тебя ненавидят, потому что не могут выдержать твоего взгляда, потому что ты разумен, потому что ты вынимал колючки из их лап, потому что ты – человек.

Маугли. Я этого не знал.

Багира. Что говорит Закон Джунглей? Прежде ударь, потом говори. Сама твоя беззаботность показывает, что ты человек. Но будь мудр. В сердце я чувствую, что когда Акела упустит свою добычу (а с каждым днём ему делается всё труднее останавливать оленей), стая обратится против него и против тебя. Они соберут Совет на скале, и тогда, тогда... Ага, придумала! Скорей беги в долину к человеческим хижинам и возьми частицу Красного Цветка, который они разводят там; у тебя в своё время будет друг сильнее меня, сильнее Балу, сильнее всех, кто тебя любит. Достань Красный Цветок.

Маугли. Красный Цветок? Я знаю, в сумраке он вырастает подле их хижин. Я принесу его.

Багира. Это настоящая речь человеческого детёныша, но помни: он растёт в маленьких горшочках. Добудь один из них и всегда храни его на случай нужды.

Маугли. Хорошо, иду. Но уверена ли ты, о моя Багира, что все это дела Шер-Хана?

Багира. Клянусь освободившим меня сломанным замком – уверена, Маленький Брат!

Маугли. В таком случае клянусь купившим меня быком, что я отплачу за все Шер-Хану и, может быть, с избытком!

Маугли убегает.

Багира. Да, он человек. Это совершенно по-человечески. О Шер-Хан, в мире никогда не бывало такой неудачной охоты, как твоя охота на эту лягушку десять лет тому назад.

Взросление Маугли

Этюд «Взросление Маугли». Маугли маленький передает огонь Маугли большому. За сценой раздаются голоса.

Совет стаи

Волки (*где-то вдалеке*). Акела! Акела! – Одинокий Волк, покажи свою силу! – Место вожаку стаи! – Бросайся!

Табаки. Акела промахнулся! Акела промахнулся!

На совет собираются Волки, Акела, Багира, Шер-Хан, Волк Отец, Ракша.

Шер-Хан. Слушай свободный народ...

Появляется Маугли.

Маугли. Свободный Народ, разве Шер-Хан водит стаю? Какое дело тигру до места нашего вожака?

Шер-Хан. Ввиду того, что это место ещё свободно, а также помня, что меня просили говорить...

Маугли. Кто просил? Разве мы шакалы и должны прислуживать мяснику, убивающему домашний скот? Вопрос о вожаке стаи касается только стаи.

Волки. Молчи ты, щенок человека! – Дайте ему говорить. – Он хранил наш Закон! – Пусть говорит Мёртвый Волк.

Акела. Свободный Народ и вы, шакалы Шер-Хана! Двенадцать лет я водил вас на охоту и с охоты, и за все это время никто, ни один волк не попался в ловушку и не был изувечен. Теперь я упустил добычу. Вам известно, как был выполнен заговор. Вы знаете, что меня привели к крепкому самбхуру, чтобы показать всем мою слабость. Задумали умно! Вы вправе убить меня теперь же на Скале

Совета. Поэтому я спрашиваю вас, кто выйдет, чтобы покончить с Одиноким Волком? По Закону джунглей вы должны выходить по одному.

Шер-Хан. Да какое нам дело до этого беззубого глупца? Он и так скоро умрёт. Вот детёныш человека прожил слишком долгое время. Свободный Народ, с первой же минуты его мясо было моим. Отдайте его мне! Мне надоело всё это безумие. Десять лет он смущал джунгли. Дайте мне человеческого детёныша. В противном случае я всегда буду охотиться здесь, не оставляя вам ни одной кости. Он человек, человеческое дитя, и я ненавижу его до мозга моих костей.

Волки. Человек! Человек! Человек! – Что делать у нас человеку? – Пусть уходит откуда пришёл.

Шер-Хан. И обратит против нас всё население окрестных деревень? Нет, отдайте его мне! Он человек, и никто из нас не может смотреть ему в глаза.

Акела. Он ел нашу пищу, спал рядом с нами; он загонял для нас дичь. Он не нарушил ни слова из Закона джунглей.

Багира. И я заплатила за него жизнью быка, когда он был принят. Бык – вещь неважная, но честь – нечто иное, за что она, может быть, будет биться.

Волки. Бык, внесённый в виде платы десять лет тому назад? – Какое нам дело до костей, которым минуло десять лет?

Багира. Или до честного слова? Правильно вас зовут Свободным Народом!

Шер-Хан. Человеческий детёныш не имеет права охотиться с жителями джунглей. Дайте его мне!

Акела. Он наш брат по всему, кроме рождения. А вы хотите его убить! Действительно, я прожил слишком долго. Некоторые из вас поедают домашний скот, другие же, наученные Шер-Ханом, пробираются в тёмные ночи в деревни и уносят детей с порогов хижин. Благодаря этому я знаю, что вы трусы, и с трусами я говорю. Конечно, я должен умереть, и моя жизнь не имеет цены, не то я предложил бы её за жизнь человеческого детёныша. Но во имя чести стаи (вы забыли об этом маленьком обстоятельстве, так как долго были без вожака) обещаю вам: если вы отпустите человеческого детёныша домой, я умру, не обнажив против вас ни одного зуба. Я умру без борьбы. Благодаря этому в стае сохранится, по крайней мере, три жизни. Больше я ничего не могу сделать; однако, если вы согласны, я спасу вас от позорного убийства брата,

за которым нет вины, брата, принятого в стаю по Закону джунглей после подачи за него двух голосов и уплаты за его жизнь.

Волки. Он человек, человек, человек!

Багира (*обращается к Маугли*). Теперь дело в твоих руках. Нам остаётся только биться.

Маугли. Слушайте вы, зачем вам тявкать по-собачьи? В эту ночь вы столько раз называли меня человеком (а я так охотно до конца жизни пробыл бы волком среди волков), что теперь чувствую истину ваших слов. Итак, я больше не называю вас моими братьями; для меня вы собаки, как для человека. Не вам говорить, что вы сделаете, чего не сделаете. За вас буду решать я, и чтобы вы могли видеть это яснее, я, человек, принёс сюда частицу Красного Цветка, которого вы, собаки, боитесь!

Багира. Ты – господин. Спаси Акелу от смерти. Он всегда был твоим другом.

Маугли. Хорошо. Я вижу, что вы собаки, и уйду от вас к моим родичам... если они мои родичи. Джунгли для меня закрыты, и я должен забыть вашу речь и ваше общество, но я буду милосерднее вас. Только по крови я не был вашим братом, а потому обещаю вам, что сделавшись человеком между людьми, я вас не предаю, как вы предали меня.

Маугли достаёт огонь, который принес от людей.

Между нами и стаей не будет войны, но перед уходом я должен заплатить один долг.

Бой с Шер-Ханом

Маугли подошёл к Шер-Хану.

Маугли. Встань, собака. Встань, когда с тобой говорит человек, не то я подожгу твою шерсть. Этот убийца домашнего скота сказал, что он убьёт меня на Совете, так как ему не удалось покончить со мной, когда я был маленьким детёнышем. Вот же тебе, вот! Так мы, люди, бьём наших собак. Пошевели хоть усом, и Красный Цветок попадёт тебе в глотку.

Бой между Маугли и Шер-Ханом, в ходе которого Маугли убивает Шер-Хана. Всеобщее ликование. Только Маугли тихо отходит в сторону и вытирает слезы, к нему подходит Багира.

Маугли. Что это, что это? Я не хочу уходить из джунглей и не понимаю, что со мной. Я умираю, Багира?

Багира. Нет, Маленький Брат. Это только слезы, такие слезы бывают у людей, да, теперь я вижу, что ты взрослый человек, а не человеческий детёныш. Отныне джунгли, действительно, закрыты для тебя. Пусть они льются, Маугли; это только слезы!

Маугли. Теперь я уйду к людям, но прежде попрощаюсь с моей матерью. Вы меня не забудете?

Волки. Не забудем, пока у нас хватит сил бегать по следам. – Когда ты сделаешься человеком, приходи к подножию холма, мы будем с тобой разговаривать и по ночам станем выбегать в поля, чтобы играть с тобой.

Волк Отец. Возвращайся скорее, возвращайся скорее, о мудрая лягушечка, потому что мы, твоя мать и я, уже стары.

Ракша. Скорее приходи, мой маленький бесшёрстый сынок, потому что знай, дитя людей, я любила тебя больше, чем кого-нибудь из моих волчат.

Маугли. Конечно, приду! Не забывайте меня. Скажите в джунглях, чтобы меня там не забывали.

Поется прощальная песня:

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех.
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушней и мудрей других;
Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.
Умей поставить в радостной надежде

На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать как прежде
И никогда не пожалеть о том.
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело
И только Воля говорит: «Иди!»
Останься прост, беседа с царями,
Будь честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все в свой час считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье
Часов и дней неуловимый бег –
Тогда весь мир ты примешь как владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

Конец.

4. Инсценизация как форма перевода прозы в спектакль

Виктор Розов в своей статье «Эпизод для переработки в драму» пишет следующее: «Есть еще форма перевода прозы прямо в сценический ряд – инсценизация. Но это умеют делать немногие, и в отличие от инсценировок инсценизация создается в одном экземпляре, остальные могут быть только копиями. Например, “А зори здесь тихие...” в Театре на Таганке, созданная Ю. Любимовым...» [5, с. 199]. В свое время мы со студентами работали над повестью Б. Васильева «А зори здесь тихие...». На примере данной повести мы занимались переводом литературного материала в сценический и практическим воплощением этого произведения на сцене. И этот перевод был сделан с учетом конкретных исполнителей, сценографических возможностей и выполнением определенных учебных и творческих задач. Возможно, у нас получилась копия, но литературный материал, к которому мы обратились, является хорошим средством для процесса обучения будущего режиссера. Одной из последних работ перевода прозы на язык театра являлся спектакль по повести В. Распутина «Живи и помни». На наш взгляд, получился верный вариант инсценизации, т. е. непосредственный перевод прозы в сценический эквивалент.

Многие театры страны обращались к этому произведению – ТЮЗ им. А. Вампилова (Иркутск), театр «Мастерская» (Санкт-Петербург), МХТ им. А.П. Чехова (Москва), Псковский театр драмы им. А. Пушкина, а также была осуществлена экранизация повести. Скорее всего, спектакли получились разные, но литературный материал, взятый в основу спектаклей, пронзительный, драматичный и актуальный – он один. Подобные произведения позволяют переводить на более высокий, качественный уровень обучение студента, как будущего режиссера и актера.

Пьеса является ситуацией высказывания, при которой автор выражает свое отношение к жизненной и художественной реальности. В театре высказывание принадлежит не только автору, но и режиссеру. Спектакль является «визуализацией высказывания», поскольку показываются *говорящие, реальные* персонажи, подбираются те обсто-

яательства (посредством исполнения ремарок и фантазий режиссера и актеров), при которых воплощается текст. Это и есть реализация замысла, основанного на драматургическом анализе. Режиссер сам решает, какие сценические средства (мизансценирование, пластика, движение, свет, музыка и т. д.) будут задействованы в пространстве и во времени, для того чтобы зритель смог воспринимать этот замысел. Необходимо отметить, что способ изложения бывает не только текстовым, но и ситуационным, т. е. в каком ключе воспринимать данную сцену, ситуацию. Этот способ сближает данное понятие с жанром, но не подменяет и не подменяется им.

Инсценизация прозы – процесс двуединый: разгадать автора, увидеть, сердцем, почувствовать сопряженность его проблем, боли с нашей современностью (не снижая при этом философского уровня произведения) и найти эквивалентное сценическое решение. Эти задачи и призван решать метод Станиславского, предполагающий связь с автором на всех этапах действенного анализа:

1. В процессе создания инсценировки, руководствуясь сверхзадачей автора, соотнося ее с сегодняшним временем, целенаправленно отбирать события, которые лягут в основу сценария.

2. В процессе воплощения инсценировки, верно отбирая предлагаемые обстоятельства и устанавливая к ним свое отношение, проникать в уникальную стилистику писателя; находить особый способ взаимодействия со зрительным залом через неповторимый способ актерской игры.

И это есть инсценизация. Инсценизация требует яркого пластического решения (элементы пантомимы, танца), подразумевает обостренное внимание к сценической форме, к характеру зрелища. Словом, вне зависимости от литературной первоосновы (будь то стихи или проза) студенты широко используют в инсценировках этюды, так называемые «режиссерские паузы», которые могут вставляться в канву инсценировки в начале, середине и в конце. Поиски студентом-режиссером органического сочетания событийно-действенного развития спектакля с его этюдами есть часть процесса сочинения спектакля. Ни в одной инсценировке (которая бы адекватно передавала эмоциональную, смысловую, интонационную суть литературной первоосновы) нельзя обойтись без использования этюдов в форме «режиссерских пауз». Они помогают осуществить переход из одного событийного эпизода в другой. Обладая мощным эмоциональным зарядом, этюд позволяет режиссеру сделать необходимый яркий смысловой акцент. Этюд (наряду с другими режиссерскими приемами) успешно помогает формировать пространство и время спектакля, темпоритмическое построение сценической

композиции. Архисловный, обобщенный, наполненный метафорическим или символическим смыслом и сильным эмоциональным содержанием этюд дает неограниченную творческую свободу режиссерской фантазии и воображению. Это надежный инструмент в руках режиссера, создающего инсценировку.

И.И. Добросолец

Кролики и удавы

Инсценировка философской сказки Ф. Искандера.
Притча в двух действиях с прологом и эпилогом

Действующие лица

Философ – рассказчик притчи.

Королевство кроликов

Король.

Королева.

Задумавшийся.

Жена Задумавшегося.

Возжаждавший.

Находчивый.

Поэт.

Начальник охраны.

Крольчонок.

Сплетница.

Царство удавов

Питон.

Провинциалка.

Оптимист.

Коротышка.

Юный – он же Пустынник.

Косой.

Пессимист.

И другие

Мартышка.

Дочь Мартышки.

При распределении ролей можно одного исполнителя ставить на две роли, например, Король – Питон, Королева – Провинциалка, Задумавшийся – Оптимист, Возжаждавший – Коротышка, Находчивый – Юный, Поэт – Косой, Казначей – Пессимист.

Костюм исполнителей может состоять и черной униформы, и различие между кроликами и удавами только в деталях, например, кролики в полосатых плащах, удавы в черной перчатке на правой руке.

Сцена, где работают исполнители оборудована как подиум, зрители располагаются в двух противоположных рядах по обе стороны подиума и отделяются от него клеткой, создается впечатление, что либо зритель за клеткой, либо исполнители. Соответственно мизансцены строятся круговые по обе стороны зрительских рядов.

Пролог

Звучит музыка. На сцене на лежаках отдыхают 2 удава.

Появляется Философ.

Философ. Это случилось в далекие-предалекие времена в одной южной-преюжной стране. В этот жаркий летний день два удава грелись на солнце, мирно переваривая недавно проглоченных кроликов.

Один из них был старый одноглазый удав, известный среди собратьев под кличкой Косой. Другой был Юный.

Юный. Я одного никак не могу понять, почему кролики не убегают, когда я на них смотрю, ведь они обычно очень быстро бегают?

Косой. Как почему? Ведь мы их гипнотизируем...

Юный. А что такое «гипнотизировать»?

Косой. Точно ответить я затрудняюсь, во всяком случае, если на кролика смотреть на достаточно близком расстоянии, он не должен шевелиться.

Юный. А почему не должен? Я, например, чувствую, что они у меня иногда даже в животе шевелятся...

Косой. В животе можно, только если он шевелится в нужном направлении. Это старый приятный обычай.

Юный. Для нас, конечно, приятный, но ведь для кроликов неприятный?

Косой. Пожалуй.

Юный. Так неужели кролики никогда не пытались восстать против этого неприятного для них обычая?

Косой. Была попытка, но лучше ты меня об этом не спрашивай, мне это неприятно вспоминать...

Юный. Но пожалуйста, мне так хочется послушать про что-нибудь интересное!

Косой. Дело в том, что восстал именно мой кролик, после чего я и остался одноглазым.

Юный. Он что, тебе выцарапал глаз?

Косой. По его вине я остался одноглазым.

Юный. Расскажи, мне очень хочется узнать, как это случилось...

Косой. Ладно, я тебе расскажу, только учти, что это секрет, молодые удавы о нем не должны знать.

Юный. Никогда!

Косой. Это случилось лет семьдесят тому назад. В тот день я подстерег кролика у Ослиного Водополя и вполне нормально проглотил его...

Косой привстал и прислушивается.

Юный. И вполне нормально проглотил его и...

Косой. Сдается мне, что нас подслушивают.

Юный. Тебе показалось! Ты плохо слышишь. Рассказывай дальше!

Косой. Я косой, а не глухой. Приятно быть смелым за счет чужой тайны. Сначала все шло хорошо, но потом, когда кролик дошел до середины моего живота, он вдруг встал на задние лапы, уперся головой в мою спину и... *(Косой снимает с глаза повязку.)* Ты что, баловаться вздумал? Переваривайся и двигайся дальше!

Юный, озвучивая кролика.

Юный. А я, назло тебе так и буду стоять!

Косой. Делай им после этого добро, я старался глотать его, чтобы причинить как можно меньше боли, а он. Посмотрим, как ты устоишь...

Танец Косого.

Юный. А мне не больно, а мне не больно!

Косой. Ладно, сейчас я тебя сдерну оттуда... Ложись! Сейчас молотить начну!

Юный. Молоти! Сейчас покрепче упрись! Давай! Еще! Слабо!

Продолжение танца. Косой падает в изнеможении. Собираются все удавы к месту происшествия.

Коротышка. Коль не повезет, так и кроликом подавишься...

Пессимист. А некоторые еще нам завидуют.

Косой. Братцы, умялся он там, пропихнулся?

Оптимист. Примерно на одну обезьянью ладонь пропихнулся.

Мартышка. Смотря, какая обезьяна, если взять орангутанга, то получится, что кролик и на четверть ладони не продвинулся...

Пессимист. Этот кролик и не пропихнулся, и не умялся, как стоял колом, так и стоит...

Косой. Братцы, помогите...

Питон. Плохи наши дела, дурной пример заразителен... Уже обезьяны начинают нас поучать...

Мартышка. А что, обезьяны хуже других? Чуть что, сразу обезьяны, обезьяны...

Питон. Потомки Дракона,
Наследники славы,
Питомцы Питона,
Младые удавы,
Проглоченных кроликов сладкое бремя
Несите! Так хочет грядущее Время!

Философ. Все стоят смиренно. Для Великого Питона все удавы считались молодыми, даже если они по возрасту были старше его. Удав, прослушавший приветствие, не приподняв головы, лишился жизни как изменник.

Питон. Ну что будем делать?

Коротышка (Косому). А ты доползи до вершины самой высокой пальмы и оттуда шлепнись на землю и раздави этого дерзкого кролика.

Косой. Что вы, братцы, да я сейчас и не доползу...

Питон. Верно, не доползет. Какие еще будут предложения?

Оптимист. А может, кролика выпустить, и дело с концом?

Питон. С одной стороны, это выход, но, с другой стороны, пасть удава – это вход, а не выход...

Оптимист. А мы его не пустим, как только он выскочит, мы его тут же обрабатываем.

Пессимист. Да я лучше ежа проглочу, чем этого бешеного кролика.

Питон. Тише, шипите шепотом, не забывайте, что враг внутри нас... Во всяком случае, внутри одного из нас... За всю свою жизнь, а мне, слава Богу, двести лет, был только один случай, чтобы кролик выскочил из пасти удава.

Удавы. Расскажи, мы об этом никогда не слышали.

Косой. Братцы, решайте скорее, а то уже нет сил терпеть.

Питон. Подожди, дай мне поговорить со своим народом... Это случилось в те золотые времена, когда среди удавов была распространена игра, которая называлась «Кролика на кролика до следующего кролика».

Идет игра.

- Кролика на кролика до следующего кролика?!
- Идет!
- Бегите, кролики, удав рядом!

Игра закончилась.

Коротышка. Царь, а Царь, а что, если я, например, короткий, а другой, например, длинный?.. Во мне кролик быстрее будет бегать от головы до хвоста?

Питон. У-у-у, Коротышка, вечно ты себя противопоставляешь... Не думай, что в старину удавы были глупее тебя. Если один из удавов оказывался длиннее, его подворачивали настолько, насколько он оказывался длиннее.

Удавы. Да здравствует Царь и его память! – Хотим играть в эту замечательную игру!

Питон. К сожалению, невозможно.

Удавы. Почему?! – Вечно ты нас ограничиваешь! – Мы тоже хотим, чтобы кролики бегали внутри нас.

Питон. Потому что случилось великое несчастье, после чего пришлось ограничивать свободу передвижения кроликов внутри удавов.

Пессимист. Вот так всегда, ограничивают свободу кроликов, а страдают удавы.

Питон. Дело в том, что во время игры один из удавов то ли чересчур широко разинул пасть, то ли кролик его слишком взмылился, но он неожиданно выскочил у него из пасти и убежал в лес.

Удавы. Невероятно! – Каков подлец!

Питон. Невероятно, но факт, это были самые черные дни нашей истории. Было неясно, что расскажет сбежавший кролик о нашем внутреннем строении. Были приняты меры для его поимки, объявлена награда, но разложение проникло уже и в ряды удавов. Через некоторое время одно за другим стали поступать сообщения о том, что тот или иной удав поймал этого преступного кролика и обработал его. Но так как сообщений было много, а кролик один, трудно было поверить, что он пойман. Но потом постепенно мы успокоились. Со стороны кроликов не было сопротивления. Через некоторое время мы казнили удава-ротозея, и жизнь вошла в свою колею.

Оптимист. Группа удавов интересуется, как именно казнили удава-ротозея?

Питон. Своеобразный вопрос, это было великолепное зрелище... Сейчас мы отменили эту казнь и, честно скажу, напрасно. Смысл казни –

самопоедание удава. Ему не давали есть в течение двух месяцев, а потом всунули его собственный хвост в его собственную пасть. С одной стороны, он понимает, что это его собственный хвост и ему жалко его глотать, с другой стороны, как удав, он не может не глотать то, что попадает ему в пасть. В конце концов, от него остается почти одна голова, которую расклеивают грифы и вороны.

Удавы. Какое грозное зрелище!

Пессимист. Не хватало новой заботы, теперь, свиваясь в кольца, я буду думать: а вдруг мой хвост случайно попадет мне в рот?

Питон. Зато будьте спокойны, с тех пор ни один удав не выпускал из себя кролика.

Коротышка. А все-таки это дикость!

Голос. Мерзавец!

Питон. Кто сказал мерзав-цы?! Уж не ты ли, Коротышка?!

Коротышка. Я сказал про дикость, а про мерзав-ца я не говорил.

Питон (в сторону). У-у-у, Коротышка, я еще сотру тебя в пыль!

Голос. Мерзавец!

Косой. Прошу тебя, помолчи.

Голос. Я здесь не для того, чтобы молчать!

Питон. Так это ты?!

Косой. Это не я, это во мне.

Питон. Раздвоение личности?!

Косой. О, Царь, вы, как всегда увлеклись великим прошлым, забыли, что во мне кролик.

Питон. Ну и что? И во мне кролик и к тому же не единственный...

Подошла Провинциалка, что-то нашептала Питону.

Питон. Ах да, так это он назвал всех нас мерзавцами?

Косой (голосом Кролика). Да, я! Ты первый мерзавец среди своих мерзавцев и притом тупица!

Питон. Я мерзавец?!

Косой (голосом Кролика). Да, ты мерзавец!

Питон. Я тупица?!

Косой (голосом Кролика). Да, ты тупица.

Питон (Косому). Твой желудок стал трибуной кролика, но ты за это поплатишься, жалкий инвалид.

Косой. О, мой Царь!

Питон. Никаких царей, удав, из которого говорит кролик, это не тот удав, который нам нужен.

Удавы. Не тот, не тот!

Питон. А потому, выволоките его на Слоновую тропу, пусть они утрамбуют этого дерзкого кролика, если этот жалкий инвалид не мог сам его утрамбовать.

Стража поволокла Косого.

Косой (голосом Кролика). Кролики! Один кролик сбежал из живота удава! Сам царь об этом говорил! Спротивляйтесь удавам! Даже в животе! Как я!

Питон. Волочите быстрее!

Стражники. Мы стараемся, но он упирается...

Косой. Братцы, помилосердствуйте, ведь меня слоны затопчут вместе с кроликом.

Стражники. Кролики тебе братцы.

Косой (голосом Кролика). Кролики! Один кролик сбежал из пасти удава! Царь сам рассказывал!

Коротышка. Хи-хи-хи, сам говорил: шипите шепотом, а сам племенную тайну разгласил.

Питон. Выродок, бананами питаешься, обезьяна.

Мартышка. А чем обезьяны хуже вас? Чуть что, сразу обезьяны.

Танец на Слоновой тропе. После того как все ушли Косой медленно поднимается, одевает повязку на глаз. Возле него Юный.

Юный. Кстати, а как ты охотишься с одним глазом?

Косой. Что делать, приходится гипнотизировать профилем, глаз устаёт.

Задумавшийся. А я все слышал!

Косой. Как? Ты жив? Я тебя снова проглотил?

Юный. Да нет, это необработанный кролик говорит из кустов.

Косой. Уф, а мне показалось, что тот.

Юный. А что ты услышал? *(Оглядываясь по сторонам.)*

Задумавшийся. Я давно веду наблюдения над удавами. Вы подтвердили, что легенда о дерзком кролике не легенда, а быль. Теперь я твердо знаю: ваш гипноз – это наш страх. Наш страх – это ваш гипноз.

Косой. Пользуешься тем, что мы сейчас оба сыты?

Задумавшийся. Нет, это плод долгих раздумий и строгих научных наблюдений.

Косой. Чего ж ты подслушиваешь, если ты такой умный, или ты не слышал, что это нечестно?

Задумавшийся. Я об этом тоже много думал. Подслушивать во всех случаях жизни низко, это я знаю. Даже подозревая кого-то в преступлении, нельзя его подслушивать, потому что подозрения могут не оправдаться, а метод может укорениться.

Юный. Кажись, я чего-то слышал о тебе, это ты Задумавшийся?

Задумавшийся. Да, я.

Юный. Ну, подойди сюда, если ты такой.

Задумавшийся. Нет, я сейчас не имею права рисковать. Хотя гипноза нет, но укусить вы можете.

Косой. Спасибо и на том. Что ж ты не показался?

Задумавшийся. Пусть вам в каждом кролике мерещится Задумавшийся!

Задумавшийся убежал. Пауза.

Юный. Нехорошо все это получилось. Пожалуй, мне придется донести Великому Питону о том, что ты здесь наболтал.

Косой. Не надо, ты ведь знаешь, как он меня не любит...

Юный. А если обнаружится?

Косой. Будем надеяться, что никто не узнает.

Юный. Тебе хорошо, ты свое отжил, а у меня все впереди... Нет, я, пожалуй, донесу...

Косой. Но ведь тогда и ты пострадаешь!

Юный. Это почему же?

Косой. Если я начал проговариваться, ты ведь должен был дать отпор.

Юный. А если обнаружится? Ну ладно, промолчу... А что ты мне дашь за это?

Косой. Что я могу дать, я старый инвалид... Если тебе придется туго с кроликами, притворись мертвым, и рано или поздно тебе на голову сядет ворона...

Юный. Да на черта мне твоя ворона! Я, слава Богу, имею регулярного кролика.

Косой. Не говори, в жизни всякое бывает...

Юный. У нее, наверное, и мясо жесткое?

Косой. Мясо жестковатое, но в трудное время это все-таки лучше, чем ничего.

Юный. А если обнаружат? Ладно, не донесу... Лучше бы я с тобой не связывался... Тысячу раз прав был Великий Питон, когда сказал, что удав, из которого говорит кролик, это не тот удав, который нам нужен.

Философ. Уползая от Косого, юный удав в самом деле еще не знал, что выгоднее: донести или не донести. По молодости он не понимал, что тот, кто раздумывает над вопросом, донести или не донести, в конце концов, обязательно донесет, потому что всякая мысль стремится к завершению заложенных в ней возможностей.

Действие первое

Королевство кроликов. Два кролика выносят два трона. Вешают лозунг «Наша цель – Цветная капуста!» Вешают флаг с изображением Цветной капусты. Выходят король и королева кроликов и садятся на троны. Казначей принимает от кроликов кочаны капусты – мячи.

Король. Ну, как сегодня капуста?

Кролики. Хороша.

Король. Так вот, когда появится Цветная капуста, вы на эту зеленую даже смотреть не захотите.

Кролики. Господи, неужели доживем до этого?

Король. Будьте спокойны, следим за опытами и способствуем... Ваши стремления правильны, но несвоевременны.

Философ. Если проявляющий стремления продолжал упорствовать, он неожиданно исчезал, и тогда кролики приходили к выводу, что его засекретили и отправили на тайную плантацию. Это было естественно, потому что те или иные стремления проявляли лучшие головы, и эти же лучшие головы, конечно, прежде всего нужны были для работы над выведением Цветной капусты. Если семья исчезнувшего кролика начинала наводить справки о своем родственнике, то ей намекали, что данный родственник теперь далеко в том краю, где Цветная капуста цветет. Если семья исчезнувшего кролика продолжала упорствовать, то она тоже исчезала.

Кролик. Видно, он там большой ученый... Семью разрешили вывезти...

Крольчиха. Везет же некоторым.

Кролики собираются на собрание. Доносятся слова.

- Наш страх – их гипноз! Их гипноз – наш страх!

- Какая смелая постановка вопроса!

- Ой, кролики, что буде-ет!

Жена Задумавшегося. А почему мой должен был разоблачать удавов? А где Допущенные к Столу мудрецы и ученые? А что мы за это имеем? Ведь удавы будут мстить мне и моим детям за то, что он здесь наболтал!

Кролик. Ты должна им гордиться, дура, он великий кролик!

Жена Задумавшегося. Оставьте, пожалуйста! Уж я-то знаю, какой он великий! Дожил до седин, а до сих пор не может листик гороха отличить от листика фасоли!

Философ. Король знал, что только при помощи надежды (Цветная капуста) и страха (удава) можно разумно управлять жизнью кроликов. Но на одной Цветной капусте долго не продержишься.

Король. Кролики, я пожилой король. Я на престоле, слава Богу, уже тридцать лет и ни разу за это время не попал в пасть удава, а это о чем-то говорит...

Возжаждавший. О том, что тебе все приносят во дворец!

Король. Кролики, прежде чем раскрыть ошибку Задумавшегося, хочу задать вам несколько вопросов. Кто из вас выращивает горох, капусту, фасоль?

Кролики. Но, Король, этим занимаются туземцы!

Король. Значит, им принадлежат эти самые совершенные на сегодняшний день продукты питания?

Философ. Тончайший намек на завтрашний день, связанный с Цветной капустой.

Король. А как вы добываете эти продукты?

Кролики. Воруем, разве вы не знали?

Король. Ну, это сказано слишком резко, правильней сказать – отбираете излишки... Ведь вы туземцам кое-что оставляете?

Кролики. Приходится.

Король. То, что удавы глотают кроликов – это ужасная несправедливость, неправда ли?!

Кролики. В том-то и дело, об этом-то и толкует Задумавшийся!

Король. Да, это ужаснейшая несправедливость по отношению к кроликам, и мы с нею боремся теми средствами, которые доступны нашему разуму. Правда, за эту ужасную несправедливость мы пользуемся маленькой, но очаровательной несправедливостью, присваивая нежнейшие продукты питания, выращенные туземцами. Теперь допустим на минуту, что Задумавшийся прав – гипноза нет, скачите, кролики, куда хотите! Браво, браво, Задумавшийся! Но что же дальше? А дальше Задумавшийся нам говорит, мол, если отпала ужаснейшая несправедливость по отношению к кроликам, значит и кролики должны прекратить приятную, разумеется, для нас, несправедливость по отношению к огородам туземцев.

Кролики. Не скажет! Не скажет!

Король. А где уверенность? (Задумавшемуся) Так что ты нам скажешь?

Задумавшийся. Я потом отвечу сразу на все вопросы, пусть Король продолжает.

Король. Хорошо (усмехнулся) пойдём дальше. Зачем подчеркивать только темные стороны? Жизнь есть жизнь! Помните, в природе

все связано! А что, если тончайшее удовольствие, которое мы получаем от Великой троицы (горох, фасоль, капуста), связано с чувством страха, который мы испытываем перед удавами? А вдруг без этого страха ароматнейшие продукты природы покажутся безвкусными и жесткими, как пампасская трава?

Кролики. Это ужасно, тогда и жить не стоит!

Король. А если это так, перестанем мечтать о будущей Цветной капусте, перестанем следить за опытами и способствовать?!

Кролики. Это ужасно, ужасно, ужасно,

Король. И вот что, кролики, будем откровенны, ведь мы здесь все свои... Признайтесь, когда вы вечером возвращаетесь в свою нору и узнаете от крольчихи, что такого-то кролика проглотил удав, разве вы вместе с печалью по погибшему брату с особенной силой не ощущаете уюта безопасности собственной норы?! А сладость облизывать нежные тельца своих очаровательных крольчат?! А прижиматься, прижиматься (тут все взрослые кролики, и я могу говорить прямо), прижиматься, говорю, к теплой, ласковой крольчихе?!

Кролики. Да, да,

Король. Нечего стыдиться, кролики! Вы же это испытываете вместе с грустью по погибшему брату, а не отдельно?!

Кролики. В том-то и дело, как-то все это перемешивается...

Находчивый. Тем более!

Король. Что тем более?

Находчивый. Тем более, как быть с предками? Ведь если Задумавшийся прав, получается, что все наши предки, героически погибшие в пасти удавов, были дураками и трусами, выходит, что они погибли по глупости?!

Король. Уместное замечание. (*Задумавшемуся*) Интересно, что ты ответишь на это?

Задумавшийся. Я сразу отвечу на все вопросы, Король может продолжать.

Королева. Ишь ты, какой самоуверенный.

Король. Пока я кончил. Одно могу добавить: жизнь есть жизнь. Раз Бог создал кролика – он имел в виду кролика!

Аплодисменты и лозунги «Слава капусте, гороху, фасоли!», «Скромной морковке тоже слава!»

Король (*Королеве*). Ну, как речуга?

Королева. Ты был бесподобен, милый! *(и нежно утерла листиком капусты пот с лица Короля).*

Король. Находчивый делает успехи.

Королева, улыбаясь Находчивому, поманила его. Тот подскочил.

Королева. Можешь съесть *(подала ему капустный лист).*

Философ. Это был знак допущенности к Столу.

Находчивый. Никогда! Я засушу его в память о вашей великой милости.

Королева. Как хочешь!

Аплодисменты стихли.

Задумавшийся. Начну с конца – мне, кролику, незачем заботиться о природе удава. Пусть он сам заботится о своей природе.

Находчивый. Вот он и заботится *(посмотрев на Королеву, поцеловал капустный листик. Королева еще раз улыбнулась ему нежной улыбкой).*

Задумавшийся. Хорошо, пусть будет так. Суть природы кролика состоит в том, что он не хочет быть проглоченным удавом. Можем мы, кролики, обойтись без удавов?

Кролики. Еще как! С удовольствием!

Король. Тогда скажи, почему Бог создал удава?

Задумавшийся. Не знаю, может, у него плохое настроение было. А может, он создал удава, чтобы мы понимали, что такое мерзость, так же как он создал капусту, чтобы мы знали, что такое блаженство.

Кролики. Правильно! – Удав – мерзость! – Капуста – блаженство!

Задумавшийся. Продолжаю, если я задумался, значит моей природе кролика не чуждо сомнение. Жизнь, как любит говорить наш Король, – великий учитель. Именно она натолкнула меня на все мои сегодняшние выводы. Однажды я нос к носу столкнулся с удавом. Я почувствовал, что гипноз сковал мои мышцы. От ужаса я потерял сознание. Через несколько мгновений я пришел в себя и с удивлением обнаружил, что я не проглочен, а хвост этого же удава, прошуршав мимо меня, проскользнул дальше. Я оглянулся и узнал Косого, который, не заметив меня, скользил дальше. Я понял, что их гипноз – это наш страх. А наш страх – это их гипноз.

Кролики. Гениально! Здорово! Здорово!

Король. Это еще надо доказать! Почему он уверен, что сам себя загипнотизировал? Только потому, что Косой прошел мимо него своим слепым профилем. Пусть мой Ученый выступит и объяснит Задумавшемуся, что произошло с научной точки зрения.

Ученый. Нет, дорогие мои кролики, гипноз – пока еще страшное оружие наших врагов. Только следуя Таблице Размножения, разработанной нашими учеными при личном участии Короля, мы можем победить удавов. Помните, изучайте Таблицу Размножения – и будущее кроликов будет достойно Цветной капусты! Кстати, суть Таблицы Размножения заключается в том, что кролики должны размножаться с опережением удавов (*показывая указкой по диаграмме*), и в будущем шанс встретиться с удавом у вас уменьшится.

Задумавшийся. Кролики, наш Ученый, как всегда, говорит глупости! Я утверждаю, что гипноза нет вообще.

Топот, крики, шум, свист. Одни – за Задумавшегося, другие – за Ученого.

Кролики. Точно! Точно! – Наш страх – их гипноз! – Их гипноз – наш страх!

Другие Кролики. Долой! Долой!

Ученый. Скажи, Задумавшийся, если ты прав и кончится ужасная несправедливость по отношению к нам, разрешишь ли ты нам пользоваться нашей Великой троицей: фасолью, горохом и капустой?

Кролики. Разрешив воровать, разреши сомнения! – Разрешив воровать, разреши сомнения!

Задумавшийся. Кролики, я вам предлагаю разрешить главную нашу задачу: перестать бояться удавов. А что будет дальше, я могу только предполагать.

Королева. Видите ли, он может только предполагать!

Находчивый. А еще корчит учителя жизни!

Задумавшийся. Кролики, если мы будем стремиться с самого начала увидеть самый конец, мы никогда не сдвинемся с места. Важно сделать первый шаг и важно быть уверенным, что он правильный. Я думаю, когда отпадет ужасная несправедливость удавов по отношению к нам, мы должны подумать и о нашей несправедливости по отношению к огородам туземцев.

Кролики. У-у-у!

Задумавшийся. Дело не в том, чтобы отменять эти прекрасные продукты, а в том, чтобы научиться самим выращивать их.

Кролики. У-у-у, как неинтересно. – А как мы будем обрабатывать землю?

Задумавшийся. Не знаю, может, мы договоримся с кротами, может, еще что...

Кролики. У-у-у! – А если кроты не согласятся? – Значит, прощай, фасоль, горох, капуста?!

Ученый. Послушай, Задумавшийся, мы все тебя любим, ты наш парень, думаешь о нас. И это хорошо. Но чего-то ты не додумал. Вот я, например, каждый день хожу в лес, в пампасы, к туземцам на огороды заглядываю... Каждый день я могу встретиться с удавом, но могу и не встретиться. Позавчера, например, не встретился, вчера тоже и сегодня, слава Богу, как видишь, жив-здоров. Что же получается? На огородах туземцев я могу бывать каждый день, а удав меня может проглотить далеко-о не каждый день. Выходит – пока я в выигрыше. Выходит, ты чего-то не додумал, Задумавшийся. Вот пойдешь на свой зеленый холмик и придумай такое, чтобы и удавы нас не трогали, и чтобы, как говорится, Бог троицей не обидел. Тогда мы все как один пойдём за тобой.

Кролики. Правильной! – Правильно!

Король. Я лично первый пойду за тобой, как только твои выводы подтвердятся!

Кролики. Да здравствует наш благородный Король!

Король. Более того, чтобы Задумавшийся мог думать, не отвлекаясь, ежедневно с нашего стола будут выдаваться его семье две полноценные морковины!

Кролики. Да здравствует Король и его щедрость!

Король. Размножаться с опережением – вот наше оружие!

Взяв за руку Королеву, удалился к себе. Кролики тоже разошлись по своим норам. Остались Возжаждавший и Задумавшийся.

Возжаждавший. Что теперь делать?

Задумавшийся. Ничего не остается, будем думать дальше.

Возжаждавший. Можно я буду думать с тобой? С тех пор как я услышал то, о чем ты говорил, у меня появилась жажда знать истину.

Задумавшийся. Будем думать вместе, Возжаждавший. Я всю силу своего ума тратил на изучение удавов, но о том, что сами братья-кролики еще не подготовлены жить правдой, я не знал.

Уходят. Появляются Король, Королева, Находчивый.

Король. У меня к тебе поручение всенародной важности, ты готов его исполнить?

Находчивый. О, Король!

Король. Тут наш придворный Поэт набросал куплет. Так вот, ты должен выйти в джунгли на Нейтральную Тропу и на протяжении всего пути туда и обратно спеть этот куплет.

Находчивый. Мои уши к вашим услугам.

Король. Тогда слушай,
Задумавшийся кролик
На холмике сидит.
Видны оттуда пампа
И Лягушачий Брод.
Но буря все равно грядет!

Находчивый. Ваше Величество, не означает ли...

Король (*перебивая*). Не означает.

Находчивый (*вздохнув*). Хорошо, только можно я одну поправку внесу?

Король. Если это не меняет сути.

Находчивый. Я хотел бы пропеть так:
Задумавшийся некто
На холмике сидит.
Видны оттуда пампа
И Лягушачий Брод.
Но буря все равно грядет!

Король. Идет! Тем более что некоторые считают, будто вообще все это предрассудки.

Находчивый. А можно я еще одну поправку внесу?

Задумавшийся некто
На холмике сидит.
Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па
И Ля-ля-ля-чий Брод.
Но буря все равно грядет!

Король. Ну, это уже романс без слов, вот что значит дать слабину.

Королева. Ничего, ничего, так получается еще приманчивей. Только у меня одна просьба. Пожалуйста, когда будешь петь, последние два слова в третьей строчке бери как можно выше. Пам-пам, пам-пам, пам, П-А-А-М! Па. Понятно?

Находчивый. Конечно, я это обязательно учту.

Король. Ладно, так и быть! Добавь только одно слово. Значит, так:
Видны пам-пам, пам, П-А-А-М! Па, – и не будем торговаться.

Находчивый. Хорошо, Ваше Величество.

Король. И Ля-ля-ля-чий Брод, говоришь?

Находчивый. Совершенно, верно, и Ля-ля-ля-чий Брод, пою.

Король. В наших краях, известны три Брода: Тигриный, Обезьяний и Лягушачий. Не получится ли путаница?

Королева. Да нет же, не надо думать, что они глупее нас.

Находчивый. Мой Король, я одного не пойму. При чем тут строчка:
Но буря все равно грядет?

Король. Ну ты же знаешь нашего Поэта, он ведь жить не может без бури.

Находчивый. А он знает, для чего будут использованы его стихи?

Король. Нет, конечно, он Поэт, он «парит в небесах». Зачем его посвящать в наши малоприятные земные дела.

Находчивый. Да, конечно.

Король. Ладно, текст утрамбован окончательно. Я удивляюсь, как ты быстро сообразил убрать некоторые натуралистические подробности.

Находчивый. О, Король, в таких случаях само соображается.

Король. Кстати, можешь доесть тот капустный листик, что тебе подарила Королева.

Находчивый. О, Королева, простите эту... сладость.

Король. Чего уж там, все мы кролики... Но какова служба информации, а, Королева?

Королева. Ах ты, плутишка, надо было видеть, Король, с каким неподдельным жаром он воскликнул: «Никогда!»

Королева подала Находчивому королевский журнал, чтобы расписаться.

Находчивый (*читает*). Завтра в 2 часа по полудню придворный кролик Находчивый выступит на Нейтральной Тропе с исполнением Вариаций без слов на тему «Бури», дабы всем жителям джунглей было бы ясно, что кролики бодро живут и бодро размножаются. (*Находчивый расписался.*)

Король. Теперь проси что-нибудь такое, чтобы тебе нравилось, и чтобы я мог сделать.

Находчивый. Я только спрошу. Я удивляюсь, что за королевским столом никогда не говорят о Цветной капусте, тогда как, беседуя с народом, вы и другие часто вспоминаете о ней.

Король. А что говорить, опыты проходят успешно, и мы им всячески способствуем. Все Младодопущенные думают, что кроме Допущенных к Столу есть еще Сверхдопущенные к Столику.

Находчивый. А разве нет?

Король. Нет, дорогой мой, больше не к чему мне вас допускать, разве что супружеское ложе.

Королева. Фу, Король, как грубо.

Король. Теперь ты понимаешь, почему мне трудней всего?

Находчивый. Нет.

Король. Потому что для каждого из вас есть тайна, вам есть к чему стремиться. А у меня нет тайны постижения. Если я уж чего не понимаю, так это навсегда. Вот почему мне трудней всех в моем королевстве. Но у меня одно утешение... Ему (*показал лапой на небо*) еще трудней.

Находчивый. Но если нет Сверхдопущения к Столику, то и мне не к чему стремиться! Как это грустно!

Король. Это у тебя пройдет, со временем стремление удержаться за Столом делается единственным неутоляемым стремлением Допущенных к Столу. А теперь ступай, выпись. И завтра со свежими силами на Нейтральную Тропу.

Находчивый раскланялся и покинул королевский дворец.

Король. Знаешь, чем мне нравится Находчивый? Тем, что у него есть совесть.

Королева. С каких это пор?

Король. Ты ничего не понимаешь. Когда даешь кролику деликатное поручение, бессмертная доза совести бывает очень полезна.

Королева. Я не очень тебя понимаю.

Король. Да когда кролик, выполняя деликатное поручение, испытывает некоторый стыд, он старается как можно чище выполнить его, чтобы потом не извиваться от стыда, оставив за собой неряшливые улики. А это как раз то, что нам надо. Бессмертная доза совести – вот что должны прививать кроликам наши мудрецы.

Королева. Но каковы мужчины, сам говорил: «Никогда!» И сам же его съел.

Король. Будем надеяться, что съест.

На сцене Мартышка и её дочка. Мать обучает дочь. Слышится голос Находчивого, который поет песню.

Задумавшийся некто
На холмике сидит.
Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па
И Ля-ля-ля-чий Брод.
Но буря все равно грядет!

Мартышка. Опять Король кроликов кого-то предаёт, ну и противный голос у этого Глашатая.

Дочка. А что такое Ля-ля-ля-чий Брод?

Мартышка. Это Лягушачий Брод. Одно утешение (*и раз! взмах руками, чтобы усилить раскачку*): сколько я их здесь ни вижу, этих Глашатаев, они не намного (*и снова раз! взмах руками, чтобы усилить раскачку*) переживают свою жертву.

Дочка. Значит, предавать – это убивать, только не своими руками?

Мартышка. Да, предательство – это всегда убийство чужими руками своего человека, как сказали бы туземцы. А теперь следи за мной. Видишь, как я свободно тело держу? Когда откачнешься на самую высокую точку, отпускаешь хвост и падаешь, ни о чем не думая. Но как только долетела до нужной ветки, легчайшим взмахом забрасываешь за нее хвост, а сама летишь дальше. Хвост сам захлестывается, и ты прочно повисаешь на ветке.

Дочка. А у меня почему-то хвост не выдерживает, и я падаю.

Мартышка. Потому что ты по дороге от страха цепляешься за всякие там лианы, у тебя не получается скорости захлеста. Запомни, во время вертикального падения главное – скорость захлеста. Падение – ничего. Скорость захлеста – всё. Понятно?

Дочка (*неуверенно*). Понятно.

Появляется Находчивый и наблюдает за мартышками.

Находчивый (*сам с собой*). Хорошо им, прыгают себе по веткам, и никаких тебе песен, никаких тебе королевских поручений.

Философ. А тебе кто мешает?

Находчивый. Как кто? Надо же стремиться к лучшему, раз природа сделала меня Находчивым.

Молчание.

Находчивый. То-то же. Чего молчишь? Если ты решил спорить со мной, спорь, а иначе что это получается? То вдруг возник, то вдруг исчез, а у меня настроение портится. Ну нет, назло тебе спою еще раз:

Задумавшийся некто

На холмике сидит.

Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па

И Ля-ля-ля-чий Брод.

Но буря все равно грядет!

Лихорадочно прислушивается к джунглям. Услышал шипение. Мечется по сцене. Бормочет.

Находчивый. Зачем я не ушел в рядовые, – думал Находчивый. Но я не мог уйти в рядовые, – тут же оправдался он. О, если б я не отъел подарок Королевы, я бы мог уйти в рядовые. О, если бы я знал, что они и так знают, что я надкусил капустный листик, я бы тогда тоже ушел бы в рядовые. А вдруг этот удав сам по себе полз в сторону реки, может быть, он уже давным-давно куда-то завернул.

Дочка. Удав! Я боюсь.

Мартышка. В сторону реки ползет.

Дочка. Уж не Глашатай ли его накликал?!

Мартышка. А кто же еще, давай, он уже достаточно отполз.

Дочка. Подожди, мама, я вся дрожу. Как только подумаю, что этот Задумавшийся там сидит на своем холмике, а к нему ползет удав, подосланный своими же кроликами, мне делается не по себе.

Мартышка. Успокойся и еще раз попробуй, значит, теперь главное – расслабить руки.

Дочка. Чего он поет, разве он не знает, что удав уже прополз?

Мартышка. Еще как знает, это он нарочно, чтобы никто не подумал, что предательство и песня связаны друг с другом. Мол, он поет сам по себе, а удав сам по себе наткнулся на Задумавшегося.

Дочка. До чего ж хитер! Уж не от кроликов ли произошли туземцы?

Мартышка. Не знаю, они так говорят, как будто произошли от нас.

К ним подходит Находчивый.

Находчивый. Эй, там на дереве, тряхни-ка ветку, грушами хочется побаловаться!

Молчание.

Находчивый. Жалко, что ли?!

Опять молчание.

Находчивый. Слушай, здесь никто не проходил в сторону реки?!

Тягостное молчание.

Мартышка. Ты хотел сказать – никто не прополз.

Находчивый. Я хотел сказать именно то, что я сказал.

Дочка. Ой, какой наглый.

Мартышка. Сейчас я сделаю вертикальный прыжок и плюну ему в лицо, а ты проследи, как я буду делать захлест.

Дочка. Плюнь ему в лицо, мама, плюнь!

Мартышка спрыгнула вниз.

Находчивый. Ой, это ты, мартышка?

Мартышка. Нет, карающий ангел свалился с небес.

Находчивый. При чем здесь карающий ангел?

Мартышка. А при том, что можешь заткнуться со своей песней, потому что кое-кто кое-куда уже давно прополз.

Находчивый. При чем здесь удав?! Я не позволю! Я Королевский Глашатай! Я буду жаловаться! Я! Я! Я!

Мартышка. А, между прочим, я ничего не говорила про удава.

Находчивый. Нет, говорила! Это безобразие! Это издевательство над Королевским Глашатаем! Ты тренируешься над Нейтральной Тропой! Я этого так не оставлю!

Мартышка молча залезла наверх к дочке.

Дочка. Ну что, плюнула?

Мартышка. Еще как!

Дочка. А он что?

Мартышка. А что он? Утерся и пошел.

Дочка. Мама, а что, если я сбегая, предупрежу Задумавшегося?

Мартышка. Не стоит вмешиваться. Да, пожалуй, уже поздно...

Дочка. А вдруг успею! У меня ведь очень быстрый горизонтальный прыжок.

Мартышка. Нет, и все! Ты еще маленькая, чтобы вмешиваться в такие дела.

Дочка. Mamочка, мамочка! Прошу тебя! Я побегу! Я полечу! Я успею!

Мартышка. Нет! Ты еще многого не понимаешь. Мне тоже жалко Задумавшегося. Его учение и для нас представляет интерес. Но он слишком далеко заходит... Слишком.

Дочка. А мне его так жалко, он вот сидит и думает, а его уже предали.

Дочка плачет. Мать усадила её на колени, успокаивает.

Мартышка. Что делать, туземцы говорят, что наука – это такое божество, которое требует жертв. Если кролики перестанут пастись в огородах туземцев, может, встанет вопрос, что и мы должны оставить кукурузу туземцев. Задумавшийся слишком далеко заходит...

Дочка. Но ведь, мама, ты сама говорила, что туземцы от нас произошли.

Мартышка. Во-первых, это не я так говорю, это они так говорят, а во-вторых, когда дело касается кукурузы, они, забывая о нашем родстве, травят нас собаками и ставят свои капканы, омерзительные, как пасть крокодила. Ну что, может, еще раз попробуем вертикальный?

Дочка. Только не сегодня, я слишком наволновалась.

Мартышка. Тогда пошли домой, расскажем нашим все, что мы видели и слышали. Интересно, чем это все кончится.

Дочка. Пошли.

Мартышка и Дочка уходят. Входит жена Задумавшегося с большим тюком. За ней входит Находчивый.

Находчивый. Ты что тут делаешь?

Жена Задумавшегося. Да вот, клеверок на зиму заготовляю. Мой-то все думает...

Находчивый. Ты же пособие от Короля имеешь.

Жена Задумавшегося. Две морковины на шесть ртов? Нет, я благодарна Королю, но все-таки приходится крутиться.

Находчивый (*смотрит на небо*). Должно быть, будет гроза.

Жена Задумавшегося. Так я ведь тут рядом живу.

Находчивый. Послушай, а твой, если его застанет гроза, домой приходит?

Жена Задумавшегося. Ну что ты, да он там сидит с утра до ночи и думает. Да его днем палкой домой не загонишь.

Находчивый. Нет, в самом деле, там же открытый холмик. Что ж, он будет целый день мокнуть?

Жена Задумавшегося. Но я же лучше знаю (*заглядывая в глаза Находчивому*). Так что заходи, угощу, чем Бог послал. Вспомним молодость.

Находчивый потянулся к Жене Задумавшегося, чтобы поцеловать.

Философ. Ну это уж слишком.

Находчивый. Нет, спасибо, мне отчитаться надо перед Королем.

Жена Задумавшегося. Да ты теперь вон какая шишка. Куда тебе к нам.

Находчивый. А-а-а, ничего особенного. Ну допущен, ну, можно вдосталь поесть, попить. Да не в этом, оказывается, счастье.

Жена Задумавшегося. Все вы так говорите, а у меня от клевера оскомина. Мой-то дурак тоже мог бы, да не захотел.

Находчивый. Ну ладно, до свидания.

Жена Задумавшегося. До свидания, если надумаешь, заходи. Худо-бедно... Чем Бог послал.

Жена Задумавшегося и Находчивый расходятся в разные стороны. Входят Задумавшийся и Возжаждавший. Возжаждавший бегаёт вокруг Задумавшегося. Задумавшийся садится на возвышение.

Возжаждавший. Учитель, все-таки мне кажется, если бы ты в тот раз обещал кроликам сохранить воровство, мы бы выиграли дело. Ты был так близок к победе. Неужели нельзя было один раз солгать ради нашей прекрасной цели?

Задумавшийся. Нет, я об этом много раз думал. Нам нужен ориентир алмазной прочности, а это и есть правда. Она может быть неполной, но она не может быть искаженной сознательно даже ради самой высокой цели. Иначе все развалится.

Возжаждавший. Но ведь победа была так близка, Учитель! А сейчас кролики остались верны королю.

Задумавшийся. Пока – да. Расшатывать сознание кроликов – вот наша нелегкая задача.

Возжаждавший. Но где уверенность, Учитель? А если все так и останется?

Задумавшийся. Есть нечто более высокое, чем уверенность – надежда. Вчера я здесь сидел один, а сегодня сюда пришел ты, хотя это невыгодно и опасно.

Возжаждавший. Ну хорошо, не надо было лгать. Но мог же ты промолчать про эти проклятые огороды туземцев? Мы бы сначала скинули Короля, а потом получили бы самые удобные возможности расшатывать сознание.

Задумавшийся. Нет, нет и нет, я об этом много думал. Дела всех освободителей гибли из-за этого. В сознании кроликов навсегда останется, что Вожак может солгать. Солгав во имя истины, он уже предал истину, он её обесчестил.

Слышится звук подползающего Удава.

Возжаждавший. Учитель! Сюда ползет удав. Впервые вижу, чтобы удав охотился на открытых пространствах.

Задумавшийся. Ну и что, ты ведь знаешь, что их гипноз – это наш страх.

Возжаждавший. Вообще-то, да. Ну а вдруг?

Задумавшийся. Тогда отойди, и ты увидишь, что все, что я говорил – правда.

Возжаждавший. Мне стыдно, Учитель, но страх сильнее меня.

Задумавшийся. Я тебя не осуждаю. Ты еще недостаточно долго думал. Когда после мучительных раздумий тебе открывается крупица истины, ты, защищая ее, делаешься бесстрашным.

Возжаждавший. А все-таки, Учитель. Ведь тот был одноглазый инвалид. Может, ускачем, пока не поздно?

Задумавшийся. Этого удовольствия я Королю не доставлю.

Появляется Юный теперь уже молодой удав. Он медленно продвигается к кроликам.

Философ. Он первым услышал песню Глашатая и, по принятому среди удавов обычаю, получил право на отглот. Время от времени Король через того или иного Глашатая предавал того или иного кролика, и удавы к этому давно привыкли.

Задумавшийся. Слушай меня внимательно, я сейчас буду проводить опыт с этим удавом, а ты стой в сторонке и наблюдай. На каком расстоянии по сводке бюро прогнозов сегодня действует гипноз?

Возжаждавший. На расстоянии трех прыжков, Учитель!

Задумавшийся. Прочерти борозду на расстоянии двух прыжков от меня.

Возжаждавший. Но ведь это опасно, Учитель!

Задумавшийся. Не спорь, у нас слишком мало времени.

Возжаждавший чертит. Удав в нерешительности останавливается, не зная к кому подойти. Начинает нервно постегивать плеткой, которая извивается в его руках.

Задумавшийся. Ты видишь, даже удав, вырванный из привычных обстоятельств, сразу же теряется.

Задумавшийся замер якобы под воздействием гипноза. Удав взбодрился, пошел более уверенно.

Возжаждавший. Учитель, Учитель! Ты, кажется, засыпаешь? Проснись!

Задумавшийся. Не беспокойся, все идет правильно.

Возжаждавший. Но зачем так рисковать, Учитель!

Задумавшийся. Мой подопытный удав слишком вяло работает, я ему помогаю. *(Удав, оставив на Задумавшегося свои омерзительные глаза, продолжал медленно переползать борозду.)*

Задумавшийся. Что делает взгляд удава страшным? Полное отсутствие мысли. В сущности, что такое удав? Удав – это ползающий желудок.

Возжаждавший. Учитель, он уже совсем близко! Прыгай в сторону!

Задумавшийся. Ничего, я успею. Слушай меня, я полностью в сфере лжегипноза, и я ничего не чувствую кроме его дыхания, правда, достаточно зловонного. Я полностью владею своими чувствами и конечностями. Сейчас я произведу ряд действий в заранее мною же предсказанной последовательности.

Возжаждавший. Скорей, Учитель, скорей!

Задумавшийся. Итак, я сейчас шевельну правым ухом, потом левым. Потом обоими сразу. А потом три раза фыркну с промежутками между каждым фырком.

Задумавшийся проделывает все, что сказал, а под конец чихнул.

Юный. Я не могу так работать! Что ты фыркаешь мне в лицо? Что ты ерзаешь ушами, разговариваешь?

Возжаждавший. Все правильно! Победа! Победа! Ты все сделал точно, только фыркнул четыре раза!

Задумавшийся. В последний раз я чихнул. Очень уж от него воняет. Кстати, не исключено, что на этом основана легенда о гипнозе. Возможно, что один из наших предков, не выдержав его дыхания, упал в обморок. Тогда воздух в джунглях был чище, потому что туземцев было гораздо меньше. И это послужило поводом для панических слухов.

Возжаждавший. Победа! Победа! Победа разума!

Задумавшийся. Не надо злоупотреблять словом «победа», даже если это победа разума. Я бы вообще выкинул это слово. Я бы заменил его словом «преодоление». В слове «победа» мне слышится торжествующий топот дураков. Но я замолкаю, кажется, мой удав совсем увял.

Задумавшийся замолк, прикрыл глаза, расслабился. Удав тоже было попробовал взяться за дело, но почувствовал усталость, расслабился и осел.

Юный. Я должен передохнуть.

Задумавшийся. Отдыхай, только смотри, не усни и дыши немного в сторону.

Юный. Мне с самого начала не повезло. Если ты такой умный, ответь мне, с какой целью меня обманул крот? Он мне неправильно указал дорогу к Лягушачьему броду. Если бы это был козленок или дикая индюшка, я бы понимал, почему они меня обманули. Но почему обманул крот, какая ему от этого выгода?

Задумавшийся. Затем, что крот – мудрое животное, я всегда это знал.

Юный. Это не ответ, он же не знал, куда и зачем я иду. А если я спешил помочь товарищу?

Задумавшийся. Ха, никто никогда не слышал, чтобы удав помогал товарищу.

Юный. Почему же, а Косому кто помог, когда кролик встал у него поперек живота?

Задумавшийся. Во-первых, это уже история, а во-вторых, знаем, как помогли...

Юный. Ну и что, во всяком случае, удавы друг друга не предают, а кролики предают.

Задумавшийся. Откуда ты это взял?

Юный. А как ты думаешь, почему я здесь очутился?

Задумавшийся. Не знаю, мало ли куда удав может забрести.

Юный. Так знай, Король через Глашатая объявил, что ты здесь. А Глашатаем на этот раз был так называемый Находчивый кролик.

Задумавшийся некто
На холмике сидит
Пам-пам-пам-пам-пам-пам-па!
И Ля-ля-чий брод!
Но буря все равно грядет!
Расшифровать, чтобы не мучился?

Задумавшийся. Ясно и так, такого я не ожидал даже от нашего Короля.
Ты слышал, Возжаждавший?

Возжаждавший. Я потрясен! Но может, это провокация?!

Задумавшийся. Нет, я узнаю бездарный стиль нашего придворного
Поэта. Ну что ж, я осуществлю до конца коварный замысел Короля,
чтобы ты потом мог его разоблачить.

Возжаждавший. Что ты этим хочешь сказать, Учитель?!

Задумавшийся. Придется пожертвовать жизнью.

Возжаждавший. Не надо, Учитель! Мне без тебя будет трудно. И потом,
Король объявит, что он был прав, что твоя смерть – результат
неправильных научных выводов.

Задумавшийся. А ты для чего? Ты же все видел. Моя смерть, наконец,
раскроет глаза нашим кроликам на своего Короля. А насчет гип-
ноза ты теперь все знаешь и все можешь повторить.

Возжаждавший. Все равно, Учитель, я тебя очень прошу, не надо этого
делать!

Задумавшийся. Нет, я не знал, что наш Король так глубоко погряз в
подлости, раз он способен предавать кроликов удавам. Теперь от
него все можно ожидать. Он может объявить, что я проводил свой
опыт с больным малокровным удавом. Нет, это вполне здоровый,
нормальный удав, и он сейчас сделает свое дело.

Юный. А я не буду тебя глотать!

Возжаждавший. Молодец, удав! Хоть один раз в жизни сделаешь
доброе дело.

Юный. Вы это можете называть, как хотите.

Задумавшийся. То есть как это не будешь глотать?

Юный. А вот так и не буду! То крот меня обманул, то Глашатай обещал
верняк, а ты тут ушами ёрзаешь, разговариваешь, чихаешь в лицо!

Задумавшийся. Я тебе не дам испортить мой опыт, так и знай.

Юный. Давай разойдемся по-хорошему, я скажу, что не нашел тебя, тем
более крот меня сбил с дороги. А вы тут еще расплодились. Откуда
я знаю, кто из вас настоящий Задумавшийся? Может, ты нарочно
жертвуешь собой, чтобы спасти настоящего Задумавшегося?

Возжаждавший. Мы теперь оба Задумавшиеся.

Юный. Вот именно, мне дано право на отглот одного Задумавшегося, а вас тут двое. Я даже не понимаю, как вы могли родить друг друга? Кто из вас крольчиха?

Задумавшийся. Ты видишь, как они плохо нас знают? Миф о всезнающих удавах порожден кроличьим страхом.

Юный. Судя по всему, ты тоже своих кроликов не очень-то знал.

Задумавшийся. Это горькая правда, но я тебя заставлю проглотить меня!

Юный. Никогда! Кролик не может заставить удава его проглотить!

Задумавшийся. Ты еще не знаешь, насколько твой желудок сильнее твоего разума.

Задумавшийся подошел вплотную к удаву. Удав стал от него уходить, но постоянно оглядывался, потом не выдержал, остановился.

Юный. Конечно, после долгой дороги перекусить не грех.

Возжаждавший. Учитель! Но ведь твоя смерть – это уход от борьбы. Ты оставляешь наше дело.

Задумавшийся. Тихо, а то ты его опять напугаешь. Я любил братьев-кроликов и делал все, что было в моих силах. Но я устал, Возжаждавший. Меня сломило предательство. Я знал многие слабости кроликов, знал многие хитрости Короля, но никогда не думал, что этот вегетарианец способен проливать кровь своих же кроликов. Я столько времени отдал изучению врагов, что упустил из виду своих. Я передаю тебе наше дело и потому пользуюсь правом на усталость.

Удав подошел совсем близко к Задумавшемуся. Положил руку на плечо. Свет погас. В темноте слышен крик Возжаждавшего.

Возжаждавший. Учитель! Я покажу этой сволочи Королю! Я покажу этому выскочке Находчивому! Сволочи, какого великого кролика загубили!

Возжаждавший убежал. Свет зажегся. Удав взял лежак и стал укладываться поудобнее. Потом неожиданно вскочил и гаркнул.

Юный. Удавами должен править удав!

Затемнение.

СОБРАНИЕ КРОЛИКОВ

Король. Волнение мешает мне говорить, в толпе прозвучали страшные слова. Меня, отца всех кроликов, обвинили чуть ли не в предательстве.

Возжаждавший. Не чуть ли, а именно в предательстве!

Король. Пусть будет так, я выше личных оскорблений, но давайте выясним, в чем дело.

Толпа. – Давайте! – Долой! – Чего там выяснять!

Король. Итак, почему Глашатай попал на Нейтральную Тропу? Да, да, я лично его послал. Но для чего? К сожалению, друзья мои, по сведениям, поступающим в нашу канцелярию, резко увеличилось количество кроликов, без вести пропадающих в пасти удавов. Из этого неминуемо следует, что удавы в последнее время обнаглели. Возможно, до них дошли слухи о новых теориях Задумавшегося, и они решили продемонстрировать силу своего смертоносного гипноза. Что же нам оставалось делать? Показать врагу, что мы притихли, впали в уныние? Нет и нет! Как всегда, на гибель наших братьев мы решили отвечать сокрушительной бодростью духа! Нас глотают, а мы поем! Мы поем, следовательно, мы живем! Мы живем, следовательно, нас не проглотитш!!!

Философ. В этом месте раздалась бешеные аплодисменты Допущенных к Столу. По какой-то странной ошибке позднее во всех отчетах об этом собрании эти аплодисменты были названы переходящими во всеобщую овацию. Возможно, так оно и было рассчитано, потому что Король в этом месте остановился, может быть, ожидая, что аплодисменты перейдут в овацию. Но аплодисменты, не переходя в овацию, замолкли, и Король продолжал говорить.

Король. И вот наш Глашатай с песней был послан на Нейтральную Тропу, где он должен был, как это, кстати, записано в нашем королевском журнале, пропеть в ритме марша текст на мелодию Вариации на тему «Бури»!

Толпа. Текст! – Текст!

Король. Текст, собственно говоря, сочинил наш придворный Поэт. Пусть он зачитает свой божественный ритм.

Поэт. Текст, собственно говоря, условный. Он должен был прозвучать...

Король. Мы не знаем эти тонкости, ты зачитай кроликам то, что ты написал.

Поэт. Пожалуйста. Собственно говоря, я хотел предварить текст некоторыми пояснениями. Мне удалось найти своеобразный фонетический строй, который своей угнетающей бодростью давит на победную психику удавов, то есть я хотел сказать...

Толпа. – Текст! – Текст! – Текст! – Не надо ничего объяснять.

Поэт. Я, собственно говоря, хотел предварить...

Пам-пам, пим-пим, пам-пим-пам!

Ля-ля, ли-ли, ля-ля!
Пим-пам, пам-пам, пим-пим-пам!
Но буря все равно грядет!

Вот, собственно, что он должен был пропеть, разумеется, на мелодию
Вариации на тему «Бури».

Король. Вариации вариациям рознь. (*Находчивому*) А ты что пел?

Находчивый. Это же самое.

Мартышка. Неправда! Я все слышала, и моя дочка тоже!

Толпа. Мартышка все слышала! – Пусть мартышка все расскажет!

Мартышка. Братцы-кролики, друзья по огородам туземцев! Мы с дочкой сидели на грушевом дереве возле Нейтральной Тропы. Я ее обучала вертикальному прыжку. Я ей говорю, чтобы при вертикальном падении прочно захлестывался хвост...

Толпа. Не надо! – На черта нам сдался твой вертикальный прыжок! – Ты нам про дело говори!

Мартышка. Хорошо, раз вы такие эгоисты, я это место пропущу. Так вот, обучаю я дочку... и вдруг слышу по тропе идет Глашатай и поет такую песню:

Задумавшийся некто
На холмике сидит.
Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па
И Ля-ля-ля-чий Брод.
Но буря все равно грядет!

Толпа. Предатель! – Предатель! – Некто – это наш Задумавшийся!

Мартышка. Я сразу же поняла, что он предает Задумавшегося! И тогда же плюнула ему в лицо!

Толпа. Молодец, мартышка! Смерть предателю!

Поэт. Так исказить мой текст!

Король. Значит, ты так пел:

Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па!
И Ля-ля-ля-чий Брод?

Находчивый. Да.

Король. А разве я тебя учил так петь?

Находчивый. Нет, вы просили...

Король. Молчи! Отвечай перед народом: ты внес отсебятину в текст или не внес?!

Находчивый. Внес.

Король. Внес отсебятину, куда внес? В королевский текст? Когда внес? Именно сейчас, когда, с одной стороны, напирают удавы, а с дру-

гой стороны, никогда раньше опыты по выведению Цветной капусты не были так близки к завершению.

Толпа. Король не виноват, да здравствует Король! – Негодяй внес отсебятину!

Король. Почему внес? Не мне отвечай, отвечай всему племени!

Находчивый. Братцы, помилосердствуйте, каюсь! Каюсь! Но почему так получилось? Я все время думал над тем, что нам рассказал Задумавшийся. Мне очень, очень понравилось все, что он нам рассказал про гипноз. Я ему поверил всем сердцем. И я решил: чем быстрее он докажет нашему Королю и нам, что он прав, тем лучше будет для всех. Я же, братцы-кролики, не знал, что так получится.

Толпа. Кто тебя просил?! – Предатель, негодяй!

Жена Задумавшегося. Пустите меня, я выцарапаю глаза этому Иуде!

Находчивый. Простите, братцы!

Толпа. Нет прощения предателю, удав тебе братец!

Философ. Тут, наконец, поднялся Возжаждавший и произнес лучшую в своей жизни речь. Он рассказал о последних минутах Учителя. Он рассказал все, что видел, и все, что слышал.

Многие кролики, слушая его рассказ, тяжело вздыхали, а крольчихи всхлипывали. Плакала даже Королева. Она поминутно подносила к глазам капустные листики и, промокнув ими глаза, отбрасывала их в толпу кроликов, что, несмотря на горе, каждый раз вызывало в толпе кроликов смущенный ажиотаж.

Возжаждавший. Все, что произошло на Лягушачьем Броде, вы уже знаете. Я призываю кроликов развивать в себе сомнения во вселили гипноза и тем самым продолжать великое дело Задумавшегося. Теперь по поводу Короля. Если Глашатай и внес отсебятину, то Король, выбирающий в Глашатаи предателя, не достоин быть королем. Поэтому, сказал он, надо, наконец, при помощи голосования узнать, не собираются ли кролики переизбрать своего Короля.

Король. Кролики, предлагаю, пока я – король, минутой всеобщего молчания почтить память великого ученого, нашего возлюбленного брата Задумавшегося, героически погибшего в пасти удава во время проведения своих опытов, которые мы, хотя и не одобряли теоретически, материально поддерживали. Вдова не даст соврать...

Жена Задумавшегося. Истинная правда, кормилец!

Король движением лапы остановил ее причитания, чтобы она не нарушала торжественности скорби.

Философ. Все стояли в скорбном молчании. А между тем прошла минута, прошла вторая, третья, четвертая... Король стоял, как бы забывшись, и никто не смел нарушить молчания. Как-то некрасиво, неблагородно говорить, что минута молчания давно истекла. Это был один из великих приемов Короля вызывать у народа тайное раздражение к его же кумирам.

Король. А теперь можете переизбрать своего Короля. Но по нашим законам перед голосованием я имею право выразить последнюю волю. Правильно я говорю, кролики?

Толпа. Имеешь, имеешь!

Король. Кого бы вы ни избрали вместо меня, в королевстве необходимы здоровье и дисциплина. Сейчас под моим руководством вы исполните производственную гимнастику, и мы сразу же приступим к голосованию.

Заиграла музыка. Начались всеобщие танцы. В самый разгар, пик танца, Король закричал:

Король. Кролики, кто за меня?

Кролики подняли вверх лапы, кроме Возжаждавшего.

Король. Кролики, кто против?

И тут только Возжаждавший поднял лапу.

Король. Кролики, кто воздержался?

Никого.

Король. Итак, что мы видим? Все – за. Только двое – против.

Толпа. А кто второй?

Король. Я второй. К сожалению, народ, поддерживая меня, нас с тобой не поддерживает.

Толпа. Во дает!

Король. Продолжаю свои нелегкие обязанности.

Толпа. Да здравствует Король! Да здравствует Учитель!

Король. Кстати, как быть с предателем Задумавшегося?

Толпа. Смерть предателю!

Король. Не можем, мы вегетарианцы. Предлагаю предателя навечно изгнать в пустыню. Пусть всю жизнь грызет саксаулы.

Толпа. Пусть грызет саксаулы!

Король. Убрать и сопроводить.

Двое стражников поволокли Находчивого.

Королева. Обманщик. Сам сказал: «Никогда», а сам съел мой подарок.

Жена Задумавшегося. Убивец! Кто будет кормить моих сироток?
Убивец!

Король. Твой муж – наш брат, несмотря на наши разногласия. Мы тебя не оставим. Твои дети – мои дети.

Королева. В каком смысле?

Король. В самом высоком. Выкатить ей два кочана капусты одновременно и выдавать по кочану ежедневно с правом замены его на кочан Цветной, как только закончатся опыты, за которыми мы следим. А сейчас, кролики, по норам, спокойной ночи!

Толпа. Да здравствует Король! Да здравствует Учитель!

ЦАРСТВО УДАВОВ

На сцене лежит Великий Питон и рядом ПРОВИНЦИАЛКА. Два удава вводят кролика с белым флагом. Кролик поклонился Питону.

Глашатай. Мне поручили рассказать о возмутительном поведении удава, проглотившего Задумавшегося. Этот удав, нарушая междупородный договор о гуманном отглоте, вел с обрабатываемым кроликом издевательские разговоры, применял пытки в виде колебаний и капризов и в конце концов смертельно измученного кролика отказался глотать, так что несчастная жертва вынуждена была сама броситься в пасть удава. Все это происходило на глазах у живого кролика, который не собирался давать обет молчания.

Питон. За сообщение о недостойном поведении удава спасибо, будет наказан.

Глашатай покинул помещение.

Питон. Что такое обет молчания?

Провинциалка. Послеобеденный сон.

Питон. Собрать удавов, буду говорить с народом. Присутствие вышедшего на отглот Задумавшегося обеспечить целиком! Созвать все взрослое население удавов. Удавих, высиживающих яйца, снять с яиц и пригнать!

На сцене собираются удавы.

Питон (*читает брезгливо, с горечью, презрительно, с сарказмом*).

Потомки Дракона,
Наследники славы,
Питомцы Питона!
Младые удавы!!!
Позор на мою старую голову, позор!

Удавы. Что случилось? – Мы ничего не знаем?

Питон. Что случилось?! Это я у вас должен спросить: что случилось?! Старые удавы, товарищи по кровопролитию, во имя чего вы гипнотизировали легионы кроликов, во имя чего вы их глотали, во имя чего на ваших желудках бессмертные рубцы и раны?!

Удавы. О, Царь, во имя нашего Великого Дракона.

Питон. Сестры мои, девицы и роженицы, с кем вы спите и кого вы высиживаете – я у вас спрашиваю!

Удавихи. О, Царь, мы спим с удавами и высиживаем яйца, из которых вылупляются молодые удавы.

Питон. Нет! Вы спите с кроликами и высиживаете аналогичные яйца!

Удавихи. О, Великий Дракон, что же это?

Пессимист. Предательство, я так и знал, нашим удавихам подменили яйца.

Питон. Коротышка! Где Коротышка?!

Коротышка. Я здесь.

Питон. У-у-у! Фиговые листочки, бананы. Разложение. А где Косой?

Косой. Я здесь! Я не смог пробраться.

Питон. У, Косой, с тебя тоже началось разложение. Где твой второй профиль, я спрашиваю?

Косой. О, Царь, мне его растоптали слоны.

Философ. Таким образом, подготовив психику удавов, царь рассказал всем собравшимся о позорном поведении Младого удава во время отглотта Задумавшегося.

Удавы. Зачем ты с ним разговаривал, разве ты не знал, что кролика надо обрабатывать молча?

Юный. Я знал, но это был какой-то странный кролик. Я его гипнотизирую, а он разговаривает, ёрзает ушами, чихает в лицо!

Удавы. Ну и что, он чихает, а ты его глотай.

Провинциалка. У меня лично был совершенно аналогичный случай, когда я застала двух кроликов во время любовного экстаза. Но я не растерялась, а загипнотизировала обоих сразу и тут же их обработала.

Питон. Присматривайтесь к опыту этой удавихи, она очень интересно здесь выступила.

Юный (*теперь уже Младой удав*). Я лишил кроликов самого мудрого кролика, обезглавил их и в то же время приобрел для удавов его мудрость.

Питон. Сколько можно учить таких дураков, как ты, всякая мудрость имеет внутривидовой смысл. Поэтому мудрость кролика для нас

не мудрость, а глупость. Скажи спасибо ей, она улучшила нам настроение своим рассказом. Мы решили тебя не лишать жизни, но изгнать в пустыню. Будешь глотать саксаулы, если ты такой вегетарианец, и пусть Коротышке это послужит уроком.

По знаку Великого Питона удавы стали расползаться. Младой удав под конвоем двух стражников был выволочен в сторону пустыни. Юный (Младой) выкрикнул: «Удавами должен править удав!»

Питон. «Удавами должен править удав», а я, по-твоему, кусок вонючего бревна, что ли?

Действие второе

Философ. Прошло с тех пор несколько месяцев, а то и год. Точно никто не знает. Проклиная свою судьбу, особенно Глашатая, удав, изгнанный из своего племени, ползал в раскаленных песках в поисках пищи.

Появляется Юный удав, который далеко уже не юный. Медленно проходит, ложится на пол и притворяется мертвым.

Философ. Нет, сейчас про него можно было сказать, что это немолодой, много и плохо живший змей.

Появляется Находчивый.

Философ. Ба, кого мы видим! Однако со времен изгнания он тоже изменился.

Пустынник (Юный). Привет предателю. Не думал, что на этом свете встречусь с тобой.

Находчивый. Что это еще за Удав-Пустынник?

Философ. К сожалению, смелость слишком часто бывает следствием чувства обесцененности жизни, тогда как трусость всегда следствие ложного преувеличения ее ценности.

Пустынник (Юный). Не узнаешь?

Находчивый. Не имел чести быть знакомым.

Пустынник (Юный). Я из-за тебя потерял родину, из-за твоей подлой песни я вышел на отглот Задумавшегося и кончил изгнанием в пустыню.

Находчивый. Ах, это ты, рохля, так тебе и надо.

Пустынник (Юный). Больше всех на свете я ненавижу тебя, предатель проклятый.

Находчивый. А я, представь, тебя. Да, я сделал грех, предав своего же брата-кролика. Но ты, болван, не смог как следует воспользоваться

моим предательством и тем самым как бы лишил его смысла. Что может быть унижительнее для предавшего, чем сознание того, что его предательством не смогли как следует воспользоваться?

Пустынник (Юный). Ненавижу! Ты, ты натолкнул меня на этот несчастный соблазн. *(Слегка придвинулся к нему.)*

Находчивый. Мне наплевать на твою ненависть. Здесь, в пустыне, негде пастись и поневоле остается много времени на раздумья.

Пустынник (Юный). И до чего же ты, подлец, додумался?

Находчивый *(не обращая внимания).* До многого. Я понял тайну предательства. Сначала я думал, что все дело в том несчастном капустном листике, который я съел наполовину. Позже я понял, что очень уж мне не хотелось покидать королевский Стол. А затем уже я додумался до самого главного. Ловушка всякого предательства в том, что предателям всегда платят вперед. Перебежать назад невозможно. Душа испоганена.

Пустынник (Юный). Какой же ты все-таки подлец! Напетлял тут всяких словес, чтобы скрыть суть. А суть – вот она: ты, теплокровный кролик, предал брата, значит, пролил кровь такого же теплокровного кролика. Нет, я чувствую, что я тебя должен проглотить. Пусть уже и силы не те, и жара мешает гипнозу, но ненависть, я чувствую, мне поможет.

Находчивый. Не очень-то пугай, все-таки, по-моему, Задумавшийся был прав насчет гипноза.

Пустынник (Юный). Не говори про него, гад! Ты его предал, и ты же хочешь воспользоваться его открытием?

Находчивый. И не собираюсь, дело в том, что я сейчас ни во что на свете не верю и, значит, не могу верить в твой гипноз. Можешь сколько хочешь зыркать своими буркалами!

Пустынник (Юный). У-у-у, как я тебя ненавижу! Я чувствую, что моя ненависть рождает какую-то плодотворную мысль.

Находчивый. Удав, рождающий мысль? Это у тебя от жары.

Пустынник (Юный). Нет, нет! Мне кажется... Я не уверен... Мне кажется, я тебя смогу обработать каким-то новым способом.

Находчивый. Ты имеешь в виду зловонное дыхание? Так знай, что ты опоздал. Кролик, который носит в себе зловоние собственной души, не боится никакого зловонного дыхания.

Пустынник (Юный). Нет, нет! Моя ненависть рождает какую-то странную любовь. Суровую любовь без нежностей. Я чувствую неостановимое желание сжать тебя в объятиях.

Начинается танец-удушение.

Находчивый. Отстань от меня, убери свои мокрые объятия. Во-первых, я не удавиха. Мне больно. Я даже не крольчиха. Что за извращения...

На пике танца крик Находчивого: «Ненавижу всех!». Тишина. Находчивый валяется на полу. Пустынник тяжело дышит, тоже падает рядом с кроликом.

Пустынник (Юный). Уф, так устал, как будто не я душил, а меня душили. Неудивительно – первая в мире обработка кролика без гипноза. С таким гениальным открытием меня Великий Питон примет с распростертыми объятиями. Хотя теперь это может звучать и двусмысленно. Сейчас подкреплюсь – и к своим. Еще видно будет, кто достойнее быть царем удавов.

Затемнение. Кабак. Играет музыка. Пьяный разгул. Два столика. За одним сидят удавы, за другим – кролики. Между столиками танцует пара – удав и крольчиха.

1. СТОЛ УДАВОВ

Сидят чинно, пьют без закуски.

Пессимист. О, великий Дракон! Что творится в джунглях!

Оптимист. Такое огромное количество анархически настроенных кроликов, абсолютно неподдающихся гипнозу.

2. СТОЛ КРОЛИКОВ

Кролики собираются уходить.

Возжаждавший. Официант!

Появляется Мартышка. Кролики расплачиваются. Возжаждавший пытается встать, но падает с криком: «Да здравствует Учитель!» Двое кроликов его подхватывают и уволакивают. Четвертый, покачиваясь, долго наблюдает за танцующей парой. Потом говорит: «Шлюха!», и сплевывает в сторону танцующей крольчихи. Крольчиха в ответ: «Алкаш!». Четвертый кролик, пошатываясь, уходит. Мартышка-официантка убирает со стола.

3. ТАНЦУЮЩАЯ ПАРА

Удав начинает приставать к Крольчихе, пытается ее облапать, обнять за непристойные места, поцеловать.

Крольчиха (кокотливо отталкивая). Укради у туземцев кочан капусты, тогда я наемся и отдамся тебе.

Крольчиха, убегая от удава, спотыкается о пьющих на газетке Удава-охранника и Кролика-алкоголика.

Крольчиха. У, ханыги, развелось вас! *(Уходит.)*

Удав-охранник (алкоголику). Почему ты от меня убегаешь? Ты меня уважаешь?

Алкоголик. Да.

Удав-охранник. Тогда почему ты не поддаёшься гипнозу? Почему ты мне подмигивал во время гипноза? А?

Алкоголик. А просто так, пошухерить была охота.

Удав-охранник. Шухерить?! Во время гипноза?!

Удав лезет с кулаками на кролика. Завязывается драка. Кролик толкает удава со словами: «Червяк вонючий!!!» на соседний столик. Завязывается всеобщая драка.

Удав-охранник *(выползая из драки)*. Какое падение нравов.

Входит Король и Начальник охраны. Наблюдают за дракой.

Король. Кусочек спокойных джунглей для прогулок, вот всё, что я у тебя прошу.

Начальник. Будет, мой Король, а преступников выловим.

Король. Слышал, какие слухи пошли по королевству?

Начальник. Слышал. Пускаем контрслухи.

Король. Ну и как?

Начальник. Сложно, мой Король. Точно замечено, что одни и те же кролики с удовольствием пользуются и слухами, и контрслухами.

Король. Теперь ты видишь, кем мне приходится управлять?

Начальник. Теперь Вы видите, от кого мне Вас приходится охранять?

Король. Тоже верно. Что ж, ступай и бди.

Философ. В самом деле, по королевству поползли нехорошие слухи. Говорили, что заблудившийся крольчонок случайно в джунглях наткнулся на выездной банкет, где, как у них водится, обжирались всеми сладостями вплоть до Цветной капусты.

Крольчонок *(высвечивается прожектором-«пистолетом»)*. Дяденька Король, Цветной капусты хотца.

Король *(высвечивается прожектором-«пистолетом»)*. Брысь отсюда, шпион проклятый!

Выстраивается очередь из кроликов.

Вдова. Неужели чужим обезьянам скармливал, а для своего крольчонка пожалел?

Рассказчик. Не в том дело, что пожалел, но они не любят, чтобы рядовые кролики видели, как они сидят вокруг скатерти, измазанные соком Цветной капусты.

Кролик. А что, Цветная капуста мажется?

Рассказчик. Во рту-то она тает, как цветочный нектар, но пока до рта донесешь, говорят, мажется, потому как наинейший овощ грубого касательства не терпит.

Кролик. Я бы ее до рта донес, она бы у меня цветным соком изошла под небом.

Крольчонок (*высвечивается прожектором-«пистолетом»*.) Дяденька Король, Цветной капусты хотца.

Король (*высвечивается прожектором-«пистолетом»*) Очень скоро все сироты будут есть Цветную капусту.

Вдова. Интересно бы увидеть этого маленького счастливчика.

Рассказчик. Увидеть нельзя, потому что он теперь засекречен как знающий месторасположение плантации.

Вдова. А-а, ну тогда, конечно.

Появляется Мартышка, открывает окошко. Вдова подходит к окошку, Мартышка подает ей кочан капусты.

Вдова. Мой-то еще во-он когда задумался.

Мартышка. О чем?

Вдова. О Цветной. (*Откатывая от себя поданный ей кочан обычной капусты.*)

Мартышка. В глаза не видела, если можешь, зайди к Королю и спроси.

Вдова. И зайду.

Из очереди. Мы тоже вдовствуем не хуже.

Вдова. Хуже! Ваши обжирались за королевским Столом, когда мой день и ночь думал о будущем.

Очередь разошлась. Появляется Король с Начальником охраны. Вдова бросается на шею Королю.

Вдова. Если б он мог встать. Если б он мог увидеть. Если б он мог встать. О, Король, я слышала, что Вы обещали сироте-крольчонку Цветную капусту. У меня тоже сироты, они тоже хотят Цветную капусту.

Король (*выпроваживая ее*). Все это ужасно преувеличено, милочка. Конечно, опыты проходят успешно, и мы всячески способствуем, но при чем тут крольчонок. Да и как он мог попасть на засекреченную плантацию? Какая-то чушь все это.

Выпроводив вдову, Король тяжело опустился в свое кресло и тупо уставился перед собой.

Король. Если бы он мог встать. Только этого не хватало на мою голову. (*Начальнику охраны*) Эту ведьму, если она попытается ко мне

прорваться, гнать в шею, но почтительно. Вплоть до особого распоряжения.

Начальник. Насчет шеи или насчет почтительности?

Король. Насчет вдовы.

Начальник ушел.

Король. Этот болван знает только одно дело – щупать моих балеринок. Ещё 2-3 месяца и королевство развалится. О всеобщее падение нравов!

Философ. Но нет, не развалилось королевство кроликов, ибо именно в этот исторический день Пустынник (Юный) приполз (потому-то он и исторический) к подземному дворцу Великого Питона и рас-сказал о своем открытии.

СОБРАНИЕ УДАВОВ

Пессимист. А может, это был полудохлый кролик, может, его и давить ничего не стоило?

Пустынник (Удав). Конечно, кролик был не в лучшем состоянии, но учтите, что и я в проклятой пустыне, питаюсь ящерицами и мышами, еле двигался.

Пессимист. Да что ты все о себе говоришь, посмотри, на что мы стали похожи.

Пустынник (Удав). Знаю, для этого я и вернулся. Теперь, уняв кролика совершенно новым способом без гипноза, я чувствую себя уверенно и спокойно.

Питон. А когда ты его обработал?

Пустынник (Удав). Сегодня, разве я не сказал?

Питон. Тебе хорошо, ты позавтракал, а я до сих пор не емши.

Оптимист. А каков верхний и нижний предел удушения?

Пустынник (Удав). Братья-удавы, насчет верхнего и нижнего предела я пока ничего не могу сказать, но с золотой серединкой, с кроликом, уверенно говорю, справимся.

Удавы. Это главное.

Питон. Не знаю, как насчет нижнего предела, но верхний предел мы сейчас проверим. Дави Коротышку!

Пустынник бросился на Коротышку, но тот, быстро влез на верхотуру.

Питон. Души его на дереве!

Пустынник (Удав). Но я на деревьях душить не умею.

Пессимист. Будем ждать, пока он слезет?

Коротышка. А я никогда не слезу, здесь хватает еды.

Питон. Ты обезьяна, а не удав, тогда попробуем Косого. Где Косой?

Пустынник (Удав). Как прикажете.

Косой. Что ж, я слишком стар, чтобы перестраиваться. Можешь меня душишь.

Небольшой танец-удушения Косого и Пустынника.

Питон. Ты сопротивляйся, сопротивляйся! Нам нужен опыт в условиях джунглей.

Косой. Какое уж тут сопротивление.

Косой умирает.

Питон. Хотя умер с пользой для дела, я всегда говорил, что удав, из которого говорит кролик, это не тот удав, который нам нужен.

Пустынник (Удав). Что характерно – опыт проходит более успешно, когда подопытное существо трепещет, оказывая сопротивление. Этот трепет возбуждает и приводит в действие всю мускульную систему.

Питон. Оттащите его подальше. Мы входим в новую эру, где никогда не будет таких инвалидов, как Косой, и таких выроdkов, как Коротышка, которого мы еще стряхнем с дерева! Пустынник (Удав) мною назначается первым заместителем и пожизненным преемником Великого Питона, то есть меня. Разбредайтесь по джунглям! Тренируйтесь, развивайте свою природу!

Начинается танец-тренировка удушения вовремя, которого Пустынник (Удав) душишь Питона.

Пустынник (Удав). Великий Питон умер. Согласно воле Великого Питона, удавами будет управлять удав, то есть я. Отныне никаких дворцов. Дворец Великого Питона переименовать в Келью Пустынника (Удава).

Оптимист. Можно вопрос?

Пустынник (Удав). Да.

Оптимист. Можно вас в честь ваших подвигов называть Великий Пустынник?

Пустынник (Удав). Лично мне это не надо, но, если вам нравится – можете.

Философ. Недалеко от зеленого холмика, где по воскресеньям возжигался неугасимый огонь в память о Задумавшемся, удавы воздвигли памятник Любимому Кролику, которому они ежедневно поклоняются, бросаясь на него со своими объятиями.

На поляне собираются кролики.

Король. Совсем спятили.

Начальник. У них теперь вместо Великого Питона появился какой-то
Пустынник.

Ученый. Вот они и молятся.

Король. Молятся?! А как ты разгадал знамение?!

Вошел Охранник и что-то шепнул на ухо.

Король. Введи.

Вошла истерзанная крольчиха.

Рассказывай.

Крольчиха. Я паслась на границе между джунглями и пампасами, когда на меня неожиданно напал удав и, обвив кольцами, стал душить. Мне с большим трудом удалось вырваться из его объятий и убежать.

Король. Гипнотизировать не пытался?

Крольчиха. Какой там гипноз, я такой боли в жизни не знала. Вот вывихнул мне лапу.

Король. Ты ведь могла почувствовать, что он хочет от тебя?

Крольчиха. Я почувствовала, что он хочет меня задушить.

Король. Ладно, милочка, ступай. *(Крольчиха вышла.)* Ну, что вы скажете на это?

Королева. Скажу, милый, что пораспустились твои подданные.

Начальник. Надо бы подтянуть.

Король. А по-моему, очень интересный случай, все выстраивается в один ряд: увеличение количества без вести пропавших кроликов, пострадавшая крольчиха, странные упражнения удавов. Они разработали новое страшное оружие – удушение!

Ученый. Король, ты гений! Зачем тебе я, зачем тебе ученые, зачем тебе Начальник Охраны, когда ты – все!

Король. Успокойся, я только сделал необходимые обобщения. Оповестить кроликов о страшной опасности, нависшей над ними. Кто говорил: не надо развивать свою природу? Я говорил. Теперь доразвивались до того, что живым кроликам ломают кости. Размножаться с опережением – вот наше оружие против удавов!

Все кролики начинают собираться и аплодировать. Потом все участники делятся на кроликов и удавов. В разных местах площадки рас-саживаются и ложатся.

Эпилог

Старый Кролик. Раньше, бывало, гуляешь в джунглях, встретил Косого – проходи, не останавливаясь, безопасной стороной его профиля. Или встретил Коротышку, а он на тебя и смотреть не хочет. Почему? Потому что бананами налопался, как обезьяна.

Младой Удав. А где они теперь?

Старый Кролик. Косого удавы задушили, а Коротышка вообще переродился в другое животное и взял другое имя.

Младой Удав. Вам повезло.

Старый Кролик. Раньше никто бы не поверил, – распаялись старые кролики, – чтобы туземцы использовали удавов против кроликов.

Алкоголик. А выпивка? Чистый сок бузины даром раздавали, хочешь – учись писать, хочешь – пей, твое дело.

Старый Кролик. Но вы забываете главное – при гипнозе, если уж тебе было суждено умереть, тебя усыпляли, ты ничего не чувствовал.

Алкоголик. А сейчас рядовые кролики отраву пьют, сок бузины идет только для допущенных.

Старый Кролик. Одним словом, что говорить, порядок был.

Старый Удав. При гипнозе как было, бывало, ползешь по джунглям, встретил кролика: хлянул – приморозил! Снова встретил – снова приморозил! А сзади удавиха ползет и подбирает. А кролики какие были? Сегодняшние против тех – крысы. Ты его проглотил, и дальше никаких тебе желудочных соков не надо – на своем жиру переваривается. А сейчас ты его душишь, а он пищит, вырывается, что-то доказывает. А что тут доказывать?

Младой Удав. Жили же.

Писсимист. Они думают, душить легко.

Старый Удав. Порядок был, при гипнозе.

Философ. Вот и все, что я слышал об этой довольно-таки грустной истории взаимоотношений кроликов и удавов. Если кто-нибудь знает какие-то интересные подробности, которые я упустил, я был бы рад получить их. Лучше всего письмом, можно по телефону, а еще лучше держать их при себе: надоело.

Конец.

5. Инсценирование прозы в контексте современных тенденций театрального искусства

Говоря о современном театральном процессе, можно отметить, что режиссер ставит прозу не ради моды или простого интереса режиссуры к литературе, или из-за нехватки репертуара, а, как утверждает Наталья Скороход, вот почему: «...здесь мы имеем дело с явно выраженной тенденцией: сцена нашла ещё один источник вдохновения – повествовательный текст, а инсценирование стало естественным и полноправным участником театрального процесса [7, с. 7].

От авторской активности и самоидентичности режиссуры зависит профессионализм современного театра. Перенесение на сцену прозы (романов, повестей, рассказов, поэм) является не просто возможностью, но насущной необходимостью театрального искусства, поскольку не всегда происходит сопряжение режиссера с современной драматургией. Режиссер – сценарист – драматург – это веление времени, условие полнокровной жизни современного театра. Именно поэтому такое большое значение придается тренировке этого профессионального навыка в практике режиссерской школы. А для этого нужны теоретические знания, методические навыки и практические умения. «...Отвечая на вопрос “как инсценировать прозу?”, можно сформулировать первый принципиальный момент. Подобно тому, как Станиславский рекомендовал режиссеру умереть в актере, я советую инсценировщику прозы “умереть в дискурсе”» [7, с. 149]. И далее Наталья Скороход пишет о феномене инсценирования как об «обратном превращении “записанной речи” в “голос” – этот голос так или иначе будет звучать в определенной ситуации и обстоятельствах...» [7, с. 188].

Проблема способа, приемов и средств сценического перевода становится весьма актуальной при создании инсценировки. Как только мы решим представить сценически тот или иной прозаический материал, то вплотную сталкиваемся с данной проблемой. Механический перенос прямой речи литературных персонажей на сцену заведомо ведет к неудаче и провалу. Секрет инсценировки состоит не в переносе, а в **переводе** литературного материала в систему театрального представления.

Литература и театр – совершенно разные знаковые системы со своими специфическими и непересекающимися средствами выражения.

Можно выделить два основных момента в понятии инсценирования: первый – это переработка литературной первоосновы (роман, повесть, рассказ, поэма) в сценарий на уровне текста; второй – практическое воплощение этого сценария в звуковой и визуальный ряд, то есть в театральную постановку, спектакль. Причем оба эти момента могут воплощаться разными людьми: первый – драматургом, автором текста, второй – режиссером, автором спектакля (совместно с актерами, художником, композитором), но могут также быть успешно объединены в творчестве режиссера.

Нужно понимать, насколько важно передать через систему сценических образов именно замысел автора, а не что-нибудь иное, возникшее в неудержимой фантазии и неуправляемом воображении режиссера. Театр в своем арсенале имеет намного больше внешних выразительных средств, чем литература, поэтому нужно добиваться, чтобы литературное произведение, трансформируясь в театральное, несколько не потеряло, но лишь выигрывало и обретало в подобном сценическом варианте.

Работая над повестью В. Распутина «Живи и помни», мы пришли к выводу, что нам нужно вводить не просто образы рассказчиков, а образы Ангара и Волка. Валентин Распутин ярко и подробно описывает могучую реку Ангару и Волка. Главные герои повести Настёна и Андрей на протяжении всего сюжета сталкиваются с этими персонажами, поэтому мы решили, что Ангара и Волк являются полноправными действующими лицами.

Руководителю любительского театра предстоит погрузиться в мир произведения писателя, строго следуя тексту, изучать и открывать чужое творчество и сделать замысел писателя своим. Перед режиссером и исполнителем встают вопросы: как сохранить свое Я, свою индивидуальность при встрече с автором? Как исполнителю проникнуть в душу роли, как постичь чужую жизнь? Вот на эти вопросы и предстоит ответить режиссеру с исполнителями.

Живи и помни

Инсценировка по повести В. Распутина «Живи и помни».
Сказ в двух действиях

Действующие лица

Настёна.
Андрей.
Михеич.
Семёновна.
Бурдак – милиционер.
Максим Вологжин.
Надька.
Лиза.
Василиса – председатель колхоза.
Ангара.
Волк.

Действие первое

Сцена 1

Звучит волчье завывание. На втором этаже появляется волк. В дальнейшем там будет логово Андрея.

Волк. Атамановка лежала на правом берегу Ангары и была всего на тридцать дворов – не деревня, а деревушка. Несмотря на свое звучное название, лежала она одиноко и потихоньку да поменьку, еще с довоенных лет, хирела: уже пять изб – и избы крепкие, не какие-нибудь развалюхи – стояли мертво, с заколоченными окнами.

Появляется Ангара внизу. Звук гудка парохода. Этюд проводов на войну. Герои уходят.

Ангара. Зима на сорок пятый, последний военный год в этих краях простояла сиротской, но крещенские морозы свое взяли, отстучали, как им полагается, за сорок. Прокалившись за неделю, отстал с деревьев куржак, и лес совсем помертвел, снег по земле заскрип и покрошился, в жестком и ломком воздухе по утрам было трудно продохнуть.

Волк. Потом снова отпустило, после этого отпустило еще раз, и на открытых местах рано затвердел наст.

На сцене появляется озабоченный Михеич. Он обнаруживает пропажу топора, лыж и табака.

Михеич (кричит). Настёна!

Заходит Настёна.

Не могу найти ни топора, ни табаку, ни лыж. Ты не брала?

Настёна. Нет.

Михеич. Хороший был топор, старой работы, плотницкий. Видать вор был дальний и топора не видать, потому что свои, деревенские, лыжи не взяли бы. И табак не весь украла. Да... Поминай как звали!

Настёна (забираясь на палаты (второй этаж), проверяет пропажу, как бы про себя). Да нет, это свой забрал.

Стоп-кадр. На втором этаже Волк. Стук в дверь.

Волк. Перед Рождеством в Атамановку нагрянул конопатый участковый милиционер по фамилии Бурдак.

Заходит Бурдак.

Бурдак. Здравия, желаю. Какие имеете известия от сына?

Ему показали последние письма Андрея. Бурдак прочитал их и спрятал к себе в карман.

Бурдак. Больше он о себе ничего не сообщал?

Михеич. Нет. А чё такое с им? Где он?

Бурдак. Вот это мы и хотим выяснить – где он? Потерялся где-то ваш Андрей Гуськов. Даст о себе знать – сообщите нам. Понятно?

Михеич. Понятно.

Бурдак уходит.

Сцена 2

Волк и Ангара делают монтировку для следующей сцены «В бане».

Волк. Из деревни доносились последние слабые голоса, лай собак, затем все стихло.

Ангара. На Ангаре изредка с тугим бегущим звоном покалывало лед, да вздыхала, остывая, баня.

Волк. Чтобы человеку здесь среди ночи делать?

В баню заходит Настёна. Она раздевается. Кладет небольшой сверток с хлебом на лавку. Садится, будто бы кого-то ожидает.

Настёна засыпает. Режиссерская пауза «Сон Настены “Ребёнок”».
Вваливается в баню Андрей.

Андрей. Молчи, Настёна. Это я. Молчи.

Настёна. Ты, Андрей?! Господи! Откуда ты взялся?!

Андрей. Оттуда. Молчи. Ты кому говорила, что я здесь?

Настёна. Никому. Я сама не знала.

Андрей. Искали меня?

Настёна. Милиционер недавно приезжал из Карды. С отцом разговаривал.

Андрей. Отец, мать догадываются про меня?

Настёна. Нет. Отец думал, топор кто чужой взял.

Андрей. А ты, значит, догадалась? Хлеб ты приносила?

Настёна. Я.

Он помолчал.

Андрей. Ну вот, встретились, Настёна. Встретились, говорю. Не верится, что рядом с родной бабой нахожусь. Не надо бы мне ни перед кем тут показываться, да одному не перезимовать. Хлебушком ты меня заманила. Ты хоть понимаешь, с чем я сюда заявился? Понимаешь или нет?

Настёна. Понимаю.

Андрей. Ну и что?

Настёна. Не знаю. *(Настёна бессильно покачала головой.)* Не знаю, Андрей, не спрашивай.

Андрей. Не спрашивай... Вот что я тебе сразу скажу, Настёна. Ни одна собака не должна знать, что я здесь. Скажешь кому – убью. Убью – мне терять нечего. Так и запомни. Откуда хошь достану. У меня теперь рука на это твердая, не сорвется.

Настёна. Господи! О чем ты говоришь?!

Андрей. Я тебя не хочу пугать, но запомни, что сказал. Повторять не буду. Мне сейчас податься больше некуда, придется околачиваться здесь, возле тебя. Я к тебе и шел. Не к отцу, не к матери – к тебе. И никто: ни мать, ни отец – не должен обо мне знать. Не было меня и нету. Пропал без вести. Убили где-то по дороге, сожгли, выбросили. Я теперь в твоих руках, больше ни в чьих! Но если ты не хочешь этим делом руки марать – скажи сразу!

Настёна. Что ты меня пытаешь? Чужая тебе, что ли? Не жена, что ли?

Они долго молчали. Бросились друг к другу начали целоваться.

Настёна. Может, помоешься?

Андрей. Надо помыться. Ты же для меня баню топила, я знаю. Скажи, для меня?

Настёна. Для тебя.

Андрей. Я уж и не помню, когда мылся.

Быстро начинает раздеваться. Настёна помогает ему раздеться. Уходят в парилку. Этуд «Сцена любви». Выходят разморенные из парилки.

Настёна. Остыла, поди, совсем?

Андрей. Сойдет. Принеси тулку, какой-нибудь провиант и патроны.

Настёна. Надо было хоть белье тебе принести.

Андрей. Черт с ним, с бельем. Принеси тулку, какой-нибудь провиант и патроны. Живая она? Тулка-то.

Настёна. Живая.

Андрей. Ее обязательно. Там сама сообразишь, что надо.

Настёна. А что я ему скажу про ружье?

Андрей. Не знаю. Что хошь говори. Как-нибудь вывернешься. Придется тебе пока подкармливать меня хоть немножко. Принесешь ружье – мяса я добуду, а хлеб не подстрелишь. Послезавтра приду так же попозже. Рано не ходи, смотри, чтоб не уследили. Теперь ходи и оглядывайся, ходи и оглядывайся.

Он собрался и ушел.

Настёна (*спохватилась*). Уж не оборотень ли это был.

Появляются Волк и Ангара.

Вместе (*много раз*). Уж не оборотень ли это был.

Ангара. В темноте разве разберешь? А они, говорят, могут так прикинуться, что и среди бела дня не отличишь от настоящего.

Волк уходит.

Волк. А разве не лучше, если бы это и вправду был только оборотень?

Делают монтировку на следующую сцену.

Сцена 3

Открывается изба.

Настёна. Завтра повезу товарища уполномочного в Карду.

Михеич. Ладно. Заодно посмотри там, дева, в охотке пороха да дробы. Оно и стрелять уж с какой поры не стреляю, а про запас иметь надо. Может, по весне козуля в огород заскочить. Седни-то обратно ждать?

Настёна. Не знаю. Как магазин. Как обернусь.

Михеич. Но-но. Не седни, дак завтра. Ладно, езжай с Богом, езжай. И зайди там ещё в сельсовет, узнай, нет ли чего нового про Андрея. И на почту загляни. Может, письмо лежит или бумага какая.

Семёновна. Я бы, где же одна ш чужим мужиком поехала. Да ишо по нынешним-то временам. О гошподи! Не знают, на кого вешаться. Ить он за кошевкой вшю дорогу не побежит, ить он ш ей рядом шядет.

Михеич. Ладно, ладно, старая, не выдумывай. Лежишь – ну и лежи себе, не насбирывай, что попало. Нашла за кого бояться – за Настёну!

Волк и Ангара спускают со второго этажа полотно. Символ дороги. Настёна одевает сбрую на Волка. Он играет роль Карьки – коня. Настёна садится на лавку и правит конем.

Волк. За последними избами Настёна потянула коня вправо, на Ангару. Карька непонимающе остановился: дорога домой шла прямо.

Озлясь, Настёна огрела его вожжами. Опять, как и вчера, ее охватило нетерпение, от него она вся тряслась, как в лихорадке, и готова была выскочить из саней и бежать поперед Карьки.

Настёна. Скорей, скорей!

Волк. Знала, что нельзя гнать коня через Ангару: угодит где-нибудь в расщелину и останется без ноги, и все-таки погнала.

Настёна подпрыгивала, вертелась на подстеленной сверху дохе, размахивала вожжами и выкрикивала какие-то непонятные и жуткие слова.

Настёна. Скорей, скорей... Все скорей, все, что есть и что будет!

Она попридержала Карьку и опустила вожжи. Теперь недалеко.

Волк. Вся ее лихорадка как-то разом пропала, на душу пала пустота. Где-то в груди горчило, будто она наглоталась дыму, а отчего, Настёна не знала. По тому, как потускнела ночь, она поняла, что скоро начнет светать.

Настёна. Вот и научилась ты, Настёна, врать, научилась воровать. А ведь это только начало – что с тобой, Настёна, будет дальше?

Волк. Но вины она за собой все-таки не чувствовала, не признавала, хотелось лишь краешком глаза заглянуть вперед, подсмотреть...

Настёна. Чем все это кончится?

На втором этаже появляется Андрей он обустроил себе там логово.

Сцена 4

Настёна. Ну, здравствуй, что ли. *(Она застала его врасплох.)* Вот, приехала поглядеть, как ты тут. Ты не думай, никто не видел. Я уж сегодня из Карды прикатила, пока ты тут спал. Кой-чего привезла тебе на черный день.

Андрей. У меня теперь все дни черные. Куда ты?

Настёна. Да надо затащить сюда хозяйство-то мое, а то что ж на морозе будет.

Андрей. Сейчас пойдем вместе.

Настёна. Вот, достала в Карде муки тебе. Будешь лепешки стряпать. *(Он в ответ бегло кивнул.)*

Настёна. Это что же получается? Почему ты меня так встречаешь-то? Слова не скажешь. А я к тебе на всех рысях середь ночи летела, думала, обрадуешься. Может, мне лучше назад повернуть?

Андрей. Не пуцу! *(Он повернул к ней побледневшее лицо.)* Неужто думаешь, я не рад, что ты приехала? Рад, Настёна, еще как рад! Да радость-то у меня теперь ишь какая: ей требуется знать, нужна она или нет, можно ее показывать или нельзя.

Настёна *(ткнулась ему в грудь головой).* Господи! О чем ты говоришь? Я же тебе не чужая. Мы с тобой четыре года вместе прожили – или этого мало? *(Настёна улыбнулась.)* А я ведь тебя в первый раз сегодня только и увидела. Чудной ты с этой бородой.

Андрей. Почему чудной?

Настёна. Да какой-то... *(Она засмеялась.)* Как леший. Я в бане понять не могла, кто со мной – ты или леший. Думаю, своему мужику берегла, берегла, а тут с нечистой силой связалась.

Андрей. Ну и как нечистая сила?

Настёна. Ничего. Но свой мужик лучше.

Андрей. Хитрая ты. Никого не обидела. Принеси-ка мне в следующий раз бритву, уберу я эту лохматину.

Настёна. Зачем?

Андрей. Чтобы не походить на лешего. Хотя нет, не буду. Пускай торчит. Чтобы не походить на себя. Уж лучше на лешего.

Настёна. Господи! Что ж, я мужика-то своего не кормлю. Приехала тут разговоры разговаривать.

Андрей. Ну, баба! Вот что значит: давно никто не колошматил. Никто, говоришь, не колошматил?

Настёна. Ну.

Андрей. Соскучилась, что ли?

Настёна. Ну, так некому было на ум наставить. Ладно, садись, я час.

Андрей. Надо хоть чаю поставить.

Настёна. Ставь – что ты стоишь, как неживой. Воды, что ли, у тебя тут нету? Наши думают, я в Карде, а я тут у тебя. Вот бы знали.

Андрей начинает приставать к Настёне.

Настёна. Отскочь, не морочь, я тебя не знаю.

Андрей. Чего-чего?

Настёна. Отскочь, не морочь, я тебя не знаю.

Андрей. Гляди-ка ты!

Настёна. Тише, Андрей, не гони, не надо. Любовь-то моя сколько без корма, как худая кобыла, жила. Не надорви ее, не понужай. Покажи, где ранило-то тебя... *(Он расстегнул рубаху и открыл на груди красноватые рубцы. Настёна осторожно погладила их.)* Бедненький... убить хотели... совсем зажило, не болит?

Андрей. Сейчас уж лучше, только ноет. Особенно в непогоду. А так – будто мешает все время, будто торчит что-то, не притерпелся еще.

Настёна *(слабым и счастливым голосом)*. Ты не рассердишься, если я усну?

Андрей. Спи, спи.

Волк и Ангара. Зеркальный этюд.

Волк. Услышал, как бьётся её сердце. Оно стучало отчетливо и близко, с каждым тукающим ударом наполняя его неясной, болезненной тревогой. Быть рядом с ней и не слышать её, пропустить всё, что она могла бы сказать и сделать становилось невмочь, в груди быстро выстыло и опустело, сжалось, требуя движения и тепла.

Настёна. Так сладко поспала. Уж и не помню, когда еще так доводилось – на самом дне. А все потому, что рядом с тобой. Гляжу на тебя и не верю, что это ты. А во сне, вот видишь, поверила, растаяла до последней капельки. Спокойно-спокойно было...

Андрей. Возвернись я туда, я бы там и остался – это точно. Сколько держался, воевал и воевал, не прятался, не хитрил, а тут нашло. Нашло-наехало так – не продохнуть. Зря это не бывает. Зря не зря – теперь уж дело сделано, переделывать поздно.

Настёна. Но как, как ты насмелился? Это ж непросто: Как у тебя духу хватило?!

Андрей. Не знаю. Невмоготу стало. Дышать нечем было – до того захотелось увидеть вас. Оттуда, с фронта, конечно, не побежал бы. Тут показалось вроде рядом. А где ж рядом? Ехал, ехал... до части скорей доехать. Я ж не с целью побежал. Потом вижу: куда ж воро-

чаться? На смерть. Лучше здесь помереть. Что теперь говорить!
Свинья грязи найдёт.

Настёна. Война кончится – может, простят.

Андрей. Нет, за это не прощают. За это, если бы можно было расстреливать, а после сызнова поднимать, расстреливали бы по три раза. Чтоб другим неповадно было.

Настёна. Ну что ты, что ты...

Андрей. Погоди. Начал, так dokonчу, потом, может, не придется. Потерпи еще эти месяцы, потаись, а там, придет пора, я сгину. Но потерпи. Немало ты от меня вынесла, вынеси еще и это.

Этюд двух волков (Волка и Андрея).

На людях нам больше не жить. Ни дня. Когда захочешь, когда жалко меня станет, приходи. А я молиться буду, чтоб пришла.

Андрей. Не хоч. *(Он приподнялся и сел на скамейку.)* И ты – слышишь, Настёна? И ты никогда никому, ни сейчас, ни после, никогда не выдашь, что я приходил. Никому. Или я и мертвый тебе язык вырву.

Настёна. Ты что, Андрей?! Ты что?! *(Настёна приподнялась.)*

Андрей. Я тебя не пугаю. Тебя ли пугать, Настёна?! Ты для меня весь свет в окошке. Но помни, всегда помни, живой я буду или неживой, где для меня горячо и где холодно. Потом, когда все это кончится, ты еще поправишь свою жизнь. Должна поправить, у тебя время есть. И может статься, когда-нибудь тебе будет так хорошо, что захочется за свое счастье выпростать себя до конца, сказать все, что в тебе есть. Это не трогай. Ты единственный человек, кто знает про меня правду, остальные пускай думают что хотят. Ты им не помощница.

Настёна. Чем же я, Андрей, заслужила, что ты так со мной разговариваешь?

Андрей. Ничем не заслужила. Не сердись, не надо. Я теперь и сам не соображаю, что делаю, зачем делаю. Будто не я живу, а кто-то чужой в мою шкуру влез и мной помыкает. Я бы повернул вправо, а он нет – тянет влево! Ну ничего, уж немножко осталось.

Настёна. Ты как-то страшно все время говоришь...

Андрей. Не бойся. Я не тебя пугаю – себя. Да оно и себя тоже не к чему пугать: страшней не будет. Это я при тебе слабину дал. Зато все что надо сказал, обо всем предупредил. Легче стало. Теперь ты говори.

Настёна. Что мне говорить...

Андрей. Как там мать – ходит?

Настёна. Последний год с печки почти не слазит. Только когда стряпня. К квашне меня не подпускает – сама. Так и не научусь, поди, никогда хлеба печь.

Андрей. Отец все в конюховке?

Настёна. Ага. Если бы не он, давно бы всех коней порешили. Он один только и смотрит. Тоже сдал. Кряхтит все, устаёт сильно.

Андрей. Стариков пока не бросай. Мать, поди, долго и не протянет. Надо как-то скараулить их, поглядеть.

Настёна. А как же, Андрей, дальше-то? Они ведь ждут, надеются: вот-вот ты скажешься, напишешь, где ты есть. Кончится война – что им потом думать? У них вся надежда на тебя.

Андрей. Надежда, надежда... Нет у них никакой надежи. Все. Нет. Я только что об этом толковал. С кого спрашивать? Тыщи людей не могут найти. Кто в воздухе, кто в земле, кто мается по белу свету, кто прячется, кто не помнит себя – все перемешалось всмятку, концов не сыскать. Вот и я тоже: то ли есть, то ли нет. Как хочешь, так и думай. Моим старикам ждать уж немного осталось. Там встретимся, поговорим. Может, там войны нет. Ладно, хватит об этом. Скоро тебе ехать. Поедешь или, может, останешься?

Настёна. Как же я останусь?

Андрей. Еще-то приедешь?

Настёна. Приеду, Андрей, приеду. А то прибегу. Дорогу теперь знаю.

Андрей. Неохота будет, не ходи, тут неволишь себя нельзя. А я выдюжу, мне этого дня надолго хватит.

Настёна. Ой, я ведь тебе провианту привезла. Чуть обратно с ним не уехала. *(Она соскочила со скамейки и выгребла из кучи в угол два холщовых мешочка.)* Половину отсыпь, а половину я отцу увезу, это он заказывал.

Андрей. Мне и половины за глаза достанет. Теперь живу. Теперь мне и сам черт не страшен. Вот одарила ты меня. Всем одарила. Ну, Настёна, золотая ты моя баба! С этой бабой в миру бы жить, а не по норам прятаться.

Настёна. Ну тебя! Прямо сердце зашлось – до чего напугал! Я уж отвыкла, чтоб так хватали.

Андрей. Прибегай, я приучу.

Настёна. Да я-то бы каждый день прибегала.

Андрей. За чем же дело? *(Достает часы.)*

Настёна. Ой, что за чудовина такая?

Андрей. Возьми, Настёна, часы. Я сам их с немецкого офицера снял. С живого – не с мертвого. Мне они больше ни к чему, а тебе при-

годятся. Будешь продавать, не продешеви: это хорошие часы, в Швейцарии делали. Меньше чем за две тыщи не соглашайся.

Настёна. Господи, да их в руки брать боязно.

Андрей. Бери. Больше дать тебе нечего.

Этюд «Дорога назад».

Ангара. Настёна ехала и плакала – до того схватило и сжало душу, а почему так сильно схватило, сразу не понять, не разобраться. Ни одна боль в ней не вызрела, не дала знать, что с ней делать – все сплошь обметало каким-то сквозным, сосущим беспокойством. Намешайте в чай пополам с сахаром соли и залпом выпейте – так же захолонет и запнется внутри: для сладкого там свое место, для горького свое. Чуть отдастся маленькой каплей сладкого и тут же перешибет соленым, и потечет горечь по всему телу, прохватывая до костей.

Волк. Живые там, он – здесь.

Ангара. Господи, научи, что делать! Тяжко, смутно и в то же время просторно, оглядно было на душе у Настёны – как в доме, из которого вынесли вещи. Теперь можно распорядиться и так, и этак. И знобила, и заманивала, тянула эта пустота, обнажившая все углы, где каждая мысль отдавалась гулким вопросительным эхом.

Ангара ушла, забрала дорогу. Волк закрыл на втором этаже занавеской зимовье Андрея.

Сцена 5

Настёна стоит, рассматривает часы. Вбегает Надька.

Надька. Слыхала, Максим Вологжин пришел?

Настёна. Слыхала.

Настёна. Пойдем, Надька, на Максима посмотрим. Посмотрим, какие теперь мужики, и обратно.

Надька. А чё на него глядеть? Только душу травить. На чужое счастье не наглядишься.

Настёна. Не пойдешь, что ли?

Надька. Да погоди, пойду.

Надька. Хотела коврижку на два дня растянуть, прихожу, а они ее уж умяли. Ну, не прорва ли, не прорва ли – скажи ты мне! Пойдем! Пойдем!

Разворачиваются и уходят. Открывается изба Михеича и Семёновны.

Михеич. Ты попеременке, попеременке их двигай. Чего такая бестолковая-то? Ты не прыгай, отпрыгалась уж, хватит. Совсем он без ног ходят, а твои ноги ишо живые, подсоблять помаленьку можно.

Семёновна. Гошподи! Зашто мне такое муценье на штарошти лет? Пожалей хоть ты меня, прешвятая богородица. Втолкуй ты этому штарому дураку, што до могилки я и без его коштылей доеду. Ты хошь в гроб-то их ко мне не клади, не позорь меня там. Ить надо же: дошпел, ш пецки меня шнял: иди. Куды иди? Куды иди?

Михеич. Ну, посиди, посиди, отдохни, раз пристала, че ж. Ноги-то болят?

Семёновна. Как же не болят? Как же не болят? Огнем горячим полыхают. Гошподи... не болят, говорит.

Михеич. Ну, чё, старая, дальше поедем?

Семёновна. Доконать меня хочешь?

Михеич. Ага.

Семёновна. Давай, доканывай. Не жалей.

Семёновна пытается встать.

Семёновна. Ну-к отойдите, не держите. Шама.

Проходит по горнице.

Семёновна. Нице, годятша ноги рашхаживать. Их когда рашходишь-то, на их приштупать можно.

Михеич. Ну от. А то на двоих одна моя нога – далеко ли мы так с тобой ускачем? То ли дело теперь: три здоровых, две лечить, поди-ка, можно да одна в запасе.

Семёновна. Ох, увидел бы меня Андрюшка, как я коштыляю, уж он бы пошмеялша... Ох и правда, кому шмех, кому грех.

Михеич. Нам с тобой, старуха, совсем на печку забираться нельзя. Хошь и на костылях, а шевелиться надо. А лето придет...

Семёновна. Хорошо бы, ох, хорошо бы напошледок.

Михеич. Помнишь, как ты раньше поперед всех взбегала на елань?

Семёновна. Помню... как не помню... Ты бы уж, Федор, не поминал, не бередил меня.

Вбегают Надька за ней Настена.

Надька. Слыхала, Максим Вологжин пришел?

Настёна. Слыхала.

Михеич. Ты там не была?

Настёна. Нет.

Михеич. Надо бы сходить... может, он знает чё про Андрея.

Семёновна. Пошел бы ты, штарый, шам. Больше надежи. Она ить и шпрошить как шледует не шпрошит.

Михеич. А что там спрашивать? Будет че сказать, сам скажет.

Семёновна. Ой, да делайте, как знаете.

Сцена 6

Сбор стола на встречу Вологжина с фронта.

Надька. И ведь нашли, паразиты. Проглотили и не подавились. Теперь я их накормлю, теперь вы у меня три дня мышиною крошки не получите. А они ревут ревя. Они меня доведут, я над ними чё-нить доспею. Сами же брюхо набили, и сами же еще ревут, а я виноватая. О-е-ей! Почему пропасти-то на их нету? Вот чем я их дальше буду кормить, чем? У меня муцицы на одну квашонку осталось – и все, потом хоть всем в один мешок завязывайся и в Ангару. Я уж два раза ее, муку-то, со слезами с горькими выписывала, мне ее больше никто не даст. А они хоть бы капельку чё-нить понимали. И ведь Родька-то, балбес, уж не маленький, должен бы хоть немножко чё-то соображать – нет, лишь бы счас наглотаться, лишь бы мать обмануть. Я для себя ее чё ли прятала, для себя берегла? Для них же, паразитов ненаедных, чтоб вам завтра было чё жевать. Чтоб им же с голоду не подохнуть. А теперь хоть подыхайте, раз так – не жалко.

Рассаживаются за стол. Выпивают.

Надька. С возвращением!

Настёна. С возвращением.

Василиса. Ну, Настёна, когда ты своего будешь встречать?

Настёна. Я уж и не верю, что доведется встречать. Потерялся где-то мой...

Акцент на Андрея наверху.

Максим. Кто? Андрей потерялся?

Настёна. Он в госпитале лежал... тоже раненый. А после его обратно, значит, на фронт. С той поры ни слуху, ни духу. Не знаю... Ничего не знаю.

Максим. Ну, найдется.

Михеич. Дак это... всерьез потерялся. Тут с расследованиями приезжали, спрашивали. Нигде, видать, по документам не значится.

Максим. Перехватили где-нибудь по дороге в другую часть. Это сколько угодно бывает. А письмо теперь не всякое до места доходит.

Едят, пьют.

Надька. А её это... в сторону-то сдвинуть можно? *(Показывая на искаленную руку Вологжина)*

Максим. Куда в сторону? Зачем?

Надька. Ну, ночью-то она мешать не будет?

Максим. Мешать будет – Лиза отрубит.

Васелиса. Смотри, Надька, как бы тебя за такие разговоры из колхоза не выгнали.

Надька. Сиди ты. Выгоняла. Как бы вот тебя саму не попёрли. Вот придут мужики, и припухнешь как миленькая. Хватит, покомандовала над нашим братом, покуражилась. Не все коту масленица.

Василиса. Я над вами куражилась? А, бабы? Я куражилась?

Бабы молчали.

Лизка. Слушай ты ее.

Надька. А чё слушай?! Чё слушай?! Не правда чё ли?

Василиса. Не всё, Надежда, что тебе под язык попало, можно на люди высказывать. Фронтовик не успел на родной порог заступить, а ты ему подковырки подбрасываешь.

Надька. Какие подковырки? Он, конечно, первым делом нас с тобой всю ночь станет слушать, какие мы ему сказки расскажем, а про Лизу забудет. У него, поди, одна рука только подбита, остальное в сохранности.

Максим засмеялся.

Надька. Я знаю это ты меня, Василиса, боишься. Бойся, бойся: вот Гаврила твой придет, я его быстренько охомуताю. Я помоложе тебя буду, тебе со мной не справиться.

Василиса. Я за Гаврилу спокойная.

Надька. Чего это ты, интересно, за него спокойная? Святой он у тебя, че ли?

Василиса. Святой не святой, а с тобой займоваться не будет. Зачем ему добрую птицу на сороку менять? Ты же сорока, тебе лишь бы пострекотать.

Надька. Ой, глядите-ка, сравнила! Я сорока – ладно, а ты-то что за добрая птица? Уж не та ли, что вся в черном летает да одно только слово знает?

Михеич. Нет, Надежда. Тебе под Василису не подкопаться, там фундамент глубокий. Гаврила с фронта посылки-то, однако, не тебе шлет. Сколько – посылок пять, однако, в этом году было? Или поболее?

Василиса. Я не считала.

Надька. Она их даже не открывала. Вместо табуреток держит.

Василиса. А это уж не твоя забота, как я их держу.

Надька. Сколько ты, Лиза, от своего красноармейца посылки получила?

Лиза. Ни одной не получала.

Надька. Я бы его после этого на порог не пустила. Чё ж ты тоже, как одна худая птица, без понятия? Еще и радуешься.

Лиза. А мне и не надо никаких посылок. Я сегодня говорю: давайте, говорю, корову забьем, чтобы встретить, дак встретить. Они меня очурали. Рубите, говорю, тогда всех до последней курицы, чтоб я их больше не видала. Они и курицы пожалели. Даст бог, все наживем, только б вместе быть. Я бы одна погибла, не выжила, от тоски бы погибла, а то руки на себя наложила.

Надька. Значит, погибла бы?

Лиза. Загубила бы, загубила.

Надька. А то руки на себя наложила?

Лиза. Ага.

Надька. Чего ты представляешься, Лиза? Это чё же – значит, мне, Катерине вот, Вере, Капитолине – всем нам руки на себя накладывать? Так чё ли? Думаешь, ты его больше всех любила, больше всех ждала? Думаешь, мы их сами потеряли? Ты, Лиза, не была в нашей шкуре и не говори. У меня бы и руки на себя не заржавело наложить, да ребятишек куда? От него только и осталось на белом свете, что ребятишки – как же их-то загубить? Ты не знаешь, как все внутри головешкой обуглилось, уж и не болит больше, а горелое-то куда-то обваливается, обваливается... Ты теперь будешь бабой, женой жить, будешь обниматься, миловаться, а я нет, я только рабочая сила, затычка во всякую дырку, кормилица-поилица, я для себя кончилась. Да если бы знать, что так выйдет, я бы хоть раньше-то всласть пожила, чтоб было о чем вспоминать, а то все на потом, на потом оставляла, долго собиралась припеваючи жить – дооставлялась. Теперь вся память-то, что о войне, эту память ничем не вывести, остальное уж вымыло или высохло – нету.

Лиза. Ой, не судите меня, бабоньки, я чё-то не то сказала.

Надька. Чего тебя судить? Живи за всех за нас, раз ты такая везучая. Но гляди: плохо будешь жить – берегись. Не пожалеем – это я тебе точно говорю. Я первая тебе яму зачну копать. Мы не виноватые, что наши мужики там полегли. Правда, Максимушка, не виноватые? Скажи ты нам.

Максим. Не виноватые.

Надька. Вот. У нас есть за что на судьбу обижаться. До самой смерти теперь мы на нее будем зло держать. А тебе, Лиза, не за что. Вам сейчас только жить да радоваться, у вас все от самих себя зависит. И если чё не так, знай: ты допрежь всего нам в глаза тычешь, что у меня, у нее, у нее так же могло сложиться, если бы судьба нас и пожалела. А нам это видеть нельзя. Мы ничё такого знать не хотим – понятно?

Лиза. Скоро она кончится, война-то? Ты, Максимушка, оттуда, скажи ты нам – долго еще ждать?

Надька. Для тебя она кончилась.

Лиза. Почему это она для меня кончилась? Думаешь, если он здесь, так мне и дела больше ни до чего нету? Ты скажешь. Я не бесчувственная какая-нибудь, что всем плохо, а мне хорошо. И не на заимке живу, чтобы дальше глаз своих не видать, а с народом.

Максим. Скоро, бабы, скоро. Сами знаете, наши до самой Германии уж дошли. Теперь додавят.

Лиза. А не заворотят? Немец тоже под Москвой был, а прогнали.

Максим. Заворотят? Нет, не заворотят, Лиза. Я обратно с одной рукой пойду, одноногие, покалеченные пойдут, а не заворотят. Хватит. Невозможно, чтобы заворотили, не позволим. Не на тех нарвались.

Василиса. Четыре года – куда больше? И мы тут поизносились.

Надька. Чё-то по тебе не видно, что ты поизносилась.

Максим. Ох, Надежда... Кто бы тебе язык укоротил? Серьезный разговор идет, а она свои колючки тычет.

Лиза. И нам досталось. Верно, бабы, досталось? Тошно вспоминать. В колхозе работа – это ладно, это свое. А только хлебушек уберем – уж снег, лесозаготовки. По гроб жизни буду помнить я эти лесозаготовки. Дорог нету, кони надорванные, не тянут. А отказываться нельзя: трудовой фронт, подмога нашим мужикам. От маленьких ребят в первые годы уезжали... А кто без ребят или у кого постарше – с тех не слазили, пошел и пошел. Настёна он ни одной зимушки, однако, не пропустила. Я и то два раза ездила, на тятю тут ребяташек бросала. Навалишь эти лесины, кубометры эти, и стяг с собой в сани. Без стяга ни шагу. То в сугроб занесет, то еще что – выворачивай, бабоньки, тужься. Где вывернешься, а где нет. Настёна он не даст соврать: в позапрошлую зиму раскатилась моя кобыленка под горку и на завороте не справилась – сани в снег, набок, кобыленку чуть не сшибло. Я билась, билась – не могу. Из сил выбилась. Села на дорогу и плачу. Настёна сзади подъехала – я ручьем заливаюсь, реву. Она пособила мне. Пособила, поехали

вместе, а я никак не успокоюсь, реву и реву. Реву и реву, ничё не могу с собой поделать. Не могу.

Максим. Лиза, Лиза!

Лиза. Не буду, Максимушка, не буду. Это я от дурости. Вы разговаривайте, я не буду. А облигации? Последнюю картошку весной в Карду леспромхозовским возили продавать – только бы рассчитаться, на что подписались, только б фронту подмогчи. Все, думаем, легче им там хоть сколько будет. А ты тут как-нибудь, в нас не стреляют, не убивают. Да чтоб ему, фрицу проклятому, и на том свете покою не было. Пускай ему отломится за все, за все наши мучения.

Надька. Кто из нас, непонятно – я или ты сегодня мужика дождалася?

Лиза. Я, Надька, я. Больше не буду.

Михеич. У нас все шиворот-навыворот. Что за народ! На войну мужиков провожали – пели, а встречаем – как на похоронах. Хватит нам Надьку слушать, давайте песню.

«Хазбулат удалой...». Разбирают стол после гулянки.

Сцена 7

Михеич рубит дрова, Настёна помогает ему – складывает в стопку. Настёна вспоминает, как Михеич собирался взять ружьё, но не нашёл его.

Михеич. Тебе, дева, не попадалась на глаза Андреева тулка? Все перерыл как сквозь землю провалилась *(пауза)*. Нигде не видала?

Настёна. Видала. Я ее выменяла, тятя.

Михеич. Продала? Когда выменяла, кому?

Настёна. Давно уж. Все боялась сказать тебе, боялась, что будешь ругаться. Когда отвозила уполномоченного в Карду... Он посмотрел, оно ему поглянулось. Пристал: давай поменяемся, я тебе часы, ты мне тулку.

Михеич. Чё ты, дева, собираешь? Кто посмотрел? Кто уговорил? Ничё не пойму.

Настёна. Какой-то мужик в Карде. Я его не знаю, помню, что в военной шинельке был.

Михеич. Дак ты его, ружье-то, с собой, чё ли, брала?

Настёна. С собой. Думаю, ну как обратно в темноте придется ехать, боязно.

Михеич. И поменяла?

Настёна. Поменяла.

Михеич. Ты, Настёна, не шутку надо мной шутишь? Ты правду говоришь?

Настёна. Правду. Сразу надо было... все откладывала, боялась.

Михеич. А ты как думаешь: Андрей придет, он нам спасибо за твою продажу скажет? Или как?

Настёна. Придет – наживем, поди. Я ж хотела как теперь выпутаться, я не для себя.

Михеич. Наживем... Ну и?

Настёна. Счас... *(приносит часы)*. Вот.

Михеич. Это... чё тако?

Настёна. Часы. Это часы... Я его, ружье-то, вроде как поменяла. А часы легче продать, они, тот человек сказывал, особенные, иностранные, их шибко ценят. Ты погляди, они на трех стрелках. Погляди: большая-то тонкая стрелка прямо на глазах бежит, так и скачет, так и скачет. Я таких сроду не видывала. Вот ведь до чего додумались, до какой красоты... и всегда правильно показывают, не врут. А в темноте они светятся, вот эти точки прямо белым огнем горят, все видно.

Михеич. Ружье – на часы, на игрушку... Ну и ну.

Настёна. Часы легче продать. Ружья здесь у каждого, а часы... да еще такие часы... Их с руками оторвут, только покажи.

Михеич. Вот тебе, дева, следовало бы за это кой-чего оторвать. Чтоб думала маленько, а не кидалась сломя голову незнамо на что. Кому ты их продашь, кому они нужны?! Солнышко он ходит. В темноте светятся. А на что он мне, этот свет? Вшей при ём бить?

Настёна. Иннокентий Иванович купит. Я знаю, они поглянутя ему, он любит такое. Да еще как выпрашивал.

Михеич. За сколь, за сколь?

Настёна. За две тыщи.

Михеич. Ну и чё не отдала, если такой дурак находился?

Настёна. Они, может, побольше стоят.

Михеич. Вот и ищи за побольше. Погляжу я, как ты найдешь. Две тыщи рублев... Он, уполномоченный-то твой, в дурачки, поди-ка, с тобой играл, ты поверила. Ладно...

Заходит Надька.

Надька. Я за скатертью. Настён, там поесть ничего не осталось для ребятишек?

Настёна собирает еду детям. Передает еду Надьке.

Надька. В дети не хочешь взять?

Настёна. Зачем я у тебя буду брать? Я, может, сама скоро рожу – ты же не знаешь.

Надька. Чё же ты раньше не рожала?

Настёна. Не хотела.

Надька. Ишь ты: не хотела. Пережидала, когда война пройдет – так что ли? Хитрые, погляжу я, вы все. Нет чтобы мне шумнуть, что, мол, война готовится, я бы тоже, глядишь, не стала бы каждый раз их таскать, попрдержалась бы. Куда мне, это ж какое терпенье надо! Мне волю дай, я бы каждый год их таскала. И еще на второго оставалось бы по три месяца – я удобристая, с первого раза завожусь. У меня всегда все наготове. Не то что у некоторых. Мне если б не беречься, я бы тут цельный ребятник развела – успевай только принимай да корми. За мной бы никакой гарем не угнался. Слышала про гарем? Мне Витя про него из книжки рассказывал. Что это за бабы такие, что одному мужику их много надо? И вот он ходит, петушится перед имя: захочу – выберу, не захочу – ост авлю тосковать. Пускай бы он надо мной покрылил, я бы с него петушиный гонор-то сбила, я бы ему, капиталисту бабьему, показала, где раки зимуют. Что это, правда, за бабы, что их табун надо держать, чтоб ребятишек маленько развести? Я бы им одна нос утерла.

Надька уходит.

Михеич. Ты, Настёна, правда не знаешь, где Андрей?

Настёна. Андрей? А откуда я буду знать? Почему ты спрашиваешь?

Михеич. Не знаешь, значит?

Настёна. Ничего не знаю. То же и знаю, что ты. Откуда мне еще знать? Мы, кажись, в одном доме живем.

Михеич. Я подумал, что ты, может, че другое знаешь. Может, че сказать не хочешь. Дак ты это... скажи, Настёна. Мне одному скажи. Не скрой.

Настёна. А что говорить-то? Что я тебе, интересно, скажу? Если б было что сказать, я бы не сказала, что ли? Я столько же знаю, сколько ты.

Михеич. Да я спросил только... А спросил из-за того, что какая-то не такая ты за последнее время сделалась.

Настёна. Какая не такая?

Михеич. Вроде как сама не в себе. Может, показалось... Но я ни в жисть не подумал бы, что ты без спросу ружье на какие-то часы станешь менять. В тебе раньше этого не было. Че-то с тобой, дева, деется – окромя ружья видать. Как вроде че-то ты все время боишься... торопишься все время... Может, ты уйти от нас собираешься?

Настёна. Не-ет, куда мне уходить? Поживу, покуда сами не выгоните.
Скоро кончится, поди, война - что-то будет.

Михеич. Где от он?

Настёна. Я не знаю, где он, я сказала.

Михеич. Да я уж не у тебя, дева, спрашиваю.

Ангара и Волк собирают Настёну.

Ангара. Сборы заняли у Настёны не больше десяти минут, а ей показалось – час – до того не терпелось бежать.

Сцена 8

Этюд «Неожиданное известие».

Андрей. Что прибежала-то? Ничего не стряслось?

Настёна. Что прибежала-то? К тебе прибежала – вот что! Он еще спрашивает! Ничего не стряслось.

Андрей. Отчаянная ты. Я и не знал, что ты такая отчаянная. Сегодня зверя и того из норы не выгонишь, а ты осмелилась.

Настёна. Ты вообще ничего не знаешь. Живешь, как крот, в потемках и жену свою не разглядишь.

Андрей. Как крот. Проголодалась, поди? Обедать будем? Или ужин скоро, я все перепутал.

Настёна. Чем ты меня интересно собираешься кормить?

Андрей. Ушицу можно сварить. Я тут взялся рыбалить помаленьку.

Настёна. Только я на улицу больше ни за что не пойду.

Андрей. Сиди, я сам.

Настёна. Я вижу, ты здесь живешь, однако, получше, чем мы.

Андрей. Да вот вчера подфартило. Как нарочно, для тебя. Фартовая, выходит, ты.

Настёна. Ну, еще бы не фартовая. Андрей, знаешь что?

Андрей. Что?

Настёна. Ладно, потом. Закрывай скорей дверь.

Андрей. Закрыл, закрыл. Вроде послабже дует.

Настёна. Ага, послабже.

Андрей. Все еще не согрелась, что ли?

Настёна. Я согрелась, а как вспомню, что скоро обратно бежать, всю прямо дрожью обдает. Сюда-то до смерти пристала.

Андрей. Побудь подольше, отдохни. Одна ты не пойдешь, я тебя доведу.

Настёна. Как же подольше-то, Андрей? Я и так сорвалась, никому ни слова, ни полсловечка. Меня уж теперь, поди, потеряли. Прибегу

середь ночи – кому это понравится? Я и без того приповадилась по ночам шастать. Вот, думаю, невестка...

Андрей. Тяжело тебе, Настёна?

Настёна. Да нет. Вот за тебя сердце болит. А сама я что? Я дюжая, сколько надо, смогу. Без тебя-то, думаешь, легче что ли было? Каждый божий день обмирать – живой ты сегодня или нет. Тут я хоть знаю, что живой.

Андрей. Может, нам пока не видаться, чтоб ты отдохнула маленько? У меня все есть, я проживу.

Настёна. Ты почему такой-то? Отдохнула, говорит. А ты спроси, хочу я отдыхать? Скоро и так Ангара раскиснет, потом покуда пройдет, покуда установится – наотдыхаемся, успеем. Если и тебя еще не видать – что мне тогда остается? Ничегошеньки ты не знаешь. Забеременела, кажется, я, Андрей.

Этюд «Ангара и Волк» (завихрения).

Андрей. Что?! Что-ох! Ты это правду... правду говоришь?

Настёна. Точно еще не знаю. Но никогда так не бывало. Кажется, правду.

Андрей. Что ж ты молчала? Нас-тё-на! Вот это да! Черт возьми! Это что ж теперь такое?! Ты понимаешь? Ты понимаешь, Настёна? Вот оно, вот... Я знаю... теперь я знаю, Настёна: не зря я сюда шел, не зря. Вот она, судьба... Это она толкнула меня, она распорядилась. Как знал, как знал – ты понимаешь? Как чувствовал. А еще, дурак, боялся. Да ради этого... Это ж все – никакого оправдания не надо. Это больше всякого оправдания. Пускай теперь что угодно, хоть завтра в землю, но если это правда, если он после меня останется... Это ж кровь моя дальше пошла. Не кончилась, не пересохла, не зачахла. А я-то думал, я-то думал: на мне конец, все, последний, погубил родову. А он станет жить, он дальше ниточку потянет. Вот ведь как вышло-то, а! Как вышло-то! Настёна! Богородица ты моя!

Настёна. А я? Как же со мной-то быть? Я же середь людей живу – или ты забыл? Что я им, интересно, скажу? Что я скажу твоей матери, твоему отцу? Они ведь, наверное, спросят, поинтересуются.

Андрей. Не знаю (*пожал он плечами*). Плевать нам на все.

Настёна. Тебе хорошо плевать, ты здесь один.

Андрей. Что такое ты говоришь, Настёна? Ты сама-то не радая, что ли?

Настёна. Я радая, да как теперь быть-то? Куда мне себя девать? Ведь это скоро на глаза ползет, откроется.

Андрей. Помнишь, сколько мы ждали, сколько надеялись?

Настёна. Помню... как не помнить. Ты почему такой-то, Андрей? Что ты меня уговариваешь? Не я ли ночи напролет молилась, все просила ребёночка от тебя. Не я ли до смерти боялась остаться сухойстойной? Грех-то на меня ложился, не на кого-нибудь, ты понадеялся, взял за себя, а я – вот она такая свиристелка, полюбуйте на нее. Господи! Но ведь тебя же нет! Тебя нет, Андрей, нет! Ты не велишь мне ни одному человеку шепнуть, что ты здесь. Ну нет – значит, нет, я молчу и молчать буду. Я понимаю. Но ведь тогда и ребенок, если он будет, не твой. Чей угодно, только не твой. Тебя нет, и неизвестно, живой ты или неживой. Может, твои мать с отцом мне спасибо скажут, когда я им без тебя в подоле принесу? Может, люди пожалеют? Тут на меня самая распоследняя собака ветер понесет – и правильно, гляди, на что идешь. Трудно, однако, одной от людей будет с моим грузом – боюсь не справиться, Андрей. Я не знаю, Андрей. Не знаю, что делать. Растерялась.

Андрей. От судьбы, Настёна, никуда не уйдешь. Хошь делай, заделайся поперек ей, а она на своем поставит. Это ж она меня с войны сняла и сюда направила. Она. Может, против сил моих направила, чтобы успеть нас до смерти моей свести. Ты думаешь, легко мне здесь зверюгой лесной.

Этюд «Вой Волка».

Прятаться? А? Легко? Я здесь по-волчьи научился выть. Хочешь, покажу? Похоже? Похоже? Знай, что это я, когда услышишь. А волков я тут давно распугал, все, наверно, на ваш берег сбежали. Ишь какую забаву нашел. От безделья, думаешь? Нет, Настёна, не от безделья – от другого. От веселой жизни. Что ж ты последнюю надежду от меня отымаешь!

Настёна. Да ведь его, может, еще и нет. Я сказала, что еще не точно. Надо подождать.

Андрей. На нет и суда нет. А есть – оставь, не губи. Спаси мою душу. Ты знаешь, как было. Что ни перед кем ты не виноватая. Что и со стороны отца он тоже твой родной ребенок. Этим себя охраняй, этим спасайся, этим. Конечно, не сладко тебе придется. А сейчас-то, сладко разве?

Настёна. Я не жалуюсь.

Андрей. Что жаловаться – так видно. Давно уж, с третьегодняшнего лета, помню я про тебя один сон. Все там осталось на месте – и где мы стояли, и люди, которые со мной вместе воевали – с чем вокруг себя лег спать, то и увидел во сне. И вот будто лежу, а от бере-

зок – там недалеко березки стояли – идет ко мне девчонка. Совсем вроде незнакомая. Идет в обтрепанном платьишке, заморенная, босиком – ничего твоего нету, а я почему-то знаю, что это ты.

Настёна. Это я и была. До тебя еще, когда ты меня не знал. И волосы как у мальчишки подстриженные?

Андрей. И волосы подстриженные.

Настёна. Я.

Андрей. Но как же? Раз я тебя такой не видывал – как ты мне в точном облике явилась?

Настёна. Не знаю. Может, рассказывала. Но это я была, я.

Андрей. Да я и толкую, что знал почему-то, что ты. Подходит и говорит: «Чего это ты здесь застрял? Я там с ребяташками замучилась, а тебе и горя мало». – «Какие, – спрашиваю, – у тебя ребяташки? Откуда они у тебя взялись? Что ты собираешь? Иди обратно и проверь, есть они у тебя или нет?» Она пошла.

Настёна. И ушла?

Андрей. Вроде послушалась, ушла. И опять стоит. И опять, как в первый раз, с той же придурью: «Я, мол, там с ними замучилась...» Я ей посуровой отвечаю: «Иди и не приставай больше ко мне – нет у тебя никаких ребяташек». Она вроде поймет, задумается так, назад повернет. И сон-то какой-то просветный: будто я и во сне тоже хочу уснуть. И не успеваю. Глаза закрою и сквозь них вижу: обратно ко мне от тех же березок идет. И одно по одному, одно по одному. Извела она меня в ту ночь.

Настёна. А в конце? Что ты сказал ей в конце? В последний раз?

Андрей. Не помню. То же самое, наверно, и сказал. А что я мог сказать?

Настёна. Мог бы пожалеть, не перечить.

Андрей. Зачем?

Настёна. Ни за чем. Сколько ведь просила. У вас там еще пушки стояли. А в низинке, откуда я к тебе подымалась, стояли машины. Большие такие, зеленые. Ты спал на потнике, а укрывался поверх шинели брезентом. Ты с краю лежал, а рядом лежало то ли трое, то ли четверо твоих товарищей. Я подходила как раз с твоего краю...

Андрей. Откуда ты знаешь?

Настёна. Я тоже видела этот сон. Со своей только стороны. Надо же так?! А меня бабка одна надоумила. Какая бабка – хоть убей, потеряла из памяти. Иди, говорит, к нему и скажи о ребяташках. Если признает, согласится – так тому и быть, откажется – останетесь при своих интересах. Я пошла. Ты ни в какую. Я уйду и опять ворочаюсь и опять ворочаюсь, а ты никак в толк не возьмешь: нет и нет.

Я хочу намекнуть и не могу. Ты сердисься на меня, гонишь. А вот как было в последний раз, не помню. Помню, что пошла уж в своем, а не в девчоночьем виде, чтоб на тебя подействовать. Приходила я к тебе такая?

Андрей. Приходила.

Настёна. И что ты мне сказал?

Андрей. Не знаю. Не помню.

Настёна. Что-то ведь должен был сказать?

Андрей. Наверно, должен.

Настёна. Ишь как! Самого главного-то и не узнали. Что тебе стоило согласиться или на худой конец промолчать? Теперь бы все по-другому было.

Андрей. Не хватало еще верить во всякие сны.

Настёна. Сон-то сам видишь какой. На две стороны. В одну ночь, поди, и приснился обоим. Может, то душа моя к тебе наведывалась. От того все так и сходится. И ни разу, ни разу ты меня после того с ребятенком не видел? Вспомни хорошенько.

Андрей. Нет, ни разу.

Настёна. Забылось, может? Перебило чем похлеще... войной этой. Она все под собой топит.

Андрей. Нет, это я бы, наверно, не забыл. Помню же вот, как ты приходила. Два года помню.

Настёна. А конец все равно потерял? Как его теперь угадать?

Андрей. Конца, наверно, никакого и не было. Судьба его нарочно нам оставила. Чтоб не во сне, а в жизни показать. Показать, а там – хошь имайся, хошь не имайся. Как хошь.

Настёна. Что-то много ты стал о судьбе говорить. Раньше я вроде не замечала, чтобы ты ее когда-нибудь поминал.

Андрей. Заговоришь... Ты тоже: нашла чем попрекать. Заговоришь, когда вот она рядом, в ногах примостилась. И ни на шаг от тебя. Обуздала как миленького. Что хочет, то и делает.

Настёна. У меня и в мыслях не было тебя попрекать. Само сказалось.

Андрей. А теперь она еще и тебя в упряжку ко мне подстегнула. Посмотрю я на тебя, как ты от нее вывернешься.

Настёна. Зачем мне выворачиваться? Я с тобой. Если уж что, так вместе.

Воспоминание Андрея о войне, он задумался и застонал.

Настёна. Андрей, что ты?! Что ты?! Что с тобой?!

Андрей. Ничего. Ничего, Настёна. Ты здесь, ты со мной. *(Но он все еще боялся, что только что привидевшийся ему бой и есть настоящее, и продолжал озирается.)*

Настёна. Что ты подумал? Дурачок ты, больше никто. Выдумал что-то. Это, может, тебе со мной плохо, а про меня не говори. Мне всегда с тобой хорошо, всегда – так и знай. Я и подумать не смею, чтобы я без тебя жила. Как это – без тебя? И все эти годы, покуда я тебя ждала, я же тебя ждала, не кого-нибудь.

Андрей. Господи, что я наделал?! Что я наделал, Настёна?! Не ходи больше ко мне, не ходи – слышишь? И я уйду. Совсем уйду. Так нельзя. Хватит. Хватит самому мучиться и тебя мучить. Не могу.

Настёна. Нет уж. Ты уйдешь, а я? Что со мной будет – ты подумал? Куда я со своей виной? На люди ее не понесешь. Давай уж вместе. Погодим, Андрей, погодим, не торопись. Может, все обойдется, должно обойтись. Моя мать давно еще говорила: нет такой вины, которую нельзя простить. Не люди они, что ли? Кончится война – посмотрим.

Ангара. Высоко в небе над Ангарой маленькой точкой парил, что-то высматривая и надумывая, ястреб, и Настёна впервые в жизни невесть с чего пожалела эту вредную птицу: тоже не сладко дается ей хлеб. Настёне вообще в последнее время казалось, что никого осуждать она не имеет права – ни человека, ни зверя, ни птицу, что всякий живет своей, но не зависящей от него, подневольной жизнью, изменить которую он не в силах.

Действие второе

Сцена 9. Победа

Ангара. Ангара, выпростившись ото льда, завораживает, затягивает своим движением и синью, что сейчас, когда человеческая душа, как в никакое другое время отзывчива и ответна.

Волк. И день, хмурившийся с утра, тоже распряднился: растаяли в небе облака, и укрепло, разгорелось солнышко, осияв все под собой веселым торжественным светом.

Раздается пальба. Выбегает Бурдак со знаменем. Кричит: победа!

Семёновна. Гошподи! Ужели вправду дождались? Теперь, поди-ка, должны шказать, где Андрюшка-то наш?

Михеич. Должны, старая, должны.

Семёновна. Теперь вших по домам рашпуштят... по матерям, по женам...

Михеич. Сразу всех распускать нельзя.

Семёновна. Пошто нельзя?

Михеич. Пошто... Мало ли что может произойти. Без войска не положено.

Семёновна. А в той войне вот так вот шпокой не объявляли. Никто не знал, концилашь, не концилашь... Германца брошили, промежду шобой схватилишь, да ишо тошной того. Так боле миру, почитай, и не было. За коммуны билишь, за колхозы. Ни дня, однако што, не было шпокою.

С улицы доносились выкрики, кто-то проскакал, наяривая коня, кто-то незнакомым мужским голосом отрывисто запел:

Мы с железным конем

Все поля обойдем –

Соберем, и посеем, и вспашем.

Михеич. Из Карды... который известие привез. Накачали на радостях. Ему не уберечься, нет... В кои-то веки...

Бурдак. Лю-у-ди! Выходи все на де-мон-стра-рацию! Гитлер капут!

Наша поступь твер-р-да,

И вр-рагу никогда

Не гулять по республикам нашим.

Эй, кто живой, кто мертвый! Все в избу-читалку на собрание! На собрание-заседание-отмечание! Михеич! Где ты? Настёна!

Михеич. Но-но. Чё так орешь?

Бурдак. На собрание-заседание-отмечание. По случаю Победы. Срочный приказ. Что есть, чего нету – тащите с собой в избу-читалку. Складчина. Тарасун, Михеич, тащи. Не жалей. Тарасун, говорю, тащи – понятно?

Михеич. Понятно, понятно. Тарасун тебе. Боле ничё не надо? Все бы тарасунил.

Семёновна. Ой, дикошарый. У их, у агаповшких, вше любят трезвонить, но этот шовшем дурной.

Михеич. Иди, Настёна. И тарасун есть. Иди. Я опосля тоже загляну. Седни грешно дома сидеть. А тарасун в подполье, по правую руку за доской – доставай. Пускай празднуют. И ты попразднуй. Иди.

Семёновна. Ты тарашун отдашь, а Андрюшка придет, це подавать штанешь?

Михеич. Андрюшка придет – найдем. Когда ишшо это будет? А сегодняшнего дня боле не будет. Лезь, Настёна, доставай.

Настёна. Михеич, дождались!

Бурдак. Дождались. Нету известий от твоего?

Настёна. Нету. Нету. Ни слова, ни полсловечка. Может, ты знаешь, где он – скажи?

Андрей с Волком наблюдают за праздником.

Бурдак. Чудишь ты, бабонька, чего-то.

Настёна. Если что – говори, не скрой. А я – тебе скажу. Не сомневайся, скажу. Давай, тятя!

Михеич играет на балалайке. Поют частушки.

Лиза. Ты чё, Настёна, ты чё. Радая?

Настёна. Радая.

Лиза. Ждешь своего Андрея?

Настёна. Жду.

Настёна поцеловала Максима.

Максим. Кто еще? Подходи, пока Лиза добрая.

Лиза. Я те дам добрая! Я только Настёне позволила да и то взаимы, до Андрея, а боле никому.

Максим. Люди! Люди! Я не мастер говорить, сейчас бы нам кого другого послушать. Да и что говорить! Что говорить, когда победили! Не придумали еще таких слов, чтоб сказать. Выстояли, выдюжили и пошли, сломали спинной хребет лютому зверю, проклятому Гитлеру. Я там был, я знаю, что там творилось. Сердце кипит... Вы все знаете. Сейчас все мои товарищи, все как один бойцы, кто живой, стремятся домой, чтобы двинуть нашу жизнь дальше. Много у нас потерь. Там, где прошла война, земля поднялась от могил. Земли стало больше, а рук меньше. Что говорить?! Нам ни за что бы там не выдержать без вас, кто оставался здесь. Потому что мужик воюет, а баба кормит, мужик ненавистью на врага исходит, а баба за тыщи верст сердце его собой да семьей мягчит, чтоб не взялось то сердце камнем. Ни черта бы мы без вас не сделали, и не было бы счас этого дня. Великая наша страна, огромная страна, а без нашей Атамановки не обойтись. И мы там воевали, и вы здесь подмотали. Поднимитесь, люди, взглянем во все глаза на сегодняшний день и на веки вечные запоним его. Не было еще такой войны, а стало быть, не было такой победы. Отметим, люди.

Нестор запел:

Наша поступь тверда,

И врагу никогда

Не гулять по республикам нашим.

Все выпивают.

Максим. Нагуляемся еще, бабы, нагуляемся. Где наша не пропадала!
Все будет. Скоро придут мужики...

Надька. Кому приходиться-то?

Максим. Ну...

Бурдак. По моим сведениям, должно прийти шесть человек.
Это с Андреем Гуськовым, который без вести пропавший.

Надька. Кто да кто еще?

Бурдак. Да что мы, не знаем что? Чего спрашивать!

Надька. А моего почему не считаешь? Или считать дальше не умеешь, счетный работник?

Василиса. Потому что ты извещение получала.

Надька. Ну и что, что получала? А ты считай. Он придет. Я говорю: он придет. Вот увидите. Не надейтесь, что не придет. Придет и собьет твой счет. Так что считай сразу. Не шесть, а семь – так и говори. Про твоего не знаю, а мой придет.

Василиса. А что – все бывает... Он в Карде у сватьи Настасьи...

Надька. А в Братском, сказывают, две похоронки на мужика пришло, и везде будто по-разному убитый. А он возьми и на порог... Вот и верь.

Девушки начинают петь «По Муромской... потом парами расходятся, и Настёна остаётся одна на пристани.

Сцена 10. Третья встреча с Андреем

Настёна на берегу Ангары.

Андрей. Что же ты ее так оставляешь? Унесет. А я знал, что ты сегодня будешь, с утра знал. Услышал утром голоса на протоке и узнал тебя. Догадался, что приплывешь. И весь день караулил. Потом вижу: гребешь.

Настёна. Тише ты, медведь, раздавишь. Не видишь, что ли?

Андрей. Есть?

Настёна. Каши, думаешь, наелась?

Андрей. Ничё еще непонятно.

Настёна. Ну уж, непонятно...

Настёна. Понятно?

Андрей. Вроде чё-то есть.

Настёна. Вроде... Сам ты вроде. Еще как есть. Я уж знаю: это парнишка.

Андрей. Знаю. Откуда ты знаешь?

Настёна. Спорим на девчонку, что парнишка?

Андрей. Роди сперва этого.

Настёна. Рожу. Чё ж не родить? Еще не бывало такого, чтоб там оставался.

Андрей. Не нравлюсь, что ли?

Настёна. Андрей... Андрей, ты не знаешь еще: кончилась война.

Андрей. Знаю.

Настёна. Как знаешь? Кто сказал?

Андрей. Слышал ваш салют.

Настёна. А-а, стреляли... ага.

Андрей. У меня теперь глаза и уши такие стали... дале-о-ко вижу и слышу. Самому себе завидно. Утром вы еще по большой Ангаре греблись, а я уж знал: плывут. И вон откуда, с горы, от зимовья, услышал. А как на протоку вышли, и тебя определил.

Настёна. А я тебе ничего почти и не смогла привезти. Так, хлеба маленько да яичек. Боялась, чтоб не заметили.

Андрей. Мне и не надо. Теперь проживу, тайга накормит. Мне только сетку надо, Настёна. Мошка вот-вот загудит. Заест она меня без сетки.

Настёна. Сетку... И правда, как я забыла про сетку?

Андрей. Привезешь в другой раз.

Настёна. Привезу...

Андрей. Ну, в зимовье пойдем, нет?

Настёна. Далеко, поди. Лодку брошу... не угнал бы кто.

Андрей. Кому здесь...

Настёна. Кончилась война – что теперь-то с нами будет, а, Андрей?

Андрей. Не знаю.

Настёна. А кто за нас будет знать? Что-то надо делать, Андрей.

Андрей. Что ты хочешь, чтоб я делал?

Настёна. Почему же я хочу... Не я... Но... ничего не делать или как? Ты скажи.

Андрей. Что делать? Тебе – рожать, вот что делать. Умри, но роди: в этом вся наша жизнь. Делай что хошь, но знай, что тебе надо родить. К этому и готовься. А мне? Что мне делать? Ты, поди, не один раз подумала: ни черта бы там со мной не доспелось. Не отказывайся, я знаю. Я сам так думаю. Оно теперь, когда война кончилась, дивля так думать. Может, правда, ни черта бы не доспелось. Выжил бы, пришел. А если доспелось бы и я счас бы тут с тобой не сидел? Никто не знает. А я сижу. И ты не спрашивай, не толкай меня делать. Сделать я могу только одно. погоди, не перебивай. Я знаю, я верю тебе. Я тогда как сказал: до лета. Вот оно и лето прикатилось. Давно ли ты ко мне по заметели бежала, а сегодня

уж по воде. Пропасть, Настёна, не штука, все равно от этого никуда не деться. Я за эти четыре месяца здесь прожил все сорок годов. Да тридцать своих. Пропасть, я говорю, не штука, но я должен знать, что не зазря пропадаю. Мне верить охота, что я еще пригожусь тебе, что ты прибежишь сюда не для меня, а для себя. Чтоб полегче тебе стало.

Настёна. А я и счас не знаю, для кого прибежала.

Андрей. На все плюнь, обо всем забудь – рожай. Ребенок – все наше спасенье. Ты тоже в этом деле моем немаленько заляпана. А ты совестливая, тебе беспокойно. Родишь – будет легче. Ребенок спасет тебя ото зла. Да разве есть во всем белом свете такая вина, чтоб не покрылась им, нашим ребенком. Нету такой вины, Настёна. Так и знай. Я ждал тебя, каждый час ждал, чтоб сказать: готовься. Возьми сердце в камень, завяжись в узелок, зажми уши и не слушай, что на тебя понесут. Я знаю: тебе придется ходить по раскаленным углям... вытерпи, Настёна. Но чтоб ему не повредило. А станет невмочь – прибегай. Прибегай. Я тебя буду ждать. Я для тебя и буду жить, больше мне тут делать нечего. А станут совсем донимать тебя – всех порешу, всех пожгу, родную мать не пожалею...

Настёна. Андрей! Андрей!

Андрей. Может, схожу на Лену.

Настёна. На Лену? Зачем?

Андрей. У меня там был дружок, вместе воевали. Коля Тихонов.

Настёна. Как же ты пойдешь?

Андрей. Прикинусь, что издалека. Деревушка у него махонькая. Посижу, поговорю и обратно. Мне страшно, Настёна, далеко от тебя отрываться, я только возле тебя и дышу. Утром просыпаюсь и думаю: что счас Настёна – поднялась или нет? Днем брожу и думаю: где счас Настёна? Какими словами она меня поминает? И говорю: терпи, Настёна, терпи. И молчи. Не дай бог тебе кому сказать. Ты уж и не жена мне – с женой дома живут, ты для меня весь белый свет, все на тебе сошлось-съехалось. Не разомкнуть.

Настёна. Не говори так, Андрей, зачем ты?

Андрей. Я намолчался, мне охота поговорить. Помнишь, на ильин день косили мы с тобой за речкой, в кочках? Показалось, на своем покосе мало, пошли туда. Жарко, пауты донимают, размахнуться литовкой нельзя, ровного места нету. А хуже всего – не знаем, надо косить, не надо. Вроде праздник. Люди гулять не гуляют,

но и не работают. И гром, как водится, в Ильин день, вот-вот рывкнет. Помнишь?

Этюд «Покос».

Настёна. Помню, как не помню? Это в последнее лето перед войной было. Ты в то лето со счетоводов ушел, Иннокентий Иванович на твое место заступил.

Андрей. Ага. Ходим и злимся друг на дружку. А из-за чего, из-за какой холеры злимся и сами не знаем. Погляжу на тебя и думаю: что бы такое сказать, чтоб заплакала, а я бы тогда добавил, отвел душеньку. И ты, вижу, косишься, губы поджала. А что бы, кажется, догадаться: давай бросим, ну ее к лешему, работу эту и пойдем в деревню. Нет, затаились, пыхтим и молчим. И вдруг вместо грозы откуда ни возьмись дождик, да такой ласковый, теплый. Не из чего, тучки-то на небе не было ни одной. Это уж потом опустилась пасмурь, а до того чисто, как стеклышко. Мы с тобой остановились и друг на дружку посмотрели. Помнишь? И так хорошо, так радостно стало, что дождик, что мы с тобой одни и что не успели поругаться. И будто другие люди тут до нас были, а мы только что встретились. И не у одного, у обоих сразу такая перемена. Что вот, что было? Неужто из-за дождика все, из-за того, что работать не надо?

Настёна. Потом пошли на горох...

Андрей. На горох пошли поздней. Бросили литовки – и друг к дружке. И дождик-то какой-то не мокрый был, летит и на лету тает. Вроде как дымный или святой какой. Может, правда, это он нас заморозил. А на горох ты позвала, я тогда куда хошь бы пошел за тобой. Вот ведь что вспомнилось...

Настёна. А это мы сидим сейчас, Андрей? Или те, другие, которые косили?

Андрей. Не знаю. Не те и не другие, наверно, а третьи. Была война... все было. Нет, это мы, мы, Настёна. Сейчас это мы. Иначе я бы не вспомнил. Это мы. Это не пропало совсем. Не одно плохое у нас было, было и хорошее – правда же, было?

Настёна. Зачем же помнить плохое?

Андрей. Все надо помнить, Настёна. Все надо помнить, но плохое, как срамное место, без нужды показывать не надо. Скажи, Настёна, как я появился здесь, никого из деревни не убило? Не было похоронок?

Настёна. Как ты появился?

Андрей. Ага.

Настёна. Кажется, нет. Нет, не было. Последний был Володя Сомов. Осенью еще.

Андрей. Ну-ну.

Настёна. Не топишь ты здесь, что ли?

Андрей. Печки нетути.

Настёна. Андрей, может, не надо, а? Может, не будем так, выйдем? Я бы пошла с тобой куда угодно, на какую хошь каторгу – куда тебя, туда и я. Так я больше не могу. И ты не можешь, ты посмотри на себя, какой ты стал, что ты с собой сделал? Кто тебе сказал, что расстреляют? Война кончилась... и без того задохнулись в смертях...

Андрей. Избавиться от меня надумала? Но-но, давай.

Настёна. Андрей!

Андрей. Избавишься, Настёна, избавишься. И то: устала – сколько можно? Пора и честь знать. Должен сам понимать. Избавишься, Настёна, да не так, как задумала. Со мной, говоришь, пойдешь? Да ты же знаешь, что тебя рядом со мной к стенке не поставят. Пожалуют. А меня поставят. Тебя он хошь из-за пуза пожалуют. И пойдешь ты, голубушка, одна, и совесть свою освободишь. Ишь как ладно.

Настёна. Перестань, Андрей, счас же перестань. Как тебе не совестно говорить такое?

Андрей. Я тебя, Настёна, сам от себя избавлю. Скоро уж, скоро, недолго ждать. Я не собираюсь всю жизнь тебя так мытарить. Да хошь завтра, если на то пошло, хошь счас – Ангара рядом. И зарывать, хлопотать не надо. У меня и веревочка припасена. По льду еще на мельницу заходил, прибрал там веревочку. Надежная – пятерых удержит. С твоей же лодки и прыгну, а ты доглядишь, чтоб не всплыл. Тебе же все равно через Ангару надо – ну и меня по пути подбросишь, я тебе полдороги погребу.

Настёна. За что ты так меня, за что? Что я тебе сделала? Я думала, как лучше... я ж не уговариваю тебя, я сама не знаю. Сказала, что на ум пришло. А ты что говоришь? Зачем ты так?

Андрей. Нечего меня подталкивать, я сам знаю. Я тебе сразу в первый же день сказал: нет. И ты меня не повернешь назад, не старайся. Ничего не выйдет! Ишь, добренькая какая: лучше хотела. Я знаю, чего ты хотела. Догадалась, как спровадить, всю ночь, поди, не спала, все думала. Додумалась – лучше некуда! И сеточку вон принесла, чтоб мошка меня не кусала, когда руки-ноги свяжут. Обойдусь. Без сеточки твоей обойдусь. И ничего мне больше не надо, а то ты надсадилась таскать. Хватит. Хватит с тебя, отдохни.

Больше сюда не показывайся, все равно ты меня не увидишь. И правда: на шею сел бабе – тяжело! Но запомни еще раз: скажешь кому, что я тут был, – достану. Мертвый приду и стребую. Запомни, Настёна.

Настёна. Погляди на меня, Андрей, погляди. Нет, ты погляди, не отворачивайся. Погляди и скажи: похожа я на ту, про кого ты говоришь? Бог с тобой, Андрей, что ты выдумал? Ну, скажи: похожа?

Андрей. Может, мне еще и повиниться перед тобой? В ножки упасть: мол, напраслину возвел? Или что ты хочешь, чтоб я сделал?

Настёна. Не надо виниться. А в ноги я сама упаду, только не говори так. Не верь ты себе, что наговорил, не обманывай себя. Как тебе в голову взбрело, что я могу поперек тебя пойти? Что ты, Андрей: что ты! Не надо так, ну, не надо... Ты посмотри хорошенько, посмотри на меня, такая я или нет? Неужто ты не видишь?

Андрей. Себе, значит, не верь, а ей верь... Славно.

Настёна собралась уходить.

Андрей. Не сердись. Не верь тому, что наговорил. Прости меня. Не жить мне без тебя.

Настёна. Если ты над собой что доспеешь, я тоже решусь – так и знай.

Настёна, стоя на пристани, поет колыбельную.

Сцена 11. Сцена с Семеновной в бане

Ангара. Настёна истопила баню и, зная, что Семёновна не любит первого жара, пошла поперед всех.

Волк. А дальше все покатилося как под горку, и под горку крутую. Началась самая настоящая охота.

Ангара и Волк выстраивают выгородку «Баня». Заходит сначала Настёна начинает раздеваться, за ней Семеновна, она внимательно к ней присматривается.

Семёновна (спросила прямо). Ты, девка, не брюхата ли? Што так распёрло-то?

Настёна (ответила твёрдо). Брюхатая.

Семёновна (удивлённо и обрадованно вскрикнула, задыхаясь от бешенства, и долго была не в состоянии вымолвить ни слова, только трясла головой). Эва-а-а! Шуцка! (выкрикнула так, что Настёна не сразу поняла, что это «сучка», а потом заголосила, хватаясь за голову). Шуцка! Ой-е-е-е-ей! Штыд, штыд, како-ой! Гошподи! Прешвятая богородица! Покарай ты её, покарай на меддте. Побежала! Не дождалашь! И живёт, притихла, шуцка такая! Андрюшка при-

дет, а она, кобыла, уж готовая... Штыд-то твой где был? Где он у тебя был, куды ты его дела? Да штоб у тебя там цервяки завелишь! Штоб тебе вовек не оп-роштатъша! От бы хорошо было, от бы хорошо!

Испугалась своих проклятий и, остановившись, поперхнувшись, с последней надеждой спросила:

Ты, может, врѣшь? Может, нету нице?

Настёна *(с каменным бессилием, невольно качнув вперёд животом)*. Есть.
Семёновна *(простонала)*. Ешьт. Ешьт, говорит. Будто так и надо. Не подавитша штыдом – нет? Не кошка ли ты? Не кошка ли ты *(нашла новое слово)* пакоштливая, блудливая? *(И, как на кошку уже крикнула, указывая рукой на дверь)* Брышь! Брышь из дому, блудня! Штоб духу твоего тут поганого не было. Уметайша немедленно! Где была, туды и беги. Андрюшка придет – це мы ему шкажем? Кого держали? Кого пригрели на швой позор? Ить в деревне-то узнают, в деревне-то узнают – гошподи! Я тебя, девка, ш первого дни разглядела, я шразу по-цуяла, какая ты ешьт. Побежала, принесла! Уметайша, не жди, покель я ухватом тебя не помела. Штоб тобой тут боле не пахло.

Сцена 12. На постой к Надьке

Настёна на пристани. Подходит Надька полоскать белье.

Надька. Чё ухайдакалась?

Настёна. Пустишь меня пожить маленько?

Надька. Кого – тебя?

Настёна. Меня.

Надька. Чё такое стряслось?

Настёна. Выгнали.

Надька. Тебя выгнали?

Настёна. Видишь?

Надька. Пи-пи-пи-и. Заправду, чё ли? Ты откуль его взяла? Погоди-ка, погоди-ка. Это чё на белом свете деется? И верно, видать. А никто ничё... Ты откуль его взяла? Ну, утво-рила-а! Вот это пикулька-сви-стутька! Засвистит, засвистит! Ниччѣ себе! Кто это тебя?

Настёна. Святой дух.

Надька. Святой-то, святой. Интересно же знать. Конечно, если секрет, то не надо. Ни одного мужика вроде не было. Нет, ты давай сразу рассказывай. Чтоб без околичностей. Я, может, сама этого святого захочу проверить?

Настёна. Не догонишь, Надька. Помнишь, уполномоченный приезжал? Который на облигации подписывал?

Надька. Ну?

Настёна. Вот и ну! Запрягли, поехали, и... привезла. Долго ли умеючи?

Надька. Недолго, недолго, я знаю. Долго потом расхлебывать. Ну, Настёна! А все тихоней прикидывалась, краснела. Вот тебе и тихоня. А дальше-то как хочешь? Если Андрей придет? Он же убьет тебя.

Настёна. Пускай. Что ты спрашиваешь: как, как? Откуда я знаю?! Скажи лучше, могу я у тебя первое время перебиться? Пустишь, нет?

Надька. Да можешь, можешь. Куда тебя деть. Вместе будем, если чё, обороняться. Старуха тебя, конечно, не пожалеет, у ей сейчас все косточки против тебя бренчат. Внучонка сподобила. То-то она все зырила за тобой. А бабу где же укараулишь? Баба сама себя перехитрит, не то что других. Кто бы вот про тебя подумал? Ну, Настёна-а! Рисковая ты, рискованная, не сладко тебе придется. Ничё, вместе станем горе мыкать. Я дак уж привычная. Ты так, с пустыми руками и пришла? Ничего не взяла? Может, мне сходить, собрать там?

Настёна. Не надо. Я потом сама.

Надька. Сама... Ты уж досамакалась. Да не вянь ты, не вянь, не пропадешь. Не то бывало. Встарь, бывало, и собака с волком живала. Проживем. А то чё ж: название одно, что баба. Нет, ты роди, потом поглядим. Как его хоть звали?

Настёна. Кого?

Надька. Кого... Кого еще – этого твоего, который тебя на заем подписывал? Ловкий какой! Имя-то хоть спросила?

Настёна. Нет.

Надька. Имя не спросила? Дура ты, Настёна. Как же ты ребенка навеличишь. От что значит: не рожала. В метрику ведь придется записывать, а там спросят. Ничё, сочиним. Покуль суд да дело, найдем ему отца, самого хорошего.

Сцена 13. Встреча с Михеичем

Михеич *(отдышавшись, сделав ещё несколько успокаивающих затажек, Михеич поднял на Настёну слезящиеся глаза и устало, вымогающе).* Он здесь, Настёна. Не отказывайся, я знаю. Никому не говори, откройся мне одному. Откройся, Настёна, пожалей меня. Я ить отец ему. *(Настёна покачала головой.)* Дай один только и в последний раз увидаться. Христом-богом

молю, Настёна, дай. Не простится тебе, если ты от меня скроешь... Хочу я спросить его, на что он такое надеется? А? Не говорил он тебе? У нас в родове всякие бывали, но чтоб до такого дойти... От стервец, дак стервец. Доигрался... Сведи нас, Настёна. Христом-богом молю: сведи. Надо заворотить его, покуль он совсем не испоганился. Ты сама видишь: дале некуда играть. Хватит. Пожалей меня, Настёна, подмогни. И тебе легче будет.

Настёна *(задумываясь, поддаваясь мольбе, качая головой)*. О чём ты, тятя? Что я тебе скажу? Сказать-то нечего. Нету тут никого, придумал ты. Нету.

Михеич. Не ври, Настёна. *(Поднялся и пристукнул трубкой по ноге)*. Кому ты врешь? Я с тобой по-хорошему хотел. Это ж от него пузо-то твоё! От кого ещё?! Будто я тебя не знаю. Будто не знаю, какая ты есть. Это ты старухе, бабам сказки рассказывай, а не мне. И ружьё ты ему унесла, и много чего стаскала. *(Чуть не достал трубкой до Настёниного живота и отдернул её)*. От оно, доказательство-то. Куды ты его денешь? Куды? Я тебя спрашиваю!

Настёна *(понимая, что не надо бы этого говорить, но не найдя, не зная, что больше сказать, стараясь закончить, оборвать скорей разговор и уйти, достала чёрного, нечистого, подложного козыря)*. Я с вашим Андреем четыре года прожила и – ничё. А ты говоришь: доказательство.

Михеич *(замер, испуганно заморгал, глядя на неё, и повернулся, тяжело зашагал прочь, потом дёрнулся обратно. Заторопился и заговорил сразу, глядя в упор на Настёну без капли тепла и жалости и точно отрубая слова)*. Слушай, дева. Если он здесь, пускай скорей уходит или ишо чё, покуль не словили. Мужики, кажись, чего-то задумали. Тут у них Иннокентий Иванович комиссарит. Нестор седни в Карду поехал. Неспроста это... *(Настёна молчала. Повернувшись уже уходить, добавил всё тем же сухим, калёным голосом)*. Проклял бы я тебя, дева, что не дала мне с им свидеться, да на твою голову и так достанет хулы. А грех этот на тебе, никуды тебе от его не деться. И он тоже гусь: с отцом испугался поговорить. А-а, ну вас...

Надька. Слушай-ка, Настёна, чё про тебя говорят... Говорят, будто ты от родного мужика, а не от чужого, пузо-то наростила.

Настёна. Где бы я его взяла, своего-то? Четыре-то года, однако, много будет для пуза?

Надька. Это Иннокентий Иванович догадки все строит. От него, мне кажется, пошло. Нейметса ему, старому хрычу. Сам-то для

бабы бесполезный человек вот и мутит народ, придумывает что поинтересней.

Настёна. От своего – так от своего.

Надька. А ещё Бурдак, милиционер приехал.

Сцена 14. Сцена самоубийства Настёны

Настёна. Надо успеть, надо предупредить мужика. Надо попроситься. Навсегда... Стыдно... почему так истошно стыдно и перед Андреем, и перед людьми, и перед собой?

Ангара. До чего легко, способно жить в счастливые дни и до чего горько, окаянно в дни несчастные!

Волк. Почему не дано человеку запастись впрок одно, чтобы смягчать затем тяжесть другого?

Ангара. Почему между тем и другим всегда пропасть?

Максим *(кричит)*. Вон она, вон!

Бурдак. Помела, поперёд хотела проскочить. Не выйдет, голуба, не выйдет. Догоним.

Максим. Вторую лодку сталкивай. Скорей – чего телишься!

Голоса. Доста-а-нем!

Максим. Настёна, не смей! Настё-ё-о-на!

Настена услышала ещё отчаянный крик.

Волк. У самого дна вспыхнула спичка.

Этюд «Гибель (самоубийство) Настёны».

Звенели десятки, сотни, тысячи колокольчиков. Казалось Настёне, что её морит сон.

Настёна. Нет, сладко жить; страшно жить; стыдно жить.

Ангара. Плеснула Ангара, закачался шитик, в слабом ночном свете потянулись на стороны круги. Но рванулась Ангара сильнее и смяла, закрыла их – и не осталось на том месте даже выбоинки, о которую бы спотыкалось течение.

Волк. Только на четвертый день прибило Настёну к берегу недалеко от Карды. После похорон собрались бабы у Надьки на немудреные поминки и всплакнули.

Ангара. Жалко было Настёну.

Конец.

Заключение

Автор-составитель хрестоматии надеется, что данные примеры инсценировок подвигнут студентов и руководителей театральных коллективов на создание своих авторских инсценировок и помогут воплотить их на театральных подмостках.

Работая над инсценизацией литературных произведений, студенты и режиссеры театральных коллективов развивают фантазию и воображение в сочинительстве спектакля. Они могут использовать такие приемы, как мистификация, деконструирование текста автора, ввод в спектакль действующих лиц, отсутствующих в тексте-первоисточнике; нивелирование разницы в гендерной принадлежности при распределении ролей; нарушение стилистического единства в выборе музыкальных средств; осовременивание костюмов; применение в классической литературе современных гаджетов; подмена места действия, времени действия и т. д.; смешение в одном спектакле нескольких жанров; синтез различных форм и видов искусства (пластика, слово, музыка, видео и т. д.).

Однако эти приемы должны использовать как стратегию в решении спектакля, при этом не подражая и не пародируя авторский первоисточник. Хотя не всегда это получается у режиссеров, хотелось бы, чтобы в афишах отмечалось, что спектакль сделан по *мотивам* того или иного произведения... Это будет корректно по отношению к автору. Тогда режиссер театра будет не пересказывать, не «издеваться» над текстом автора, а передавать свои эмоции, ощущения и впечатления от соприкосновения с этой литературой.

Список литературы

1. Аристотель. Политика / Аристотель. – Москва: АСТ, 2002.
2. Буткевич, М.М. К игровому театру / М.М. Буткевич. – Москва: ГИТИС, 2002.
3. Добросолец, И.И. Инсценирование прозы: теория, методика, практика: учебное пособие / И.И. Добросолец. – Самара: СГИК, 2017.
4. Искандер, Ф. Кролики и удавы. Любое издание
5. Карпушкин, М.А. Постановочный план: структура и сценическое воплощение / М.А. Карпушкин. – Москва: ГИТИС, 2013.
6. Киплинг, Р. Книга джунглей. Любое издание
7. Распутин, В. Живи и помни. Любое издание
8. Розов, В. Собрание сочинений: в 3 т. / В. Розов. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
9. Станиславский, К.С. Собрание сочинений: в 8 т. / К.С. Станиславский. – Москва: Искусство, 1959. – Т. 6.
10. Скороход, Н. Как инсценировать прозу / Н. Скороход // Петербургский театральный журнал. 2010.
11. Холодов, Е.Г. Композиция драмы / Е.Г. Холодов. – Москва: Искусство, 1957.
12. Хализев, В.Е. Драма как явление искусства / В.Е. Хализев. – Москва: Искусство, 1978.
13. Чистюхин, И. О драме и драматургии / И.О. Чистюхин. – Орел: ОГИИиК, 1999.
14. Шергин, Б. Рассказы и сказки. Любое издание.

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

Сценическая трансформация прозаического произведения в инсценировку

Хрестоматия

Автор-составитель И.И. Добросолец

Редактор Л.В. Кузьмина
Верстка: Н.А. Зимина
ФГБОУ ВО «Самарский государственный институт культуры»
443010, г. Самара, ул. Фрунзе, 167
e-mail: rio@samgik.ru

Формат 60x90/8. Объем 9 усл. п. л.
Подписано в печать 25.02.2025
Тираж 100 экз. Заказ № 1097

Отпечатано в РИЦ СГИК